

К 130-летнему юбилею
С.Л. Рубинштейна

Материалы общемосковского
методологического семинара

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ НАУЧНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ РАО»
МОСКОВСКОЕ РЕГИОНАЛЬНОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
РОССИЙСКОГО ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

К 130-летию юбилею С.Л. Рубинштейна

Материалы общемосковского
методологического семинара

Ответственный редактор
Д.Б. Богоявленская

АКРОПОЛЬ
Москва
2020

УДК 159.9
ББК 88.3
К11

К11 К 130-летнему юбилею С.Л. Рубинштейна. Материалы общемосковского методологического еминара / Отв. ред. Д.Б. Богоявленская. — М.: Акрополь, 2020. — 136 с.

ISBN 978-5-98807-087-0

В сборнике представлены материалы заседания постоянно действующего методологического семинара Московского регионального отделения Российского психологического общества, посвященного 130-летнему юбилею выдающегося ученого — философа и психолога — Сергея Леонидовича Рубинштейна.

Выступление учениц С.Л. Рубинштейна, которым посчастливилось работать под его руководством, К.А. Абульхановой-Славской и Д.Б. Богоявленской, наряду с описанием траектории проводимых ими исследований, естественно, не могло не касаться непосредственно личности их Учителя. В двух докладах наших ведущих историков психологии А.Н. Ждан и И.Н. Семенова был представлен богатый перечень событий жизни, характеризующих личность С.Л. Рубинштейна и путь развития его теории. Тончайший философский анализ теоретической позиции С.Л. Рубинштейна характеризуют тексты выступлений доктора философских наук А.Ю. Шеманова и доктора психологических наук В.Т. Кудрявцева.

УДК 159.9
ББК 88.3

ISBN 978-5-98807-087-0

© Коллектив авторов, 2020
© Совет МО РПО, 2020
© Психологический институт РАО, 2020

Содержание

Предисловие. <i>Богоявленская Д.Б.</i>	4
Письмо о передаче личных материалов С.Л. Рубинштейна от К.А. Абульхановой	5
С.Л. Рубинштейн «История создания книги «Человек и мир» и её неопубликованные дневниковые фрагменты (репринт)	6
Автобиография С.Л. Рубинштейна (восстановлено с машинописной копии)	27
Письмо Абульхановой о передаче текста её статьи	31
Сергей Леонидович Рубинштейн — человек вселенной. <i>Абульханова К.А.</i>	33
Последняя студентка. <i>Богоявленская Д.Б.</i>	50
О школе С.Л. Рубинштейна. <i>Богоявленская Д.Б.</i>	54
С.Л. Рубинштейн: от самодетерминизма – к самодеятель- ности. <i>Кудрявцев В.Т.</i>	66
Классик мировой философско-психологической мысли Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960). <i>Ждан А.Н.</i>	85
Рефлексия экзистенциально-институциональных аспектов развития субъектности жизнетворчества С.Л. Рубинштейна и его научной школы. <i>Семенов И.Н.</i>	94
Проблема данности субъекта психического отражения самому себе и концепция С.Л. Рубинштейна. <i>Шеманов А.Ю.</i>	117
Послесловие. <i>Сергоманов П.А.</i>	135

Предисловие

В сборнике представлены материалы заседания постоянно действующего методологического семинара Московского регионального отделения Российского психологического общества, посвященного 130-летию выдающегося ученого — философа и психолога — Сергея Леонидовича Рубинштейна.

По традиции семинар проводится в Психологическом институте, где по завещанию Г.И. Челпанова размещается Совет МО РПО. В семинаре приняли участие сотрудники ряда институтов и университетов Москвы: ПИ РАО, ИП РАН, МГППУ, МГУ, МПГУ. Не случайно проводимый семинар, в отличие от предшествующих, потребовал трех заседаний и фактически проходил в течение месяца. Возможно, причиной этому был характер докладов, носящий не только научную, но и гражданскую направленность. Начиная с полуторачасового выступления К.А. Абульхановой-Славской, битва за методологию и ее значение присутствовала во всех докладах. Яркий талант и преданность Учителю позволили К.А. Абульхановой-Славской после смерти С.Л. Рубинштейна возглавить и далее развивать его направление. Ею реализована философская парадигма Сергея Леонидовича в качестве совокупности методологических принципов в психологии, эпицентром которых стал принцип субъекта, разработанный ею применительно к жизни личности (активности личности как ее самореализации во времени жизни, ее сознания как способности разрешения жизненных противоречий и построения стратегии жизни). Реализация предложенного Рубинштейном принципа «творческой самостоятельности» реализована и в моих — последней студентки — работах.

Семинар не только позволил почтить заслуги С.Л. Рубинштейна перед отечественной наукой, но, показав ее достижения, поставить вопрос о современных тенденциях в науке и в сфере образования. Так, внедряемое в образование представление о мышлении как «навыке» никак не совмещается с понятием Рубинштейном «субъекта как единства сознания и деятельности», где мышление — это становящийся в действии и постоянно развивающийся процесс. Проведенный семинар показал, и в каждой статье сборника это раскрыто по-своему, что отечественная методология жива и развивается.

Переданный К.А. Абульхановой-Славской текст из личного архива Сергея Леонидовича вдохновляет и вселяет надежду, что теория Рубинштейна будет воспринята молодым поколением философов, психологов и педагогов и определит их работу в данной отечественной методологической парадигме.

От имени МО РПО мы благодарим Ксению Александровну за этот Дар.

Председатель МО РПО
Д.Б. Богоявленская

Президенту Московского
регионального отделения
Психологического общества
доистории психологических наук
Боголюбской
Диане Борисовне

Я, Абдулханова Ксения Александровна,
звонящая вам (то звонящий Сергей Леопольдович
Рубинштейн) дружественным, наследующим все
архивы и права на их публикацию
передаю из моего личного архива С.Л.
Рубинштейна

Президенту Московского регионального отделения
Психологического общества
Боголюбской Диане Борисовне
следующие личные материалы С.Л. Рубинштейна:

1. Автобиография (машинно писанный текст 6 стр.)
без указания даты. (Датировать можно, ис-
ходя из содержания 1944-1945 г.г.)

а. Две рукописные записи С.Л. Рубинштейна:
«История создания книги «Человек и
мир» и ее неопубликованные фрагменты»
(машиннописный текст 21 стр.)

Датировано 1953г.

P.S. О публикации данных материалов в
печати сведения не имею.

Абдулханова

27 ноября 2019г.

Прошу поспособствовать моему в известности
об издании этих материалов (и сроках)

С глубоким уважением
и благодарностью К.А.

История создания книги "Человек и мир" и ее
неопубликованные дневниковые фрагменты

18 апреля 1958 года. Слишком долгая по моим силам после болезни прогулка, медленным шагом в раздумьи, во время которой пришла мысль об этой книге.

Вечером - музыка - потрясающий концерт Ван ^КДиберна.

Из истории идейных исканий интеллигента первой половины XX столетия (Из моей духовной автобиографии)

Решение написать свою духовную автобиографию. Речь идет никак не о моей персоне, не о том, конечно, чтобы запечатлеть ее историю; речь идет о том, чтобы в свободной непритязательной форме, а не в виде систематического ^{исследования} высказать мое отношение к коренным вопросам жизни. "Автобиография" - моя литературная форма, способ изложения. Отсутствие у меня данных для написания такой автобиографии.

История и анализ основных философских и этических проблем, как они вставали в ходе моей жизни (первой половине XX столетия).

Детство

"Когда знают, ставят пять" - такого отношение к желанию быть примером, первым учеником... - чувство ответственности и абсолютизации оценок.

Искание идеального не только в идеальном знании, но в жизни, чувствительность к прекрасному. В моем отношении к женщине - чувствительность к ее духовному очарованию. Душевное тепло человека - мать.

Самое основное в ситуации моего развития - болезнь отца, отношение к нему матери и трагичность ее собственного положения. Сознание, что другие, взрослые нуждаются в моей помощи, понимание, что я для них нравственная опора, что мною держится судьба семьи. Чувство ответственности за других.

Жизнь семьи рано поставила передо мной нравственные проблемы - тонкие, сугубо личные соотношения - сначала в практической форме. Они сохранили для меня всю свою значимость и далее, в течение всей моей жизни.

Мое любимое чтение с детства (и помногу) - жизнь замечательных людей. Не их успехи, возвеличивание как то, чего я хотел бы и для себя, а то, как они боролись с трудностями, как они стремились к совершенству, восхищение не их успехами, а тем, как они шли к своей цели и красотой, духовной содержательностью их жизни.

Юность

Практический интерес к этическим проблемам затем перерос в теоретический. Усиленное в последующие годы чтение этической и религиозно-этической литературы. Все, что я потом делал по характеру моей официальной деятельности было в той или иной мере отчужденной от меня деятельностью, если я не находил в ней какого-то соприкосновения с этическими, и затем - шире, - мировоззренческими проблемами. От моих этических интересов пошел далее интерес к философии, интерес к вопросам общественной жизни, возникло острое ощущение нетерпимости общественных порядков в капиталистическом обществе.

Собиравшиеся в нашем доме верхушки одесской интеллигенции - адвокаты, врачи вызвали острое отвращение к этой буржуазной интеллигенции.

Интерес к философии, к мировоззренческим проблемам и соз-

знание несправедливости форм тогдашней общественной жизни скреп-
стились на интересе к марксизму: юность – сидение над "Капита-
лом" и размышление над проблемой соотношения гносеологии и
исторического материализма. Прерванное болезнью краткое учение
в подпольном марксистском кружке (Хмельницкий и другие)

Истоки моего философского развития – арена борьбы упадни-
ческого измельчавшего идеализма первой половины XIX века с мар-
ксизмом. (Марксизм для меня – сначала революционная теория и
лишь затем, постепенно, философская теория). Борьба упадниче-
ских форм идеализма 20 века (неокантианства (...)) ...неогегель-
янства, Гуссерль – кризис психологии – начало феноменологии
создаст (неразб.) предпосылки для экзистенциализма). С другой
стороны – в России от Достоевского к Шестову развивается рус-
ский экзистенциализм.

Годы учебы: отказ от поступления в кулачий Одесский универси-
тет (неразборчиво). Отъезд во Фрайбург. Неудовлетворенность.
Переезд в Марбург. Риккерт и его окружение. Фигуры Копна, ...
Наторпа и Кассирера. Здесь та же неудовлетворенность и собст-
венная философская концепция. Стремление высвободиться из тис-
ков чистой мысли и проложить себе путь к реальной действите-
льности – вот основное. Но остаюсь в Марбурге, где удовлетво-
рительные условия учебы, возможность изучения классиков. И гла-
вное – опора на математику, естествознание. Берусь за тщатель-
ное изучение естествознания, философских вопросов физики (тео-
рия относительности), основ математики. В связи с этим (неразб.)
закон исключенного третьего. Проблема формально логически осоз-
нанной необходимости и выхода за ее пределы.

Гегель.

Марксизм выступает для меня сначала как учение о роли преоб-
разования общества, о революции. Марксизм как философия диалек-

4
тической логики, теория познания - лишь позже, после октябрьской революции в России.

Юность - это еще раньше, до философии и ее научного изучения за границей:

1. Самая напряженная бурлящая, тревожная, трудная и прекрасная пора жизни. Одна такая у каждого человека - именно юность. У меня - две такие самые прекрасные поры.
2. Пора идейных исканий.
3. Вхождение страсти в жизнь человека. Не случайно одновременно - пора страсти и идейных исканий. О страсти и разуме изучаю христианские традиции - (неразб.).
4. О женщине. Любовное влечение и эрос. Любовь и аскетизм.

3
Начало революции и мое отношение к ней: сознание ее необходимости и желание ниспровержения не только царизма, но и всяческого насилия. Горячая симпатия к большевикам. Дальнейшие внутренние конфликты и душевные сомнения: проблема революции и насилия. Достоевский - все счастье человечества не стоит одной слезы ребенка и оправданность насилия. Революция и гуманизм: ложь христианской жалости к униженным и оскорбленным и новая борьба за нового гордого человека.

3
Острый интерес и увлечение Достоевским: с ранней юности, искание правды и справедливости, решение моральных проблем. И при восхищении Толстым как художником любовь к Горькому, его людям). Достоевский и Горький - их соотношение: антиподность и постоянная соотносительность в отношении к людям. И у одного и у другого противоречивость человека (добро во зле, зло в добре, не просто рядом!). Мое тогдашнее отношение к этому этическому вопросу. Мои дальнейшие размышления над этой проблемой: Толстой, Ганди и непротивление злу насилием. Анализ этой проблемы по существу.

5

Болезнь. Самое большое впечатление моей юности до революции — жизнь и смерть Л. Толстого. Не содержание его учения, а именно его жизнь и смерть. Ничего не желал я себе так, как подобной смерти — смерти, которая была бы завершением лучших устремлений жизни и ее оправданием. Мысли о смерти и мое отношение к ней. Смерть моя — для других — остающаяся жизнь после моей смерти — есть мое не=бытие. Для меня самого, т.е. для каждого человека, для него самого — смерть — последний акт, завершающий жизнь. Он должен отвечать за свою жизнь и в свою очередь определять ее конечный смысл. Отношение к своей смерти как отношение к жизни.

Мои занятия философией.

Платон, Аристотель (неразб.), Кант, Маркс сначала как исследователь, критик и преобразователь общества, как теоретик социализма, как гениальный революционер. Из теоретических проблем это самая глущая с начала занятий философией. В "Бытии и сознании" я говорю об отношении идеального к объекту и субъекту, подвожу итоги размышлений над одной из основных проблем моей юности. Кант привлекает и привлекал в молодости, когда он в этом философском отношении был идеалом. Привлекает сейчас, являясь образцом серьезности, сосредоточенности своей мысли. По содержанию — точка отталкивания — в первую очередь ее важно преодолеть, учитывая недостатки и достоинства, в виду неправильности и вместе с тем — высокого уровня.

Декарт привлекателен личной раскрепощенностью, критической мыслью. Свобода мысли против догмата веры, авторитарности, соборности, католицизма.

Свобода — центральная проблема европейской истории культуры. Предшествующие свободе — католицизм, соборность, церкви, затем их антитеза — либерализм и его кризис; новый католицизм в поли-

тике плоскость тоталитаризма. Свобода - индивидуальность как обособленный одинокий индивид и потом как "частное лицо", которое в его свободе - лишь бы его не трогали, нет дела до общества (Достоевский - мне ли чаю не пить или миру погибнуть). Методология Декарта - скептицизм, нигилизм, всеобщее наплевательство: моему лицу ни до чего нет дела. Свобода внутренняя (этическая) и политическая. Мои размышления над этими вопросами на протяжении моей жизни (разные несколько на разных ее этапах). Моя теоретическая позиция Спиноза и Маркс: Спиноза - преобразованный стоический идеал свободы как владения своими аффектами. Мудрость - это не тот идеальный образ человека, который рисуется мне. Прекрасен, с одной стороны, сам облик Спинозы (не поддающегося давлению европейской ортодоксии) и, с другой, - его стиль - сверху тонкий покров льдинок - теорем, схем, а под ним кипение страстей, и далее его мораль - не внешняя, а выработанная в самой жизни.

Итак, три основные проблемы:

1. Преодоления обособления идей
2. Свободы (внешней и внутренней)
3. Революция и проблема гуманизма (общественный строй и этические проблемы).

Страничка из истории трудностей и теневых сторон в развитии науки в начальный период особенно на периферии, на Украине

Моя деятельность в Высшей школе и идеологические столкновения. В Университете яхожу как философ. Читаю курс теории познания (о нем - как свидетельство - сохранились записки, намечавшие те идеи, которые лишь много позже и кратко изложены во второй главе книги "Бытие и сознание"). Читаю курс по философским основам математики и особенно по теории относительности. С

7

этим связаны первые идеологические мои конфликты. Теорию относительности признают ересью, идеализмом: Их борьба с истиной во имя узкой любви к догматизму приводит меня к представлению о невозможности заниматься официально философией в таких условиях. Я не уступаю, но отступаю - отхожу от преподавания философии и перехожу к психологии, пользуясь тем, что я заведую собственнo кафедрой философии и психологии, и рассчитываю на то, что психология окажется наукой, что здесь скорее можно будет сохранить научную самостоятельность.

Экскурсы из истории украинской Высшей школы и эпизоды из ее деятельности. (Борьба Гринько (и Потемкина) против Луначарского. Идея университета и ее значение. Две разных линии в Университете, в Академии. Правильная последняя линия Университета, велико ее значение в общей культуре развития страны. Фигура Внукова.

Скоро наступает второй идеологический конфликт: психология как таковая объявлена идеалистической наукой в связи с ошибками педологии. Некоторые делают из психологии педологию, начинают выступать от имени таковой. В украинских условиях борьба приобретает особую остроту. Я снова не уступаю, не меняю научной линии в новых условиях, но вынужденно отступаю. Перехожу на должность директора Центральной научной, как тогда называли бывшей университетской библиотеки в Одессе, как на основную работу. Сохраняю лишь небольшой курс на неосновном отделении и в связи с этим публикую некоторые работы по библиотечному делу.

Возвращаясь к психологической работе лишь в Ленинграде. Высокая оценка и поддержка психологической науки - кафедра в Ленинграде в институте им. Герцена, Сталинская премия. Создание кафедры и отделения в МГУ в Москве и т.д.

Летопись 8

Новые идеологические бои в связи с общим развертыванием дискуссий. Две дискуссии по "Основам". Оказывается - я лжеученый, я заметный агент американского империализма, а не действительный ученый. Мои труды и прежде всего "Основы", по которым и сейчас учатся аспиранты у нас и в значительной мере в стране - это лженаучные труды (см. статьи в "Сов.педагогике", август) (ред. А.А.Смирнов, затем речь Каирова и Леонтьева).

х х
х

Решающим условием всего моего душевного развития в детстве, наложившим, вероятно, свой отпечаток на всю мою жизнь, была болезнь отца. Шумное веселье, царящее в нашем доме, веселье, к которому я и мы - дети - никак не приближены - приемы, гости, вечера, которыми как будто заполнена жизнь родителей - вдруг все это резко обрывается. У отца начинается тяжелая неврастения. Дом пустеет. Вскоре отец оказывается не в состоянии работать. Пустеет не только гостиная, но и адвокатская приемная и кабинет отца. Но и сильно поредевшая клиентура его тяготит. Он не может с ней справиться, он вообще не в состоянии работать.

Весь привычный уклад жизни нарушен. Все смешалось, заколебалось. Я не все понимаю до конца. Но одно мне ясно - надвинулась беда. Отец мечется и не находит, по-видимому, опоры. Мать в смятении и не очень может, по-видимому, ему помочь. Я чувствую, что главный пострадавший сейчас - отец, и мало близкий к нему до сих пор, я инстинктивно иду подступов к нему. Пробую, исполненный еще робости и страха подойти к нему с неуклюжей заботой, с неуверенной лаской, и вдруг чувствую - он хватается за меня как утопающий за соломинку. Ему велено побольше ходить - он начинает звать меня с собой на прогулки и часами, сверх всяких сил я до позднего вечера шагаю с ним по улицам Одессы.

9

Состояние его не улучшается. Встает вопрос о том, чтобы на время передать кому-то практику, уехать куда-нибудь, переместить место. Отец хочет, чтобы ехал и я. Я чувствую, что я нужен и матери, и ей будет легче не только физически - я, а не она будет часами шагать с отцом - но и душевно и при том во многих отношениях. Она, конечно, ничего мне не говорит, но хотя я еще "маленький", во всяком случае не взрослый, я понимаю многое, чего она не только не говорит мне, но может быть совсем в открытую и себе. Я нужен ей как щит, как опора в трудной моральной ситуации. С этого момента я чувствую, что я - опора и для отца и для матери. На мне должна и - помню - только и может внутренне еще держаться семья.

Отец затем более-менее выправляется, он возобновляет работу, продолжая страдать неврастенией. Но жизнь в семье осталась неблагоприятной, чем дальше, тем больше. Я живу в напряженной атмосфере непрерывных, не грубых и вульгарных, но тончайших, а потому особенно трудных личных нравственных противоречий и повседневно решаю не надуманные, а поднимающиеся из повседневной жизни практические нравственные проблемы. Вот тогда-то они и встали передо мной - пусть в ограниченной семейной личной форме, не так, как они выступают в крупном плане общественной жизни, а сначала в более личных формах отношений человека к человеку, и с тех пор они - этические проблемы - остались навсегда самыми близкими моему сердцу. Если я большей частью - в своей дальнейшей деятельности - занимался не ими, то это только значит, что я большей частью, увы, занимался по крайней мере официально, внешне в годы своей зрелости не тем, что было ближе всего к моему сердцу.

Но моя юность, когда больной, часто болезнью сердца прикованный к постели или во всяком случае отрезанный от активной

10

жизни, я учился (читал) и мечтал, мечтал и читал - юность моя, исполненная исканий и страсти, юность моя была вся поверх головы погружена в проблемы добра и зла, неправды, царящей в мире, и путей ее преодоления. При этом, однако, в наступающие годы юности я из сферы нравственных проблем, вообще проблем добра и зла в моем ближайшем личном окружении перехожу к вопросам, которые ставит ^{общественная} жизнь, жизнь вокруг меня в царской России, и во всем мире.

Этот второй более широкий общественный план получал подобающее ему основное значение, но никогда все же не вытеснял вовсе застрявшие в моем сердце вопросы о нравственном плане личных отношений человека к человеку. Я могу сказать далее, что наоборот, в юношеские годы заодно с вопросом об общественных и вопросах личностных отношений в их моральном аспекте становятся все более ягучими и многосторонними.

Они сохраняют для меня это значение и поныне. Я убежден, что вся острота и важность общественных проблем, задач общественного переустройства не снимает задач переустройства личных отношений человека к человеку как индивиду, личности. Господствующее у нас поныне пренебрежение этическими проблемами или игнорирование их, исходящее из убеждения, что все вопросы человеческого бытия решаются исключительно в политическом плане - эта общая в корне неверная установка, а не частная ошибка тех или иных воспитателей - действительная и основная причина того серьезного неблагополучия, которое еще наблюдается у нас в этом отношении.

3

Сколько еще лицемерия, да и вообще всяческой гнили в личных отношениях людей после сорока лет строительства социализма. Это не может не сказаться и на нашей молодежи, самом чистом благородном, лучшем, что у нас есть. Внимание к этическим

17

проблемам, разработка этики, способной служить руководством и во внутреннем личностном плане это сегодня острая и насущная задача. Без этого не решить и задач воспитания.

x x
x

Сущие дела: 1) предмет психологии. Советская психология как наука о человеке.

2) Космополитизм и патриотизм. Русская и мировая наука. "Основы". Этот же вопрос в более широком плане - национализм, интернационализм, космополитизм. Смысл этих положений в конкретной ситуации при борьбе за выход из национальной замкнутости - за освоение всей мировой культуры; при борьбе народа за свой суверенитет против его ликвидации под прикрытием космополитических лозунгов.

3) Проблема детерминации. Мой ответ в книге "Бытие и сознание". Выправление сейчас этих "патриотических загибов" - широкое научное сотрудничество. Современное состояние у нас в философии и некоторые задачи, стоящие перед ней - в связи с социальными задачами нашего общества: критика догматизма, цитатничества и т.д. Основная положительная задача - учение о категориях, гнесеология, формальная логика - диалектическая (противоречие).

Основное для меня - наиболее близкое мне - и я думаю - наиболее важное для общества; человек и его воспитание. Здесь первое: политика и этика. Преобразование общественных отношений.

x x
x

1. Детство. Зарождение чувства ответственности. Складывающееся отношение к жизни. Открытие этической проблематики.

2. Юность - на пороге жизни. Где правда в жизни. Первое кругосветное путешествие в страну духовного. Поиски истины. Вели-

12

чайный вопрос о смысле жизни. Знакомство с духовной ситуацией своего времени. Суд над неправдой жизни. Революция. Переустройство общества и правда жизни.

3. Зрелые годы. Вхождение в жизнь. "Устройство" (лично-семейное и служебное). Служба. Большое или меньшее преуспевание ("карьера"). Ученость и обыденщина. Преуспевание в жизни и пустота.

Из всего этого периода — одна страшная и прекрасная зима 1941—42 гг. Блокада. Испытание величия людей. Зима в Ленинграде. Жизнь на грани смерти. Ужас и красота жизни — один (каждый) за всех.

4. Завершение жизни. Две есть в жизни прекрасные поры — годы юности и завершения жизни. Еще раз — смятение чувства. Великий перелом. Дело жизни, его завершение. Подведение итогов. На новом заключительном этапе — снова как в юности — философские вопросы (мировоззрение).

5. Смерть. Отношение к смерти. Отношение к жизни. Человек. Вселенная и Человечество. Завершение — обращение к своему народу и человечеству.

У каждого человека свой Пантеон. В моем: Спиноза и Маркс, Рембрант и Бетховен.

Каждый раз, когда жизнь от тебя чего-то требует, чего-то от тебя хочет, всегда отвечай: да! Никогда не уклоняйся.

Человек — личность

Подчиняясь распространенному словоупотреблению, я иногда говорю о личности. Но слово это, по правде говоря, мало привлекательно для моего слуха: в нем мне слышится что-то претенциозное, чванливое и обособляющееся, стремление не смешаться, не соприкоснуться с другими. Мне больше по душе простое — скромное и гордое слово человек. В нем для меня все заключено, что важно и что нужно.

12

Юмор в последнее время все более распространяется на всю мою судьбу, на все противоречия, несоответствия с ней. По призванию, по складу мысли я философ и притом философ, сердцу которого особенно близки не только теория познания, но особенно этика, а официально я - психолог. Отсюда юмористический аспект моего отношения к моей специальности ("в психологии я случайный человек").

Мое все более юмористическое отношение к проработкам, которым я подвергался, к непрерывным "претензиям" и "козням" моих "друзей"... они не могут также простить мне того, что они меня прорабатывали. Когда-то это вызвало немало горя - не без того; (тогда преобладала жестокая ирония). Сейчас мое основное отношение кс всему этому юмористическое... Эта научная творческая пустота постоянно выступающая из-под внешней административной "импозантности".

Мое юмористическое отношение к превратностям моей научной судьбы - это отношение "с позиции силы"; рост собственной творческой силы - вот основа, на которой изживалась горечь и крепко добродушие, снисходительность юмора. Мое отношение к проработкам, которым меня неоднократно подвергали (в Одессе - философия-психология-педология, в Москве две проработки - по линии безродного космополитизма, "патриотизма", заключающегося в утверждении, что наука есть только у нас, и мы одни все "открыли", и другая - "теоретическая", в центре которой стоял вопрос о психологии советского человека...

Другое в том же отношении к проработкам... Здесь не отделаться одним лишь юмором, поскольку дело было не только во мне, но и в судьбе советской науки...

Ошибка как преступление, наука как идеология; не верное положение об объекте как показатель (якобы) зловерного отно-

шения субъекта. Идеологическая сторона знания. Откровение бытия и разоблачение познающих.

① 14

Этика и политика

Особо выделяю отношение к Сталину, начиная с Ежовщины и до конца. Мерзость и позор! В глазах многих людей компроментация социалистического общества вообще. На высоком уровне развития социалистического общества у его ведущего представителя возможна такая моральная деградация, такое поправление всякой морали. Какой урок!

Но формальное отношение к общественным требованиям неизбежно влечет за собой возможность конфликта... Механическое соблюдение общественных требований, их формально-механическое проецирование в поведение лишено всякой моральной ценности.

В этику, в этические задачи входит необходимо и борьба за такой общественно-политический строй, за такие общественные и политические порядки, которые дают возможность, заключают внешние предпосылки для того, чтобы человеку быть этическим". С другой - "переделка общества сама собой, автоматически переделывает, формирует человека, так, что ничего больше и не нужно - не верно!". Поэтому и возникает необходимость работать практически над этическим формированием людей. "Этика неотрывна от политики, но решение политических задач само

Необходимость снятия основной антитезы сталинского периода: коллективность, идейная общность с сохранением критической мысли индивида, его инициативы и ответственности.

х х х
х

Экзистенциализм Сартра.

Для Сартра человек есть только продукт или совокупность своих действий. То, что он проектирует и создает из себя не имеет

15 2
якобы никакой основы. Всё определяется его проектами или за-
мыслами, исходя из будущего, не будучи никак детерминировано
ни прошлым, ни человеческой природой. Поэтому сначала - суще-
ствование, затем - сущность. В этом же - свобода. Никакой
диалектики действия (проявления) и сущности, свободы и несоб-
ходимости.

Человек и природа

Природа не только "другое" для человека, но и природное
в самом человеке. В нем, в этом природном, первом, самом есте-
ственном и теплом, непосредственная его связь с миром, с его
жизнью и дыханием, со всем живущим, цветущим, плодоносящим.

Сначала "природа", а уже затем сознание (свобода!). Сна-
чала то, что у человека общего со всем миром, а затем уже то,
что его выделяет, особенное. Начинать со второго - значит раз-
рывать кор^{смы}ни связи человека с жизнью, обрекать его на раз-
рыв с миром как оскудевающее, одинокое прозябающее существо...

Сознание, свобода - без них нет человека, но надо сохра-
нить корни его жизни в природе, среди всего, живущего во Все-
ленной... Сначала природа была сведена к человеку, - затем и
из человека была вытравлена его природа!

Человек есть часть природы. Необходимо, чтобы он чувство-
вал себя в связи со своей природой, со всей жизнью и относился
бы к ней соответственно. Эта связь с природой должна жить как
"подоплека" всего остального в его чувстве, в его сознании, в
его отношении ко всему на свете. Пафос делания, изменения, пере-
делки хорош как противовес все приемлющей пассивности.

Но чувство первозданности, нерукотворности, изначальности,
"не сделанное", "не сфабрикованное", естественное, органичес-
ки сложившееся, возросшее. Против "пуританства" духовности,
освобождающейся от телесности.

отношение, которым формируется и тот, на кого оно направлено, и я сам.

3. Природа людских отношений и чувств (любовь).

4. Бытие объекта этого воздействия и отношения, его преобразование и изменение, когда вызывая в моем действии его данность, я реализую его сущность. Когда объектом моего воздействия становится другой человек, задача в том, чтобы через мое воздействие на него, преодолевающее его отчужденность, негативную независимость при всех отношениях данности, вызвать его к самостоятельному бытию; для этого нужно, ломая и в условиях его существования и в нем самом то, что искажает его человеческую сущность, таким образом утверждать его бытие. Это то бытие, в котором осуществляется его собственная сущность, но он обретает ее через меня (и в какой-то мере я - через него). (На полях: Отсюда развитие педагогики иного стиля: формирование человека через отношение к нему, воздействие на него).

5. Бытие субъекта: оно в этом действии не только проявляется, но и формируется; сама сущность его не только реализуется, не только формируется и развивается, но и изменяется (искажается или поднимается на высшую ступень). Расхождение (и схождение) сущности и ее осуществления раскрывается через действие субъекта в виде долженствования, которое реализуется волей человека, поскольку она - общественная воля.

Принцип усиления действием бытия объекта по-существу аналогичен отношению идеального - познания к объекту. Подлинность бытия объекта - не в его внешней данности и независимости в этом смысле от познания, а в закономерности, "обоснованности" субъектом его содержания. Поэтому, когда познание взрывает независимость от субъекта, внешнюю данность объекта, он (объект) в этом процессе познания, проникающего в свой предмет, не теря-

17
ет, а обретает свое подлинное бытие. Таким образом, теория познания и теория действия исходят из одного и того же принципа. К тому же сам процесс познания своими истоками и результатами включается в процесс действия.

х х х
х

Художник в произведении искусства, например, в романе изображает то, что мы называем недействительным. Однако несомненно, что это имеет для нас самый действительный смысл и интерес. Что это значит? Просто то, что обыкновенно понимают под действительностью, не есть вся действительность (курсив мой - К.А.). Под "действительностью" понимают обычно систему вещей и явлений, поскольку они способны действовать, причинно обуславливать практическую жизнь. Но рядом с этими причинными связями в действительности есть много действительного, много действительных отношений, и те из них, которые действительно изображает искусство. Если естественно-научное мышление односторонне считало единственной и полной действительностью ту действительность, которую выражала система естественно-научных понятий и законов, то таким образом из действительности улетучивалось многое, несомненно действительное. ...Но с другой стороны, не менее односторонни те, кто (Риккерт и др.), на основании того, что естественно-научная действительность и понятия (о ней - К.А.) - не вся, не полная действительность (естественно-научные понятия не полностью описывают ее - К.А.), на этом основании утверждали, что она вообще не действительность, что она - лишь фикция. Научное познание так мало удалено от действительности, что наоборот, оно, бесспорно, открывает новые области действительности и в уже известном открывает действительные связи и зависимости. Но что бесспорно, что ни одна наука не может дать всей, полной действительности, что всякая наука возможна лишь благо-

даря анализирующей абстракции.

Если я сопоставляю социальные науки с логикой, этикой и эстетикой в отношении к действительности (в противоположность физическим и психологическим наукам), то и судьбу их впоследствии можно сопоставить: в обеих областях царит психологизм... Теория действительности и недействительности у Риккерта обусловлена тем, что он действительным считает лишь созерцательное... Ведь Риккерт сам, признавая независимость и сверхиндивидуальность ценностей, приходит этим признанием к утверждению независимости от нас объективного мира, эмпирической действительности. А если он от нас независим и существует самостоятельно, то мы суждениями своими не создаем, а лишь признаем его. Следовательно, если бы мы и не признавали его в общеобразовательных экзистенциальных суждениях, он бы все-таки существовал. Следовательно, существует он и независимо от ценностей, следовательно, неправильно, что существование абсолютных сверхиндивидуальных (да и вообще каких-либо) ценностей есть предпосылка бытия. Но что зато несомненно правильно (и эта истина бесспорна и огромна по своему значению для всего мирозозерцания) это то, что познание в самом деле невозможно без признания над- и сверхиндивидуальных абсолютных ценностей. Эти ценности логически действительно присущи всякому познанию, как существование познания, с другой стороны, есть фактическое условие их (ценностей, понятий - К.А.) существования.

x x
x

Главный вопрос нравственности - не только в счастье человека, а в том, быть ли человеку... Нравственное деяние не обозначает пользу или счастье человека, оно должно дать бытие человеку. Любовь есть созерцание и утверждение совершенства. Бытие человека - в отношении его к другому человеку, ко мне, поэтому я

18
должен своим отношением к нему даровать ему бытие.

Отъединение, создающее пустоту вокруг человека — причина и следствие, сущность преступления.

Поступки мои и выражающееся в них мое отношение к другим людям (составляющим их внутреннее содержание) ставят других людей в новые условия и новые отношения ко мне (другим людям) — таким опосредствованным образом обуславливают изменение жизни, деятельности и отношений других людей, через эту изменяемую их деятельность происходит дальнейшее формирование людей. Другой человек не непосредственно, а опосредствованно воздействует на меня, поскольку он изменяет условия... При этом в формировании как моего, так и другого человека, в процессе моего воздействия на него и его мной обусловленных деяний речь идет о диалектике сущности и ее осуществления (причем в процессе своего осуществления сущность не только осуществляется, но и изменяется — то искажается, то переходит на другую — высшую ступень, в более совершенную сущность).

Любовь — когда человек в своей индивидуальности становится для меня завершенной реальностью, перестает быть только частью среды, одним из элементов или определенных величин мира, а выделяется как самостоятельная реальность, как завершенное совершенное в себе бытие."

х х
х

Кто воображает, что действительность — психическая или физическая — вся действительность, не понимает, что это лишь две своеобразные закономерности в действительности; тот поневоле приходит к той мысли, что например, эстетическое есть психическое (эстетическое = часть психологии). Но не в симфонии как объекте физики заключено же эстетическое, не в колебаниях же эфира!... В мире действительности в широком смыс-

ле слова рядом с действительностью в узком смысле слова = 20
физический + психический мир, находится мир эстетического и
мир этического. Задача философии, теории познания обосновать
и установить конституитивные категории не только для "приро-
ды", но и для всех иных областей действительности.

x x
x

В обычной современной классификации наук в понятии ...
(науки о духе - К.А.) (что в сущности означает здесь дух? Пси-
хическое?) оказывается будто психология есть центральная наука
для наук истории, наук об обществе (это утверждение - К.А.)
покоится опять-таки целиком на таком ложном понятии действитель-
ности, согласно которому всё не физическое, всё, что нельзя
ощупать рукой, - психическое.

x x
x

Исследовать чувственный мир, его онтологическую структуру
при помощи эстетики { так методологически необычно формулирует
в рукописи С.М.Рубинштейн философскую задачу исследования эсте-
тического отношения субъекта к миру) ^{- К.А.} "Звук в музыке,
лиризм (и ритм - время), цвет в живописи, форма в пластике,
архитектуре (также пространство). Установить путем анализа то-
го, для чего, для выражения чего каждая чувственная качествен-
ность служит, что она выражает - через значение. Изучение фор-
мирования сущего в искусстве употребить как средство для выяв-
ления формальной (онтологической) структуры сущего, его архитек-
тоники. Значение формы, характера оформленности для модально-
го характера бытия, для его завершенности.

Эстетическое — первый пласт в построении природы совершенного сущего. Красота — его (сущего — К.А.) совершенство в организации физико-душевного, которое как и совершенство в духовно-духовной области — добро, есть совершенство организации. В нем выражается основная его онтологическая закладка и структура — поведка, темп и ритм, и архитектурная пластика человеческого существа... Красота — абсолютная завершенность бытийности.

Автобиография

Я родился в июне 1889 г. в г. Одессе. Отец мой был адвокатом. В 1908 году я окончил экстерном гимназию, а в 1913 году университет (фил.фак). С 1915 г. преподавал психологию и логику в частных гимназиях г. Одессы. В 1919 году, когда в Одессе установилась Советская власть, я был избран доцентом Новороссийского университета по кафедре философии. В 1920 г. с приходом в Одессу добровольцев был отстранен от работы в Высшей школе; с восстановлением в Одессе Советской власти был восстановлен в качестве доцента университета и с тех пор в течение 23 лет непрерывно работаю в Советской Высшей школе. Когда в 1921 г. Университеты на Украине были ликвидированы и влиты в институты народного образования, я был переведен в Одесский ИНО (Институт народного образования). После смерти крупнейшего русского психолога Н.Н.Ланге, я был избран на его кафедру профессором, Зав. кафедрой психологии. Профессором Одесского института народного образования я оставался с 1921 по 1930 год, когда я был приглашен в Ленинград для заведования вновь организуемой кафедрой психологии в Ленинградском педагогическом институте им.Герцена. С начала 1931 г. я состоял профессором, Зав. кафедрой психологии, а с 1940 г. также Зам.директора по научной учебной части Герценовского института. 1.X.1943 г. приказом Наркома просвещения РСФСР был назначен Директором Гос.института психологии в Москве и с того же времени — приказом Председателя ВКВШ- заведующим вновь организованной кафедры психологии Московского университета.

В течение всего времени вел также общественную работу: состоял председателем Вузовского месткома (Институт народного образования), членом Городского бюро СНР (в Одессе), делегатом на ряде республиканских съездов научных работников, Председателем научного комитета ВОКСа, Председателем секции гуманитарных ВУЗов и научных учреждений Облбюро СНР (в Ленинграде), в течение ряда лет и по настоящее время — членом Экспертной комиссии пед.наук ВКВШ и т.д.

С 1939 года и по настоящее время состою депутатом Ленинградского Городского Совета депутатов трудящихся.

Моя личная работа в области психологии была сосредоточена по преимуществу на ее философской проблематике — на вопросах о философских основах психологии, а также на проблеме мышления и речи. Задача, которую я себе поставил, заключалась в том, чтобы перестроить систему психологии на новых методологических основах,

сохранив и вобрав в нее все богатство фактического материала, накопленного мировой наукой. Сделанное мною в этом направлении до 1934 г. я подытожил в книге «Основы психологии», вышедшей в 1935 г. Начиная с 1935/1936 г.г. с особой остротой встает для меня вопрос о взаимодействии теоретического и экспериментального исследования о выработке новых методов психологического изучения и исследования, о более глубокой перестройке всей системы — теории и исследовательской практики — традиционной психологии.

К этому времени вокруг меня складывается сплоченный коллектив моих ближайших сотрудников и учеников, объединенных общей работой в едином направлении, в процессе которой этот коллектив и формировался. Из числа его членов некоторые являются сейчас докторами наук, крупными самостоятельными работниками (профессора Ананьев, Компанейский, Шардаков), другие докторантами Академии наук (Рогинский) и целый ряд моих учеников — молодыми, но уже вполне сложившимися и самостоятельно работающими научными работниками — кандидатами, доцентами, старшими научными сотрудниками. Часть работ этого коллектива опубликована мною в 4 томах Ученых записок моей ленинградской кафедры, изданных мною на протяжении 2-3 последних лет перед войной, и в томе «Исследований», сданных в Учпедгиз и принятых для издания (к концу 1943 и началу 1944 года).

Объединенная, целенаправленная работа прекрасно сгруппировавшегося вокруг меня коллектива позволила мне по — новому вернуть работу, направленную на построение на новых, наших методологических основах системы советской психологии, обоснованной философски, взаимодействующей с другими отраслями передовой советской науки (передового советского естествознания, языкознания, и т.д.) и органически связанной с практикой в различных ее областях и, в частности, с практикой воспитания и обучения советских людей.

Работу этого этапа моей научной деятельности я подытожил в книге «Основы общей психологии», вышедшей в свет в конце 1940 г. (сейчас печатается 2-ое ее издание). Одновременно ВОКС по полученному им запросу из Америки направляет ее в США для издания на английском языке для США и Великобритании). Книга эта была в 1942 г. отмечена Правительством — Сталинской премией по циклу философских наук.

В 1945 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени.

(С.Л. Рубинштейн)

Считаю нужным сообщить о себе следующие сведения. В Высшей школе я работаю 30 лет. Начал я свою работу в Высшей школе в 1919 году в Одессе, где я принимал активное участие в преобразовании императорского Новороссийского Университета в Советский ВУЗ, войдя в состав комиссаров ВУЗов г.Одессы. С 1921 года состою профессором и зав.кафедрой психологии сначала в Одессе, потом в Ленинграде и Москве. В 1937 году мне присуждена ученая степень доктора наук (по психологии) без защиты диссертации. В 1942 году я удостоен звания Сталинского лауреата. В 1943 году избран членом-корреспондентом АН СССР, в 1945 году — действительным членом Академии Педагогических наук.

В 1943 году по моей инициативе и при моем ближайшем участии было создано психологическое отделение на философском факультете МГУ, в 1945 г. организован сектор психологии в институте философии Академии наук.

С 1939 по 1946 год состоял членом Ленинградского Совета депутатов трудящихся и в 1942 году в период блокады Ленинграда принимал активное участие в организации помощи населению и научным работникам. Награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями за оборону Ленинграда и за трудовую доблесть во время Великой Отечественной войны.

За время моей деятельности в Высшей Школе я подготовил целый ряд научных работников, которые в настоящее время являются доцентами, профессорами и зав.кафедрами в различных ВУЗах нашей страны. (Зав.кафедрой психологии в Ленинграде проф. доктор Шардаков, в Ростове — на — Дону Красильщикова, в Эреване — Овселян, бывший зам.министра просвещения, ныне ведающий ВУЗами Министерства Вооруженных сил РСФСР Сергеенков, проректора Герценовского Института Клементьев и Щербаков, декан пед.фака Герценовского Института Леушина, доценты Семенова, Сыркина, Шибалин и многие другие. Среди многих других научных работников, защищавших на руководимой мною кафедре в Ленинграде т.Таджибаев — министр народного просвещения, ректор университета и зав.кафедрой психологии в Алма-Ата, зав.каф. психологии Ленинградского Университета Ананьев, специально приезжавших из Москвы в Ленинград для защиты докторских диссертаций Теплов и Леонтьев.

Из многочисленных моих работ, не останавливаясь на больших моих книгах, я отмечу следующие статьи: «[Проблемы] психологии в трудах К.Маркса (1937г.), «Советская психология в условиях Великой Отечественной войны» (под знаменем Маркса 1943 г.), «Пути и зада-

чи Советской Психологии» Вестник Академии Наук за 1945 г.). (Две последние статьи посвящены показу достижений советской психологии). Статьи о Сеченове (1947 г.) и Павлове (1948 г.), статьи «Психология и педагогика», (1940), «Психологическое познание и дело воспитания (1945), посвященные вопросу связи психологии с педагогической практикой и посвященные [восста]новительной работе советских психологов в годы Великой Отечественной войны статьи: «Психология и проблема восстановления функций после ранений (1947г.) (последняя статья была моим докладом на организованной кафедрой МГУ совместно с ВИЭМОМ конференции).

Коллективом моих сотрудников и учеников проведен под моим руководством обширный цикл экспериментальных исследований, посвященных развитию наблюдения, памяти, речи, мышления, тесно связанных с педагогической практикой.

Под моей редакцией были изданы четыре тома Ученых записок кафедры психологии Герценовского института, состоящих из работ моих, моих учеников и сотрудников, два тома Ученых кафедры психологии МГУ. В настоящее время мною подготавливается к печати том Ученых записок (по институту философии).

Считаю необходимым к этому добавить: отзывы на мою книгу «Основы общей психологии» на предмет присуждения мне Сталинской премии давали, согласно официальной справке, оглашенной на собрании президентом Академии педагогических Наук, проф. Теплов, Ананьев, Лурия.

Из многочисленных опубликованных и неопубликованных отзывов о других моих работах и моей научной деятельности в целом прилагаю только следующее:

1) Заключение Ученого совета института психологии о всей моей научной деятельности по 1943 год за подписью проф. Георгиева.

2) Отзыв проф. Теплова о моей позднейшей работе, написанной после «Основ общей психологии», а также отзыв об этой же работе проф. Трахтенберга и Ананьева.

Член-корр. АН СССР
Профессор
С. Рубинштейн)

1

Председателю Московского
регионального отделения
Российского общества
психологов - друзей психол. наук
Тоголзышевской
Диане Борисовне

Тихомировежская
Диана Борисовна

Передаю Вам текст статьи, посвященной
130-летию со дня рождения Сергея
Монидовича Рубинштейна.

"Сергей Леонидович Рубинштейн.
"Человек Вселенной"

Статья посвящена памяти Сергея
Монидовича как философа, психолога,
Непреходящего мыслителя эпохи XX
века, личности, противопоставившей
новую философско-психологическую
парадигму, акцентировавшую
гуманизма, чуждость тоталитаризму
свободной деятельности. Сила духа,
ответственность за судьбу психологической
науки позволили ему (вопреки огромным
трудностям, навязанным прогосударственным строем
судов и государственной властью) открыто
критиковать страсти, возможности вскармлива-
ния личности в жизни в тоталитарном
обществе, в жизни над Ступинской
Трагедией.

Статья выполнена в эссеистском ключе
и написана в силу невозможности
раскрыть проблемы, требующего многогра-
дусной формы.

Передаю Вам права на ее редактуру
и публикацию, соответствующие Вашим условиям.

27.11.2019.

С глубоким уважением (К. Абуриханов)

Метод-семинар, проводимый московским региональным отделением Российского психологического общества, посвященный 130-летию юбилею С.Л. Рубинштейна, открылся полуторочасовым выступлением К.А. Абульхановой-Славской в Большой аудитории Психологического института 24 сентября 2019г.

Сергей Леонидович Рубинштейн — человек вселенной

Ксения Александровна Абульханова

доктор философских наук, профессор, академик РАО,
главный научный сотрудник «Института психологии РАН»

Аннотация: Статья посвящается Сергею Леонидовичу Рубинштейну в связи с его 130-летним юбилеем. В краткой форме предпринята попытка воссоздать его Непревзойденную личность как создателя новой философско-психологической парадигмы, давший психологической науке возможности открыть реальные пути выстраивания личности в ее жизни в тоталитарном обществе в социальной действительности как «оптимистической трагедии». Его собственная личность и жизненная профессиональная судьба являются доказательством такой возможности.

Ключевые слова: Человек, Мир, Личность, Субъект, Ответственность.

Rubinstein is a man of the universe

Abulkhanova K.A. — Doctor of Philosophy, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Ch. Institute of Psychology RAS

Abstract: The article is dedicated to Serguei Leonidovich Rubinstein in connection of his 130th anniversary. In a short note the attempt has been made of recreating his Matchless personality as the founder of a new philosophical-psychological paradigm, allowing to the psychological science to discover new ways of embedding the personality in the life in a totalitarian society in the social reality as the “optimistic tragedy”. His own personality and professional destiny are the proofs of such opportunity.

Выдающиеся мыслители разных времен обычно остаются в памяти истории своими произведениями, открытиями, итогами своего творчества. Их вклады в судьбу человечества либо хранятся в общих представлениях о них у следующих поколений, либо пылятся в хранилищах библиотек. Разве что специалисты, пополняя свое образование, вчитываются в эти фолианты.

Сами же творцы вспоминаются по их именам, к которым ради пиетета прибавляются эпитеты «великий», «выдающийся», «знаменитый» и т.д. Прах их рассеивается по кладбищам планеты.

И редко когда воссоздаются в легендах, романах и поэмах личности творцов (Моцарт и Сальери). Биографов, трепетно относящихся к каждой дате жизни великих людей, интересуют больше событийные места их жизни, иногда притягивают интерес анома-

лии их личностей, иногда — принадлежность к тому или иному направлению в искусстве, культуре...

Жизнь Сергея Леонидовича Рубинштейна совпала с взлетами и падениями двух эпох — конца XIX и самого начала XX в. и, не следуя цифровому исчислению, — с полувеком последнего, представлявшим совершенно другую эпоху. Ее современниками были поколения, жившие на грани жизни и смерти. Но если идеи, составившие уникальный плод его творчества, дожили до следующего рубежа — эпохи второго тысячелетия и воспринимаются так пристально и оживленно, как будто и сам автор еще жив и с ним самим есть о чем поспорить, то личность его как-то непроизвольно задвигается за кулисы, а в воздухе (и в списках литературы) звучит только эхо, в котором исчезла интонация подлинника — Рубинштейн...

Философы и психологи, к сообществу которых он относился в силу содержания своего творчества, — нарочито или случайно путали его профессиональную идентичность: первые причисляли его к известным психологам, вторые — к... мало известным философам, тем самым уклоняясь от определения ее сути.

В социальных определениях он также представлялся фигурой *двойственной и противоречивой*. То это приехавший из одесских далей автор (всего лишь!) вузовского учебника по психологии, который становится лауреатом Государственной премии, членом-корреспондентом Российской академии наук, академиком Российской академии образования, директором, организатором, заведующим всех высших по статусу психологических учреждений Москвы — фактически первым лицом в психологии. То он вздымается на дыбу, всходит на свою Голгофу — обвиняется в ревизионизме марксизма, космополитизме и других *политических* преступлениях, *снимается со всех постов*, его труды запрещаются к публикации. А его самого директор Института философии смиренно просит если не подать заявление об уходе, то хоть... не появляться в институте. А в других институтах, где он еще вчера был заведующим, напротив, его требуют на трибуны обширных собраний, чтобы он публично покался в своих преступлениях.

Да, Сергей Леонидович Рубинштейн был современником своей эпохи, но не *выразителем* трагедии России.

Я не стану называть тебя Великим,
Как оценивают умерших людей,
Знаю я тебя *Непобедимым*,
Непреклонным в правоте своей.

Проницательность, невозмутимость взгляда,
Понимание и жизни и людей...
Но к себе в ответ ты капли яда,
Чем признание, чувствовал скорей...

Ты не прятался за полусветской маской
И, открыв забрало — шел туда,
Где тебя манили лживой лаской,
Ей не доверяя никогда...

И свое презренье к лживой жизни
Маской ты не прятал никогда.
Ты не клялся в верности Отчизне,
Просто проявлял ее всегда...

Ты не прятал к ним свое презренье,
Глядя сверху вниз, умно острил...
А навстречу лести — отчужденье,
Проявляя превосходство сил...

Поэтому, будучи *современником* своей эпохи, он — в своей жизни, философии, науке — шел *поперек*, а творил *вопреки ей*, он был ее *противником*.

К. Маркс писал свои труды о капитализме, не работая на фабрике или заводе. Сергей Леонидович, будучи по складу своей личности не общественным человеком, жил и работал среди коллег и знакомых, которых ссылали в лагеря, расстреливали, пытали. Поэтому смысл и цель своей жизни он видел прежде всего — *в поддержке человека*, в любой доступной ему лично и профессионально форме. Он видел наяву — в своей действительности — силу слова, силу внушения, исходящего от власти.

Одновременно — будучи психологом — он понимал, что только достижение людьми понимания, осмысления и своей жизни, и происходящего в ней (беззакония власти) может помочь им — либо выставить, либо изменить существующее положение. Поэтому и как философ, и как психолог, и как мудрый, а может быть, тоже наивный человек, он придавал такое огромное значение развиту способности мыслить, думать и... действовать.

Как философа и социального философа его неотвязно преследовала мысль: где была ошибка, приведшая правду К. Маркса к ее превращению в свою противоположность в России? Заключалась ли причина в ленинском извращении правильной идеи или ошибка таилась где-то в логике самых идей Маркса?

Европа, как мы знаем, в лице философского сообщества аннулировала категорию субъекта. Я лично свидетельствую, как изумлялись психологи (во Франции и Венгрии, в Финляндии и Чехии), слушая, как мы (о, эти русские!) в стране, где погибают не в немецких, а собственных концлагерях, восстанавливаем категорию субъекта...

Да и я, перечитывая много раз заглавие неоконченной рукописи Сергея Леонидовича «Человек и Мир», догадывалась, что он не только разумел названием этим иное соотношение философских категорий, но и выразил свое предсмертное пожелание, чтобы человек жил *мирной* жизнью в мире, а не войне.

Хотя он прекрасно понимал, что место, отведенное обществом психологии, не позволяет даже косвенно опосредованно, отдаленно (через педагогический процесс) влиять на социальное положение России. Но его современники — писатели, поэты осмеливались раскрывать людям глаза на происходящее *сегодня*. Также как его дореволюционные предшественники верили в русскую идею, он был убежден, что российское самосознание может быть укреплено, развито, а дань, отданная роли личности, поднимет ее дух и силы, и поэтому он, невзирая на личное, подчас недоброжелательное, отношение к себе психологов, стремился сплотить, укрепить эту когорту и ее влияние.

Поэтому и сердцевиной его философской парадигмы был Человек, а она сама неразрывно связана с психологией как наукой о личности, ее сознании, чувствах, ее деятельности и жизни.

Философская парадигма С.Л. Рубинштейна была прочно заземлена на психологии как науке о реалиях, проблемах жизни человека и способах ее осуществления, совладания, *сподвижничества в этой жизни*. Он неотступно заботился о ее судьбе, месте в жизни своего не простого общества, прилагая все усилия к развитию ее кадров, укреплению ее позиции. И при различном — иногда противоположном — отношении к Сергею Леонидовичу и коллег, и единомышленников, и маститых ученых, представлявших в академии самые различные науки: одних — стремившихся уклониться от его оценки как человека и профессионала, других — быстро превращающийся из друзей в противников, третьих — безоговорочно склонявших голову перед его личностью как исключительным явлением века, — *он был одинок*.

Мысль твоя стремилась на свободу,
Хоть судимый — неподсуден был,
Ты и бровью не повел в угоду,
Столько в духе твоём было сил...

Одинок, от жизни отчужденный,
Как Господь, ты к нам сошел с небес,
А Иуда, ложью прокаженный,
Водрузить тебя хотел на крест.

Ты, играя мыслями столетий,
К жизни возродил и ту,
Что жила за запертою клетью,
Погрузившись в сон и... пустоту.

Философией была та Дева,
Недоступная, как тайна бытия,
На куски разрезанная смело,
Посчитавшими: «Она уже моя...»

Ты куски разрезанного тела
Мыслью и душой соединил,
Чтоб она дышала иль глядела,
А ее владыка — Человеком был...

Ты был ее могущественный Властитель,
Ты был Планеты — Царь и Бог,
А я — последних лет твоих случайный вдохновитель —
Могла внимать их волшебству — у твоих ног...

Да, он создавал научные сообщества исследователей, понимавших его с полуслова, различающих одобрение или гнев в выражении глаз, ловивших его мысль и угадывавших его намерения... Так было в Ленинграде, в Герценовском институте в коллективе, воодушевленном его исследовательской мыслью, целью, деятельностью. Там вместе думали, обсуждали, искали, пробовали...

Немного иначе было в Секторе философских проблем психологии, созданном С.Л. Рубинштейном из профессионалов разного профиля, уровня, статуса, куда он пригласил Б.М. Теплова, Н.Н. Ладыгину-Котс, куда наезжал работавший по совместительству Б.Г. Ананьев и другие — более близкие или более далекие ему психологи. Здесь организация научного коллектива строилась скорее не по принципу общности проблемы научной деятельности, а путем общения с руководителем каждого сотрудника по проблеме, которую разрабатывал последний. Эти индивидуальные контакты чередовались с коллективными обсуждениями, в числе которых самыми творчески плодотворными были регулярные семинары с докладами приглашенных психологов. Их тема-

тика охватывала практически все проблемы психологии, а сами семинары становились лабораторией коллективного мышления, творческими дискуссиями.

Наконец, третий способ научного объединения и сотрудничества сложился в МГУ, где первоначально Сергей Леонидович открыл кафедру психологии на философском факультете, а позднее — в сотрудничестве с А.Н. Леонтьевым — отделение психологии. Здесь одна часть — научно-исследовательская работа — сочеталась с преподаванием и индивидуальной подготовкой дипломов, в основном диссертаций, которыми руководил С.Л. Рубинштейн, а другая — регулярные семинары, на которые приглашались маститые психологи со своими исследовательскими темами (в том числе из Грузии, Украины, Ленинграда и т.д.). Часто и с взаимопониманием, близким к научной симпатии, он общался с В.Н. Мясищевым, хотя идея отношений последнего казалась ему не до конца проработанной. Но в основном — постоянно обсуждались *проблемы исследования мышления* — в докладах аспирантов, докторантов (М.Г. Ярошевского, Е.А. Будиловой, Л.И. Анцыферовой, А.М. Матюшкина и других учеников С.Л. Рубинштейна).

Не нужно объяснять, почему из всего множества психологических проблем, разработанных в «Основах общей психологии», Сергей Леонидович сконцентрировал исследовательские усилия кафедры именно на проблеме мышления. Где-то это была ностальгия по Коченовским семинарам его юности, но — в основном — устремленность на разработку одной из важнейших проблем не только психологии, но и самой жизни — *пробудить мысль людей, научить не думать о жизни, а решать ее проблемы*.

Монография над которой работал сам Сергей Леонидович «Философские корни экспериментальной психологии» — в связи с начавшимися идеологическими гонениями на ученых и ряд наук, в числе которых оказалась и психология, — была рассыпана на стадии верстки.

Не хочется вспоминать в юбилейные даты об этих страшных временах, напоминающих по своей жестокости средневековье. Но нельзя не напомнить, что этой участи подверглись все четыре брата Сергея Леонидовича, каждый из которых был крупной фигурой в своей научной области. Нельзя не напомнить потому, что уничтожение верстки книги Дмитрия Леонидовича — биолога, сделавшего уникальные открытия закономерностей структурно-функциональной организации клетки, — привело к тяжелому заболеванию и скоростижной смерти.

Сергей Леонидович стоически перенес не только этот удар, но и посыпавшиеся со всех сторон «разоблачения» в печати и неоднократные проработки на разного рода и уровня ученых советах, собраниях, на которых особенно активно в МГУ его «разоблачал» в антимарксизме и ревизионизме вчерашний «друг» А.Н. Леонтьев, превративший идею интериоризации Л.С. Выготского в дальнебойное социальное орудие.

Он аккуратно приходил на эти «мероприятия». Выражение его лица было непроницаемым. Один из участников такого «мероприятия», состоявшегося в бывшем Челпановском институте (ныне ПИ РАО) рассказывал: «Как известно, большой зал этого института имеет форму полукруглого амфитеатра, разделенного на две части ступенями, ведущими вдоль рядов вверх. К моменту появления Сергея Леонидовича зал был переполнен. Сергей Леонидович, окинув его взглядом, начал невозмутимо подниматься вверх, ступень за ступенью. Ему было уже за шестьдесят. Никто из присутствующих, отводя глаза, не уступил ему место. Дойдя до стены, смыкавшейся с потолком, он оперся на нее спиной. А ведь в зале были и его единомышленники, может быть студенты. Воистину социальный страх парализует совесть...»

Так же невозмутимо он входил в аудитории факультета МГУ, где для «наглядности» были развешаны плакаты «Долой космополита Рубинштейна!», и читал свои лекции. Студенты, менее подверженные конформизму, вставали, приветствуя его. Но в зале царил страшная тишина на протяжении всей лекции. Казалось, он говорил не в этом помещении.

Не останавливаясь на общеизвестных обсуждениях «основ», а также сессии, посвященной возведению на правительственный трон И.П. Павлова и требованию отменить психологию, в ходе которых столь же невозмутимо и спокойно Сергей Леонидович, всходя раз за разом на «лобное место», не то что не каялся в своих «ошибках», но спокойно *объяснял* публике (иначе не назовешь сплотившуюся в озлобленную толпу людей) существо им написанного и ошибочность ему приписываемого, не говоря о преступности отмены психологии.

Но его *спокойствие стоило ему дорого...* На академической «скорой» его отвозили в единственное место в Москве, которое было его убежищем во времена отдыха и где его «вытаскивали» из предельно тяжелого состояния хорошо знавшие и любившие своего пациента замечательные врачи. Не счесть ночей и месяцев этих страшных лет и числа его можно сказать — запредельных состояний...

Никогда не забыть, как мы с Андреем (как брат и сестра, взявшись за руки) шли по бесконечной дороге, ведущей к санаторию «Узкое»... Ветер почти сбивал с ног, лица обледенели до неподвижности. Мы шли молча к своему умирающему отцу. И эта безумная ночь, тьма, вьюга испытывали силу нашей любви...

Нам не было разрешено даже увидеть его. Врач в ответ на наши мольбы только откинул какую-то тяжелую занавесь, отделявшую постель больного, и мы, боясь застудить, прикоснулись пальцами к ледяной руке...

Но Сергей Леонидович «не собирался умирать по этому поводу», как он сформулировал это однажды, вызволенный из бессознательного состояния. (Он с детства страдал неизлечимой в то время болезнью сердца.)

Я тебя у смерти отбирала,
От закрытых глаз и посиневших губ
Коек и палат не замечая,
Лишь прикосновеньем своих рук...

И твоя душа, опять — как птица,
Закрывавшая меня своим крылом,
Вмиг могла в Вселенной бездну взвиться,
Не задумываясь — будем ли *потом*...

Как он относился к людям, можно судить хотя бы по тому, что при минимуме младшего медицинского персонала за право дежурить у него по ночам боролись подавальщицы, уборщицы... Когда я — уже почти в том же возрасте, сколько было ему тогда, — приезжала с дочерью отдыхать в «Узкое», к нам захаживали уже давно не работавшие в санатории старушки, чтобы «повспоминать Сергея Леонидовича».

Телефон в его московской квартире в эти годы почти всегда молчал. Но сотрудники сектора в Институте философии, все до единого, каждый день приходили на работу. В основном узнать, «нет ли вестей от Сергея Леонидовича»...

В отличие от А.Ф. Лосева, которого постигла в ту пору еще более жестокая участь — он был на десятилетие сослан в лагерь, где потерял зрение, по возвращении из изгнания он всегда был окружен «своими» — это были философы, логики, лингвисты. Они дневали и ночевали на даче своего патера — за непрерывными чаями и обедами спорили, шутили, немного сплетничали. Старик, каким стал Алексей Федорович, порой только чуть прислушивался к жужжанью речей, помалкивал, думая о своем.

У Сергея Леонидовича такого «уклада» не было. Будучи в здравии, он иногда приглашал к себе «на ужин» кого-то из академических единомышленников (среди которых были и известные физики, литературоведы (в Ленинграде он дружил с Верой Инбер, Ольгой Берггольц), историки, С.И. Вавилов (с трагически погибшим на политической гильотине братом его Николаем Ивановичем Сергей Леонидович дружил еще в Ленинграде).

В годы «безвременья» тяжело заболела жена, друг — Вера Марковна. Днями и ночами он дежурил у ее постели. Она не выдержала испытаний этих долгих лет — его «хоз-обоз» (как они ее в шутку называли): переезд из Одессы в Ленинград, устройство нехитрого быта в комнате брата, блокада и вся ее (уже непосильная) помощь ему по организации в течение года эвакуации (не только сотрудников, не только аспирантов, студентов, но и всех их семей со всем скарбом на долгую дорогу), многодневная дорога, отсутствие воды и «доставание» пищи, начавшиеся болезни (особенно детей и стариков), прибытие и размещение (поиски жилья, одежды, опять — еды), организация учебного процесса (поиски учеников и... бумаги), внезапный вызов в Москву. А здесь — «в чем были» — всё осталось в Ленинграде... снаряжение мужа для походов в инстанции, снова военный быт в убогой квартире... смерть свекрови, болезни мужа...

Когда Сергей Леонидович вернулся из «Узкого», ее диванчик, мимо которого он проходил через маленькую столовую в свой огромный кабинет, был пуст...

После болезни осталась главная забота, ради которой он не мог позволить себе слечь, — сохранить психологию. Он неукоснительно выполнял, как он теперь говорил, «ритуал» (так он называл расписание своего дня) своей жизни (оставшиеся лекции, неизбежные приемные с допросами, заседания, официальные записки с объяснениями — но не признаниями, и звонки, звонки, звонки по телефону с рыдающими женами («ему не говорите!») и желавшими отвести душу «обвиняемыми», и... предложениями помощи от сотрудников).

На одном из заседаний в высокопоставленном учреждении Сергей Леонидович, терпеливо и спокойно выслушав произнесенные в бешенстве обвинения в свой (и нескольких «обвиняемых») адрес, сопровождаемые угрозами, стоя около двух часов, вдруг (как бы неожиданно вспомнив что-то для самого себя) воскликнул: «Но, кажется, и товарищ Карл Маркс не был советским гражданином, а, — он помолчал, — из зарубежья... Жаль, что он

уже умер, а то нашлось бы, в чем обвинить и его...» Председательствующий вскопчил, ушибив кулак при ударе по столу: «Я бы за одни эти слова — моя бы воля — сейчас же бы арестовал вас...» На что Сергей Леонидович внезапно вышел из зала и сел по другую сторону двери. В зале воцарилась тишина...

О другом случае он рассказывал уже с улыбкой. Однажды один из «судейской коллегии», как он обобщенно обозначал всех отдельных и «объединенных в группы лиц, занимавшихся проработками» его и ему подобных, встретился ему на лестнице очередного учреждения. Обвинитель стоял на верхней ступени, Сергей Леонидович — на нижней. Обвинитель начал свою речь — десять минут, двадцать... Сергей Леонидович понял, что он опаздывает на «прием»... «И наоборот — не правда ли?» — очень значительно заметил он. Обвинитель смолк. Брови его полезли на лоб. Сергей Леонидович деловито сказал «спасибо» и обошел остолбеневшего правоведа. Это был его «черный юмор». Это было его словесным оружием, но и выражением внутренней позиции, как он иногда говорил о себе: «добрая улыбка старшего над шалостями младших».

* * *

Невольно напрашивается сравнение судьбы Сергея Леонидовича с судьбой Н.А. Бердяева. Идеалом обоих была *свобода*.

Николай Бердяев — выдающийся мыслитель своего века — был бесконечно предан «российской идее», бесконечно предан своей родине, думал о ее будущем. Ценностью его жизни и личности была свобода. Он достиг свободы *своей личной жизни*, что было реально в тот век для русской интеллигенции. И при этом он не пребывал в одиночестве. Он был известен, ценим. Участвовал в разных по своей идеологии, мировоззрению сообществах. Делал доклады, прекрасно, свободно, увлекательно говорил, собирая на свое имя разные аудитории. Он писал программы, участвовал в дискуссиях. Он был личностью века. Но в этой своей публичности он не лицемерил, уходя, отходя от тех групп, которые переставали вызывать его согласие или сочувствие. В своем «Самопознании» он откровенно писал, что не прилаживался к ним, не присоединялся к их целям. Был внутренне лично свободен и чужд не столько тем или иным целям, но самому способу ажитированности в этих объединениях, он был независим от них. Он был свободен в обществе, *допускавшем свободомыслие*. (Хотя в конце концов насильственно выслан из России.)

Не имея ничего общего с западным индивидуализмом, сопровождающимся равнодушием к судьбе страны, он был русским идеалистом в философии, а свобода была его идеалом для будущей России. Идею свободы он смог реализовать только в своей личной жизни, но не в смысле *жизни для себя*. Его *мировоззрение* было направлено на идеал свободы как будущего *своей* страны. В усилиях, программах, собраниях сообществ, исповедовавших русскую идею, он не видел реальных сил и возможностей их реализации.

Сергей Леонидович жил в стране, исключавшей саму возможность свободы. И тем не менее, во-первых, он раскрыл ее сущность в философии и психологии. Сначала в новом понимании принципа детерминизма, затем — в идее, категории и концепции субъекта.

В дискуссии Сергея Леонидовича с Дьердом Лукачем (оставшейся в «закрытых папках») — венгерским философом, дискутировавшим со Сталиным, — Лукач отрицал значение рублинштейновского философского обоснования свободы, если она не может реализоваться политически, социально.

Сергей Леонидович считал, что свобода *отношений* в обществе в принципе невозможна, поскольку государство невозможно без законодательства, а оно предполагает необходимость ограничения свободы. Он видел ядро проблемы свободы в соотношении *личности и общества*. В России же всегда проблема свободы стояла скорее как проблема *свободомыслия* = свободы слова, своего мнения. Проблема свободы народа исторически связывалась с необходимостью уничтожения крепостничества — российской формы рабства. Что означала сегодня свобода действия, об этом еще надо было подумать... Писать об этом в условиях тоталитаризма было бессмысленно.

Сергей Леонидович считал, что понятие свободы неоднозначно в следующем отношении: свобода *от* чего-либо отличается от свободы *для*. Только последняя направлена на созидание лучшего, и это само по себе исключает ее индивидуалистический характер. Сергей Леонидович, не будучи идеалистом, считал ценностью достижение *свободы мысли* (потому-то он так пристрастно занимался исследованиями мышления). Отсюда для него шел путь к *возможности осознания себя личностью, субъектом*. Это означало для него наличие внутренне *независимой позиции* (не в смысле самомнения, завышенной самооценки, которые реализуются не адекватными путями). Отсюда шел для него путь к совершению субъектом *поступка* (М.М. Бахтин).

Но внутреннее, лично для себя определение свободы строилось им иным образом. И это — ключ к пониманию сущности его личности.

Для него свобода была связана с *ответственностью* (не в банальном смысле осознанной необходимости). Главное в жизни личности то, сколько она *хочет* и *может взять* на себя. (В разных профессиях: штангист поднимает вес; пианист, балерина овладевают недоступным обычному человеку искусством расширения возможностей своего тела, амплитуды, скорости движения рук, ног, пластичности своих движений и т.д. Это владение дается не только талантом, но желанием и колоссальным трудом). Так и в сущности ответственности лежит желание, потребность взять на себя (и осуществить) нечто *своими силами*, без помощи других и т.д.

Эту формулу ответственности я поняла, осмысляя с годами суть личности Сергея Леонидовича. Философски он выразил ее в определении соотношения жизни и смерти, необратимости жизни, жизни «всерьез», ответственности за все содеянное и упущенное.

Что и сколько брал на себя Сергей Леонидович, мы хорошо знаем из его биографии. Он брал на себя ответственность за психологическую науку, ее институции, ее кадры, ее *уровень*. И он сделал все, чтобы отечественная философия и психология превратились из разрозненных догм в творческую мысль, из теорем и разорванных понятий в презентацию людям способа сознательной осмысленной жизни и отношений друг к другу. Он сделал все, чтобы каждый мыслящий человек понимал, где, как... и ради чего он живет.

Ушел ты — смолкло мирозданье,
Звук колокола смолк, как твой призывный глас,
И у людей усилилось страданье,
С которым ты боролся каждый час.

Ты со злом боролся и неправдой
Всем негодованием своим,
Ты добром хотел насытить счастья жажду,
Как Христос, раздав хоть по частям другим...

Ты же знал, что зло неодолимо,
А убить его и мудрость не могла,
Но сказать, чтоб каждый стал любимым,
Философия твоя звала...

И потому твой облик был прекрасен,
Духовной красотой освещен,
Так полон благородства был и ясен,
Как будто ты Богиней был рожден...

При этом, в отличие от своих предшественников, славянофилов и западников, он не пророчил России светлое будущее. Его личность (как говорили некогда воины) была «заточена» на *противоречие*, однако не то, которое философская абстракция ведет к развитию.

Он осмыслял противоречия своего времени. И это время он определил как «*оптимистическую трагедию*». Нужно ли говорить человеку, что его жизнь — это комфорт, счастье, благополучие? Формула С.Л. Рубинштейна дает человеку понимание, что жизнь — это противоречия и трудности. Она готовит человека к ним, его мобилизует. За разрешение этих противоречий берутся те, кто видит в себе силы взять на себя эту *ответственность*.

Какие противоречия выпали на долю Сергея Леонидовича, мы тоже знаем из его биографии. Нежелание Челпановского института и его продолжателей признать необходимость *обновления*, развития психологии и потому протест против Рубинштейна.

Желание А.Н. Леонтьева самому руководить новой кафедрой и отделением и удалить для этого самого талантливого и популярного на том этапе С.Л. Рубинштейна — противоречие другого рода, едва прикрытое научными расхождениями.

Желание убрать со сцены набравшего большую духовную власть и влияние ученого — причина административных санкций и депривации его трудов, запрет их публикации.

Невозможность преподавать — этот последний удар его добил. Его опять отвезли туда, где когда-то в мирные времена (имеется в виду не война, а время успехов) они с Верой Марковной, гуляя, собирали землянику, но в палату, где кроме больничной койки едва умещался лечащий врач. Однако при этом убожестве (как говаривал Сергей Леонидович о том, что ему не нравилось) врачи в «Узком» были, он знал, не хуже кремлевских. Хотя в прошлые разы, когда он сюда попадал, состояние его было кардинально лучше.

Была зима, завершавшая своей лютостью лютость сороковых годов. Он не знал, сколько недель или месяцев он пробыл в этом состоянии. Но в отличие от предыдущих, он не рвался скорее встать на ноги. Ему казалось, что не болезнь, а какая-то незна-

комая ему раньше потребность захватила не только тело, но все мысли, впечатления, желание и способность говорить. Он только временами вспоминал, что надо бы сказать Вере принести новую записную книжку и ручку. (Он помнил об этой новой, кем-то из «зарубежных» коллег подаренной записной книжке, но не помнил, что Веры уже нет. Когда он попал домой, он об этом вспомнил.) Он писал лежа, полулежа...

Чем же можно объяснить, что после нескольких лет полного забвения, Сергей Леонидович публикует одну за другой монографии?

Вернувшись из «Узкого» после болезни, он был свободен. Запрет научной деятельности у себя дома за письменным столом никто не мог наложить на него...

И он, тщательно взвешивая даже всю структуру «Бытия и сознания», его доказательную композицию, обосновывал свои положения даже примерами из физики и...музыкального стиля Римского-Корсакова.

Вопреки вчерашней критике «Основ» по поводу избытка иностранных имен, он, не считая, приводит их аргументы, теории. Через месяц после отправки рукописи в издательство «Наука» его вызвали на собеседование к главному редактору, грозе всех — даже законопослушных — философов...

Первая страница, испещренная красной «правкой», была крест-накрест перечеркнута... «Дальше я ничего не правил, — сказал редактор, — но вы — умный человек — понимаете, что книга опубликована быть не может!»

Сергей Леонидович (спокойно): «Конечно, понимаю». И после *краткой* паузы: «Но вы ведь *тоже* очень умный человек... раз так, вы придумаете — как ее опубликовать...»

После *долгой* паузы — редактор: «...с вами, я ее опубликую без всякой правки, потому... (пауза), что я ее... не читал...»

В 1958 г. увидела свет монография «О мышлении и путях его исследования» — по «уже проложенным рельсам» = безобидная (какие-то там студенческие эксперименты). А третья «детиче» — частично относящееся к психологии (безобидное), о К. Марксе и его ранних рукописях (наверное, «старик» Сергей Леонидович Рубинштейн уж в *который раз решил повторить старую* (1934 г.) *статью* о К. Марксе, чтобы не потерялась) — никто не читал...

Радости от публикаций не получилось, осталось сознание, что увольнение из МГУ лишило его любимого с молодости, со времен Марбурга дела — преподавания.

И Сергей Леонидович строит «варианты» — нельзя для других, напишу о себе — как бы автобиографию... Простым языком для умных людей... Но, противореча самому себе, торопясь, строя разные варианты, начал писать свой философский труд...

Еще в дневнике, набрасывая идею автобиографии, Сергей Леонидович обобщил свою жизненную позицию, которая выразила его отношение ко всем обрушившимся на него профессиональным, жизненным ударам и социальной депривации. «Я *отступал, но не уступал*». Зная его в последние годы жизни, я не смогла бы назвать, определить, где и в чем он «отступил». Но не соглашусь с тем, что он «не уступал». Это называется иначе: рукопись, которую он начал писать, будучи уже необратимо болен, вылилась в философскую парадигму, которую постигший назовет *наступлением*. Выводы всей истории философской мысли позволили ему иначе (не будем говорить по-новому) выстроить систему философии, благодаря чему раскрылись иные — более глубокие = сущностные качества бытия, одновременно их противоречивость и имплицитованность, объяснительная возможность и одновременно эпицентр. Перевел стрелку философского компаса с направления — так *должно быть* — на направление — *так оно есть* и этим осмелился противопоставить истине — правду: так оно *есть*...

И другая формула, обобщившая не личную судьбу, а судьбу, скажем, пока, России, связала морским узлом философию, социальную философию, философию жизни и этику, мировоззрение Человека, живущего сегодня жизнью, которая является «*оптимистической трагедией*». И эта формула взывает к тем, кто обладает силой ответственности, употребить ее не только на то, чтобы в итоге жизни сохранить подлинность *своей личности*, но и на то, чтобы они сподвигли других подлинности жизни, которая сегодня является «*Оптимистической трагедией*».

Живя всю жизнь среди просторов мысли
И социальных камер и сетей,
Ты был действительно распят,
Но делом жизни, пожертвовав любовью своей.

В глубине души твоей и умирала,
Все ждала — на волю б отпустил,
И тогда — в тот грозный час ненастья —
Ты ей створки сердца отворил...

Тот миг не встречей был, а столкновением,
Которое Всевышним нам дано,
Любви восхода — с жизни завершением,
Начало и закат сливаются в одно...

Поэтому, когда ушел Ты так ужасно,
Оставив жизни плод лишь мне одной,
Я поняла, что силы — не угасти,
Что оживить его мне суждено судьбой...

Заперев мне двери одиночества и грусти,
Ты открыл мне творчества родник,
И не будет мне ни тягостно, ни пусто,
Даже если жизни будет злобен лик...

И твои глаза всегда со мною будут рядом,
Даже пусть порою — далеки,
Всю Вселенную охватывая взглядом,
«Здесь» ты говоришь пожатием руки.

Поняла я в песне лебединой
Сущность философии твоей,
Потому и я — непобедимой —
Проживу своих остаток дней...

На обрыве жизни, завершая бденье,
Раз бессилье смерти Бог благословил,
Приношу ему — свое благодаренье
И прошу — чтобы ты глаза мои закрыл...

ЛИТЕРАТУРА

Абульханова К.А. Комментарии к книге С.Л. Рубинштейна «Человек и мир» // Рубинштейн С.Л. Проблемы общей психологии. М.: Педагогика, 1973. Ч. 2: Человек и мир. С.Л. Рубинштейн «Человек и мир» М.: Наука, 1997: Абульханова К.А., Славская А.Н. Послесловие; Абульханова К.А. Комментарии к книге С.Л. Рубинштейна «Человек и мир». М.: Наука, 1997. С. 113–128.

Абульханова К.А. Жизненный путь и научное творчество выдающегося советского ученого С.Л. Рубинштейна (1889–1960) [К 100-летию со дня рождения] // Применение концепции С.Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии. М.: ИП РАН, 1989. С. 4–31.

Абульханова К.А. Принцип субъекта в философско-психологической концепции С.Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989.

Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна. М.: Наука, 1989.

Абульханова К.А., Славская А.Н. Проблемы методологии науки и философской антропологии в контексте парадигмы субъекта С.Л. Рубинштейна // *Философия не кончается...: Из истории отечественной философии. XX в.: в 2 кн. / под ред. В.А. Лекторского.* М.: РОССПЭН, 1998. Кн. 2. С. 328–352.

Абульханова К.А., Славская А.Н. Субъект в философской антропологии и онтологической концепции С.Л. Рубинштейна // *Сергей Леонидович Рубинштейн / под ред. К.А. Абульхановой.* М.: РОССПЭН, 2010. С. 23–76. (Философия России второй половины XX в. / гл. ред. серии В.А. Лекторский).

Абульханова К.А., Славская А.Н. Сергей Рубинштейн. Детство. Юность. Молодость. М.; Воронеж: Изд-во Моск. психолого-социального ин-та, 2010.

Бердяев Н. Самопознание. М.: Эксмо-Пресс; Харьков: Фолио, 1998.

Богоявленская Д.Б. Принцип детерминизма в психологии // *Проблема субъекта в психологической науке.* М.: ИП РАН, 2000. С. 53–64.

Лосев А.Ф. / под ред. А.А. Тахо-Годи, Е.А. Тахо-Годи. М.: РОССПЭН, 2009. (Философия России второй половины XX в. / гл. ред. серии В.А. Лекторский).

Последняя студентка

Диана Борисовна Богоявленская (Туровская)

доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник,
руководитель группы диагностики творчества ФБГНУ Психологический
институт», академик РАЕН, МАПН, почетный член РАО.

E-mail: mpo-120@mail.ru

Аннотация: Данный семинар посвящен 130- летнему юбилею Сергея Леонидовича Рубинштейна. В представленном тексте я описываю не его деятельность как ученого, а только один его поступок, который по его же теории является единицей личности, по которому мы судим о ней. В приведенном примере я хотела не только показать величие личности Рубинштейна, но и ту роль, которую его поступок оказал на мою жизнь.

Ключевые слова: поступок, личность, мужество, верность, принципы.

The last student

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Science (Psychology), FBSNI
Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, RF,
Chief researcher

Abstract: This seminar is dedicated to the 130th anniversary of Serguei Leonidovich Rubinstein. In the following text I am describing not his activity as the scientist but his single deed which is a unit of personality by which we make our judgement of the person according to his theory. In the present example I would like not to show the greatness of Rubinstein's personality only but also the influence of this deed on my life.

Key words: deed, personality, courage, faithfulness, principles

Работа в рамках курсовой и дипломной работы начиналась мной под руководством С.Л. Рубинштейна. Узнав, что мне, студентке 4-го курса философского отделения, разрешено параллельно учиться на психологическом отделении, он с уверенностью произнес: «Тогда пора раскрыть механизм инсайта», определив тему исследований мне на всю последующую жизнь.

К сожалению, на мне заканчивается школа С.Л. Рубинштейна. В тот день, когда был подписан приказ о назначении его руководителем моей курсовой работы, был подписан приказ о его увольнении как сотрудника кафедры психологии. До 1958 г. он числился только руководителем студенческой работы. На факультет он больше не приходил и с А.Н. Леонтьевым не общался. Естественно, что, получив тему и начав проводить эксперимент, я не реша-

лась обращаться к классику науки с возникающими вопросами и училась по его книгам. Как типичная студентка в конце года, когда надо было сдавать работу за учебный год, я отвезла текст курсовой в Институт философии и оставила в его секторе. Замечаний по курсовой я не получила. Полной неожиданностью для меня явилось описание моих экспериментов с ссылкой на мою фамилию в вышедшей в 1958 г. книге Сергея Леонидовича «О мышлении и путях его исследования». Это было подтверждением, что я на верном пути, и я, как могла, расширяла число экспериментальных задач (даже обращалась к Кордемскому — автору сборника, где приводились головоломки). Все свободные от занятий часы я проводила эксперименты. Я не помню, в каком месяце первого семестра меня вызвал А.Н. Леонтьев. Он сказал, что поскольку Рубинштейна положили в больницу и это надолго, то он как руководитель кафедры берет на себя руководство моим дипломом. Как видно, желая меня успокоить, он сказал, забыв об особенностях возраста: «Ты только его не критикуй, и все будет в порядке». Надо отдать должное ему как руководителю. Он периодически мне звонил и просил прийти и обсудить материал диплома, а получая в ответ, что я еще не готова, убеждал, что диплом — это всего лишь учебная работа. Вытащить меня на встречу ему удалось только один раз, когда он предложил обсудить в дипломной работе механизм компарации. Но дипломную работу я сдала ему вовремя. Однако защиту диплома все время отодвигали, поскольку стало известно, что Рубинштейна выписали из больницы. Наконец, ему передали текст моей работы и была назначена дата, когда я должна была поехать к нему за его отзывом. К этой дате я готовилась с воодушевлением. Прежде всего, меня беспокоило, как я буду выглядеть. Я узнала, что в моду вошли капроновые перчатки. К своему строгому черному костюму я купила белые перчатки, и вместе это выглядело празднично. Я приехала к Сергею Леонидовичу счастливая в ожидании встречи с ним. Он посадил меня за письменный стол напротив себя и протянул мне диплом. Я взяла диплом... Он был перечеркнут! Я четко помню первое, что я подумала: «Как хорошо, что на мне белые перчатки!» Затем я положила руки на ручки кресла, чтобы выпрямить спину, поскольку я была оскорблена!Затем я увидела, что голова Рубинштейна плавает слева направо и обратно. Рот был открыт, значит, он говорил. Я начала отвечать, но не слышала, что я говорю. (Удивительно, как сильны защитные механизмы нашей психики. Я честно в течение нескольких лет не понимала, что потеряла сознание.) Потом я увидела, что он взял

со стола ластик и стал стирать свои кресты на страницах. Через некоторое время ему, как видно, надоело стирать их на каждой странице, и здесь я услышала, что он сказал: «Ладно, не обращай-те внимания». Затем он открыл страницу в дипломе с просьбой убрать несколько абзацев. В этот момент я буквально услышала голос Леонтьева: «Только не критикуй, и все будет в порядке». Читая книги Рубинштейна, я не всегда была уверена, что до конца его понимаю. Но, читая курсовые и дипломные работы, где Рубинштейн числился руководителем, я нашла формулировки, которые позволяли навести критику. Наверное, это было мне нужно, чтобы не быть в своих же глазах подхалимом: не критиковать, чтобы было все в порядке.

Отдавая себе во всем отчет, сказала: «Я не могу». Он удивился и возмущенно сказал: «У меня много врагов, и они могут за это уцепиться. Я прошу это убрать!»

Я уже видела себя в вагоне поезда на Целину. Где еще может работать философ без высшего образования? Но повторила: «Я не могу». Рубинштейн долго молчал. Я тоже молчала. Наконец он сказал: «Ладно. Завтра вы будете говорить, и я думаю, все будет в порядке». Совсем мертвая я отвезла текст оппоненту. А утром пришла в пустую аудиторию, поскольку все защиты уже прошли. В аудитории сидели только две лаборантки кафедры, которые выразили сомнение в возможности моей защиты: «...ведь они не разговаривают! Каждый будет думать, что придет другой». Но в это время мы увидели, как к подъезду факультета подъехала большая черная машина. А затем сразу другая. В аудиторию они вошли вместе, сели за стол и стали разговаривать. В этой ситуации мне было предоставлено слово для защиты диплома. Я говорила. Но все внимание было направлено на их беседу. Потом лаборантки сказали мне, что так плохо я никогда не говорила. Мой оппонент доц. Никифорова сказала, что данный текст скорее черновик. Но если она обычно за черновики ставит двойки, то за этот черновик она ставит отлично. Потом слово было предоставлено научному руководителю. Первое, что он сказал: «Дипломница как экспериментатор оказалась сильнее гештальт-психологов». Как ни странно, но меня это не обрадовало, а удивило: как можно сравнивать студентку с великим Дункером? Возможно, пережитое прошлым днем меня заморозило. (Смысл сказанного тогда Рубинштейном я поняла только в аспирантуре, когда как следует разобралась в концепции гештальт-психологии. Там весь процесс начинается со структуры. А я, что было важно для Рубинштейна, показала,

как эта структура строится.) Но дальше Рубинштейн сказал, что он сейчас договорился с Леонтьевым, что посылает заявку на мое распределение в его отделение в Институте философии, так как у него появилась новая идея и ее экспериментальную разработку он поручит дипломнице. Такие перепады моя психика, как видно, не выдержала. Я дальше ничего не помню. В памяти осталось только то, что я стою в углу этой аудитории, надо мной склонился Леонтьев, жмет мне руку и говорит: «Я тебя поздравляю дважды! Понимаешь, почему дважды?» Я киваю головой, но не понимаю, почему дважды. Вообще не понимаю, что произошло.

После получения диплома об окончании факультета я уехала на неделю в Крым. При возвращении в аэропорту я увидела очень красивые белые цветы, купила большой букет и сразу, прилетев в Москву, из аэропорта отправилась к Рубинштейну, чтобы подарить ему эти прекрасные цветы за так быстро сбывшуюся мечту: я философ, буду работать в Институте философии за проведенный психологический эксперимент! Но дверь открыла прислуга. Она сказала, что Сергею Леонидовичу нездоровится и он лежит в постели. Однако цветы она готова передать. Мне повезло. У Сергея Леонидовича сидела его старейшая сотрудница Л.И. Анцыферова. Когда ему передавали мой букет, по словам Анцыферовой, он крайне эмоционально сказал, как ему хочется, чтобы жизнь не сломала это чистое существо! Анцыферова мне это рассказывала каждый раз, когда мы виделись или говорили по телефону. Такое сильное впечатление на нее произвели его слова.

На протяжении жизни часто встречались ситуации, да и даже сегодня они присутствуют, когда компромисс очень выгоден не просто в материальном, но и в карьерном плане. Но... «я не могу». И то, что этого хотел Рубинштейн, меня поддерживает и оправдывает.

О школе С.Л. Рубинштейна

Диана Борисовна Богоявленская (Туровская)

доктор психологических наук, профессор, главный научный сотрудник,
руководитель группы диагностики творчества ФБГНУ Психологический
институт», академик РАЕН, МАПН, почетный член РАО.

E-mail: mpo-120@mail.ru

Аннотация: В статье представлены три этапа в развитии исследования процесса мышления и творчества в рамках школы С.Л.Рубинштейна. На первом этапе по предложенной Рубинштейном теме для курсовой, а затем дипломной работы исследуется механизма инсайта. На этом этапе нам удалось показать, что решение задач, появление гипотезы решения связано с построением структуры задачи — модели проблемной ситуации. На втором этапе получает дальнейшее раскрытие процесс мышления как постоянная смена и связь вербального и наглядного языков мышления. И, наконец, на третьем этапе нам удается в исследовании творчества выйти из схемы «Стимул-реакция» и в новой модели эксперимента реализовать методологический принцип «творческой самодеятельности» Рубинштейна.

Ключевые слова: мышление, творчество, наглядный, визуальный, развитие, инициатива, деятельность.

About Rubinstein skool

Bogoyavlenskaya Diana Borisovna — Doctor of Science (Psychology), FBSNI Psychological Institute of the Russian Academy of Education, Moscow, RF, Chief researcher

Abstract: The article presents three stages in development of the process of thinking and creativity in the frame of Rubinstein's school. At the first stage the mechanism of insight is being studied basing on proposed by Rubinstein theme of the term work and then of diploma thesis. At this stage we have managed to show that solving problems and appearance of hypothesis is connected with building up the structure of the problem — the model of problematic situation. At the second stage the following revealing of the process of thinking as a constant change and connection of verbal and visual languages of thinking occurs. And finally at the third stage in studying creativity we have managed to leave the “stimulus-reaction” scheme behind and to realize the methodological principle of “creative self-activity” introduced by Rubinstein.

Key words: thinking, creativity, visual, development, initiative, acti

В развитии теории мышления последнее слово сказано школой С.Л. Рубинштейна. Следует отметить, что учение о мышлении как процессе является завершающим этапом в развитии его теории. Движение Рубинштейна идет не от осмысления и обобщения эмпирии. Напротив, собственное осмысление и движение мысли идет от философского контекста.

1. Методология. В статье 1922 г. «Принцип творческой самодеятельности» значимым вектором закладывается понятие «субъект»: «...субъект в своих деяниях, в актах своей творческой самодеятельности не только обнаруживается и проявляется, он в них созидается и определяется. Тем, что он делает, можно определить то, что он есть; **направлением** его деятельности можно определить и формировать его самого. Деятельность, определяющая объект, над которым она проводится, определяет тем самым и субъект, который ее производит. И чем значительнее, чем больше ее сфера действия, тем значительнее мир, в котором он живет» (Рубинштейн, 1922)

Далее, в 30-х гг. на этой основе Рубинштейн формулирует основополагающий принцип познания как «единства сознания и деятельности». Впоследствии это определение приобретает завершающую форму — «личность как субъект единства сознания и деятельности». Это поистине значительный шаг как в философском, так и в психологическом аспекте, сделанный в отечественной науке.

Чем более активен в своей деятельности субъект, тем более объективным становится конструируемое им знание об объекте. С.Л. Рубинштейн ратует за «объективизм, который познает то, что есть, так, как оно есть», но он не отождествляет его с «пассивизмом», который «приемлет то, что дано, так, как оно дано». **Все идеальное содержание знания — это и отражение бытия, и результат познавательной деятельности субъекта. Всякое научное понятие есть и конструкция мысли, и отражение бытия.** Благодаря внутреннему плану Человек перестает быть рабом непосредственно наличной ситуации; действия его могут определяться не только этой ситуацией, но целями и задачами, лежащими за ее пределами.

2. Исследование мышления как процесса. Вернемся к самому принципу. Последовательная реализация принципа познания как «единства сознания и деятельности» приводит Рубинштейна к необходимости исследования мышления не только как деятельности, учитывая ее мотивы, направленность, цели, но и как процесса. Оно реализуется в 50-х гг., на последнем этапе его деятельности как глубочайшее осмысление эмпирии, позволяющее понять открывающиеся бездны человеческой психики.

Совершенно не случайно, что результаты проводимых под руководством Рубинштейна экспериментальных исследований мышления в последние годы его жизни буквально освещали,

вскрывая более глубокие основания, полученным в исследованиях А.Н. Леонтьева, Я.А. Пономарева, М.А. Менчинской и др. фактов. Так, в дипломной работе К.А. Славской объяснялся факт действия подсказки¹, условия которой исследовались Ю.Б. Гиппенрейтер. (Оценив значимость полученных результатов в дипломной работе Я.А. Пономарева по исследованию инсайта, А.Н. Леонтьев поручил также своей дипломнице Гиппенрейтер повторить схему эксперимента, примененную Пономаревым.) К.А. Славской было показано, что подсказка действует только тогда, когда условия исходной задачи достаточно проанализированы и обобщены (Рубинштейн, 1958, с. 67–76). Гиппенрейтер подчеркивает лишь необходимость наличия длительного интереса к задаче для действия подсказки. Хотя в тексте Пономарева говорится, что «в условиях творчества всегда необходимо стремиться к предварительному максимальному упрощению проблемы, к ее предельной схематизации» (Пономарев, 1967, с. 246).

По мнению Рубинштейна, пока при рассмотрении решения задачи ее анализ отрывается от догадки, не приводит к ней и она возникает неожиданно, существует лазейка для индетерминизма. Поэтому в качестве метода нами использовали решения головоломок, с которыми работали известные отечественные и зарубежные ученые. Рубинштейн отмечал, что в задачах-головоломках специально провоцируется ложный путь решения, «втягивая... таким образом в игру ума». Задачи-головоломки служат моделью исследования мышления, поскольку они требуют разворачивания такого же мыслительного процесса, как и ситуации, где «маскировка существенных условий возникает закономерно из существа проблемы» (Рубинштейн, 1957, с. 89).

Нами было показано, что догадка возникает как стремительно кристаллизующийся закономерный результат проведенного анализа (Рубинштейн, 1958, с. 88–93). Поскольку исследование мышления как процесса в школе С.Л. Рубинштейна ставило на передний план изучение закономерностей его протекания процессуального состава: процессов анализа, синтеза, обобщения, посредством которых решается задача, то реализованный мной в дальнейшем ракурс рассмотрения процесса мышления позволил выйти в новый пласт видения природы процесса, увидеть не только движение анализа, ведущее к инсайту, но и, в узком смысле, природу этого движения, его языки. Таким образом, следующим

¹ Задача, выполненная в другом предмете, но имеющая четкую структуру, соответствующую ответу исходной задачи.

шагом уже было не только осмысление процесса мышления со стороны его операционального состава, но была выявлена динамика языков реализации этапов этого процесса и как его результат — построение К-модели, определяющей гипотезу решения и объясняющую мгновенность решения.

Данные моей курсовой (которые Сергей Леонидович успел привести в этой же книге 1958 г.), а затем дипломной работы доказывали экспериментально, что инсайт наступает не обязательно на стадии инкубации при усмотрении решения в «побочном продукте», что имеет место, но не обязательно, как утверждал Пономарев, считая, что творческие задачи не могут решаться иначе. Инсайт² может наступить в результате тщательного последовательного анализа ситуации и выхода в определяемую этим анализом другую систему отношений, в которой анализ исходного противоречия находит решение.

В рамках данной проблемы мне хочется обратить внимание на ряд замечаний, сделанных Рубинштейном, которые часто представляются как очевидные и не ведущие к принципиально новым выводам.

Рассматривая мышление в разных ситуациях, Рубинштейн делает упор на его понимании как процесса. «Всякая формулировка задачи это не только речевой, но и мыслительный факт. Она включает уже в себе тот или иной первичный ее анализ» (Рубинштейн, 1957, с. 87).

Напомним основное определение мышления как процесса, емко и исчерпывающе данное Рубинштейном: «Исходным в мышлении является синтетический акт — соотнесение условий и требований задачи. Анализ совершается в рамках этого соотнесения и посредством него... Переход от одного акта анализа к следующему определяется в каждом случае соотношением результата, полученного анализом на данном этапе, и оставшимися невыполненными требованиями задачи...» (Рубинштейн, 1957, с. 97).

Вместе с тем Рубинштейн уточняет, что «всякое мышление, как бы отвлеченно и теоретично оно ни было, начинается с анализа эмпирических данных, и ни с чего другого оно начинаться не может» (Рубинштейн, 1946). Действительно, первое, что бросалось в глаза в ходе проведения эксперимента, это усвоение испытуемым условий с помощью интенсивной речевой активности (неоднократного проговаривания условий). Длительность этого

² Инсайт — неожиданное решение задачи на этапе инкубации (когда субъект занят другой деятельностью).

этапа, скорее всего, связана со сложностями построения «картины событий».

В проведенных нами экспериментах у испытуемых сразу после вербализации наблюдается перевод условий на предметный (субъективный) код, который обеспечивает возможность трансформации, дополнения и преломления информации, поступающей в виде задачи, в соответствии с информацией, хранящейся в памяти. Так идет как бы восстановление предмета, реального содержания задачи. Это субъективное видение условий проблемной ситуации представляет собой образ проблемной ситуации. Значение этого этапа четко демонстрирует один из реальных примеров.

На вопрос моего соседа (аспиранта физфака МГУ), чем я озадачена, я объясняю свое недоумение: «Как известный ученый гештальтпсихолог мог изучать аффекты на такой простой задаче, где надо определить длину пути мухи, летающей от одного велосипедиста к другому, пока они не встретятся. Они выезжают одновременно из двух городов, находящихся на расстоянии 300 км. Едут с одинаковой скоростью по 15, а муха летает со скоростью 20 км/ч». Он согласен с тем, что задача действительно очень проста, так как решается по формуле спирали Архимеда. Я удивлена: «Откуда спираль?» «Но дуга полета мухи постоянно уменьшается, — объясняет он. — Хотя формула не подойдет, поскольку там скорость должна меняться. Тогда задача действительно трудная, придется вычислять очень много мелких отрезков!»

Но образное представление ситуации — это лишь первый этап овладения условиями задачи. Оно еще не соответствует условиям задачи в строгом смысле. Собственно условия задачи вычлняются в процессе соотнесения всего образного видения ситуации с требованием задачи. Этот момент представляется нам особенно важным, так как именно здесь становится очевидным, что требование определяет тот аспект, по которому в исходном материале (образе проблемной ситуации) вычлняются релевантные стороны объектов. При использовании в наших экспериментах известной задачи И. Хельма требование вычислить путь определяет и соответствующие условия — скорость, расстояние, векторы движения.

В работах С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1958) и его школы дан глубокий анализ процесса соотнесения условий и требования задачи. Исследования В. Тереховой показали, что физические предметы, непосредственно сравниваемые между собой, не дают основания для заключения об их соотношении. Согласно Рубинштейну,

основой для сопоставления данных может служить только **единая система понятий**, устанавливаемая в процессе соотнесения условий и требования. Эвристичность заключается в усмотрении за этой единой понятийной системой некоторой нелингвистической репрезентации условий задачи в едином поле (под нелингвистической формой мы понимаем реализацию, отличную от выражения в натуральном языке). Такая репрезентация в едином поле достигается абстрагированием от иррелевантных сторон объектов проблемной ситуации: именно благодаря этому условия становятся однородными и, как следствие, сопоставимыми. Однородность условий позволяет отвлечься от их качественного содержания и, в свою очередь, перейти к знаковому представлению собственно условий задачи: «Вижу, как красивые велосипедисты нажимают на педали, но дальше их вижу в виде черточек». Велосипедисты и муха представляются уже в виде черточек, так как теперь важно лишь то, что они суть движущиеся тела. **Переход на язык знаков** позволяет построить систему их отношений в данной проблемной ситуации — ее модель (в терминах гештальтпсихологии — происходит замыкание гештальта). Вместе с тем построенная система отношений является не только отображающей структурой, но и **порождающей**. С нее как результата анализа проблемной ситуации считывается гипотеза, принцип ее решения. Дальнейший анализ этого факта привел к выводу, что мгновенность догадки связана с порождающей функцией визуальной структуры, названной нами впоследствии «концептуальной моделью проблемной ситуации». Это объясняет то, что угадывалось Рубинштейном еще в 1946 г., когда он писал об «...особых схемах, которые как бы предвосхищают словесно еще не развернутую систему мыслей» (Рубинштейн, 1946, с. 348–352).

Что же добавляет введенный аспект анализа мышления по сравнению с его описанием в школе Рубинштейна до этого? Представляется, что здесь вводится новая плоскость рассмотрения мыслительного процесса. Если детерминация соотнесением условий и требований задачи идет как бы в горизонтальной плоскости, то динамика перекодирования описывает одновременно его природу и движение в вертикальной. Нами подчеркивается, что характер языка носит строго определенное функциональное значение и определяется содержанием этапа процесса мышления. Описанный нами процесс одновременно позволяет решить и одну из глубинных проблем нашей психики: соотношения ее языков. Усмотрение в К-модели гипотезы решения: усмотрение как пони-

мания, т.е. его вербализация (внутренняя речь). Это тонко сформулировано Г. Хантом как «ощущаемый смысл» (Хант, 2004, с 235). Рассмотрение образно-пространственных структур вне мышления также подвергается критике и Л.М. Веккером (Веккер, 1998). Термин Р. Арнхейма «визуальное мышление» также направлен против разрыва языков, реализующих мышление (Арнхейм, 1994). Это единство языков мышления Хант объясняет ролью «межмодальной трансляции», реализуемой новой корой у человека (Хант, 2004, с. 233). Этот феномен фиксирует и философ М. Хайдеггер: «Скрытое единство видения и слышания определяет сущность мышления» (Хайдеггер, 1991).

Выводы. Общеизвестно, что вербальный код как проговаривание вслух включается в процесс мышления, сначала при усвоении условий задачи, затем, когда у испытуемого нет других условий объективации и, конечно, на заключительной стадии нахождения решения, а также спонтанно по ходу решения, сменяя (объективируя) внутреннюю речь.

Об участии «образного» кода пишут многие авторы. В качестве наиболее значимых и близких следует выделить фундаментальные исследования Л.Л. Гуровой, И.С. Якиманской, Н.А. Менчинской, Е. Ханта, Ф. Кликса и др.). Для нас важно то, что образный код не является однородным на выделяемых этапах овладения условиями задачи. На первом этапе он выступает как собственно предметный код, и с его помощью строится образ проблемной ситуации, на втором — он выступает как знаковый и позволяет выделить собственно условия, на третьем — он выступает как знаково-символический, с помощью которого осуществляется схематическое построение системы отношений в данной проблемной ситуации. Как показал эксперимент, здесь мы имеем дело со структурой, не только отображающей, но и порождающей: являясь результатом анализа отношений в данной проблемной ситуации, она выступает как ее субъективная мысленная модель, с которой как бы «считывается» тот или иной принцип решения (идея, гипотеза). В конечном счете, модель строится как замыкание гештальта, с чем и связано ее понимание. Это действительно «видящая мысль» (Гете). В этом ее первая и главная эвристическая функция. Предлагаемое рассмотрение дает возможность разорвать сложный процесс порождения мысли на взаимодействующие компоненты, звенья; отчетливо развести сам процесс от его продуктов; показать включение каждого продукта в последующие звенья процесса, а главное — ввести как центральное звено (кото-

рое может осуществляться в свернутом виде) построение модели проблемной ситуации. Построение К-модели описывает полный цикл репрезентации конкретной ситуации, который включает с необходимостью весь набор языков и не ограничен каким-либо одним (приоритетным — вербальным или визуальным) (рис. 1). Таким образом, в нашем подходе вводится новая плоскость рассмотрения мыслительного процесса. Прослеживается закономерная смена языков презентации продуктов мышления на разных его этапах, т.е. подчеркивается, что характер «языка» реализации определяется содержанием этапа, и он носит строго определенное функциональное значение. В свою очередь, это позволяет понять структуру взаимодействия функций воображения и мышления в процессе решения задачи через построение К-модели.

Рис. 1. Процесс мышления в рамках решения задачи

В теоретическом плане данный подход позволяет подойти к разрешению длительного спора между двумя позициями: исследователи мышления отрицали существование воображения как самостоятельной психической функции (А.В. Брушлинский), а представители исследования воображения лишали мышление его творческой функции (В.В. Петухов). Рассмотрение этого конфликта в контексте предлагаемого исследования может быть снято, поскольку позволяет понять структуру взаимодействия функций воображения и мышления в процессе решения задачи посредством К-модели, которую мышление строит на столе воображения (Богоявленская, 2009).

Наиболее актуальным сегодня является анализ Рубинштейном среднего звена детерминации процесса мышления: «Исход-

ная детерминация процесса соотносением условий и требований задачи, выступая по ходу процесса каждый раз в **новых формах, сохраняется** (выделено нами. — Д.Б.) на протяжении всего процесса» (Рубинштейн, 1959, с. 97). Выражение «выступая в новых формах» означает переформулировку задачи, связанную с выявлением основного противоречия, и анализ его уже в другой, соответствующей его природе системе отношений. Переход в нее (новую систему отношений) Рубинштейн называл **основным нервом** процесса мышления, поскольку это приводит к решению задачи.

Это четко выступает в решении дункеровской задачи: построить четыре равносторонних треугольника из шести спичек. Сторона равна спичке. Даже у дипломников МГУ она не решалась часами.

П.Я. Гальперин, удивленный и разгневанный моей критикой его утверждения, что творческие задачи могут решаться с помощью полной ориентировки в ее условиях (что, по-моему, возможно только в условиях модели, но не реальной проблемной ситуации), приводит выдержку из протокола моего испытуемого: «... за окном идет дождь. Я тебя ненавижу!» — с вопросом: Это что — мышление?» Естественно, что это не раскрытие мышления, но это показатель эмоционального взрыва, который необходим, чтобы покончить с повтором безрезультативных проб, и заставляет **подумать!**

«Задача не решается потому, что для четырех равносторонних треугольников надо 12 спичек. А у нас только 6. Не только мало, но каждая должна быть общей. А как это возможно?»

Наконец, выяснено основное противоречие, и его анализ переводится в новую систему отношений — геометрию. Как сторона может быть общей? В конце концов выясняется, что при пересечении плоскостей. Значит задача решается в пространстве.

Факт решения задачи вследствие перехода анализа в другую систему отношений эмпирически повторяем и становится центральным условием в системе раскрытия креативности в теории Дж. Гилфорда. Порок этого подхода в парадигме бихевиоризма заключается в том, что определение решающей системы отношений достигается не предшествующим мыслительным анализом задачи, а шириной набора ассоциаций, включающим случайность совпадения.

3. Пути реализации отечественной методологии. Для понимания выводов, сделанных Рубинштейном в исследовании характера детерминации мыслительного процесса, важно понимать, что

оно осуществлялось Рубинштейном на господствующей модели реализации его в решении проблемных ситуаций, т.е. в рамках господствующей стимульно-реактивной модели исследования всей психики. В силу этого, как только требование задачи выполнено, исходная детерминация и стимуляция процесса мышления исчерпана. Таким образом, процесс мышления как бы заперт в жесткое и ограниченное русло условий и требований данной задачи, данной проблемной ситуации. Выход за ее пределы в рамках данного типа детерминации невозможен. Говоря, что «...мышление исходит из проблемной ситуации», С.Л. Рубинштейн подчеркивал, что «имея такое начало, оно имеет и конец» (Рубинштейн, 1946). Однако процесс мышления на этом может не обрываться. (И именно здесь мы реально сталкиваемся с феноменом «творческой самостоятельности».) Вследствие этого выявленный Рубинштейном механизм решения задач носит лишь частный характер, поскольку не объясняет всей феноменологии мышления. В частности, явлений «спонтанных открытий», которые так и остались за пределами экспериментального исследования. В данном случае можно говорить о том, что выявленная детерминация процесса мышления носила относительно частный характер, распространяясь лишь на процесс решения проблемных ситуаций, но не познания в целом.

При этом естественно, что С.Л. Рубинштейн понимал всю сложность самого явления и включения личности как целостной совокупности внутренних условий в детерминацию мышления: «Исходная теоретическая посылка о действии внешних воздействий через внутренние условия переводит изучение психического процесса в личностный план» (Рубинштейн, 1957, с. 116). И далее: «На самом деле нельзя построить ни учения о психических свойствах человека в отрыве от изучения его психической деятельности, ни учения о психической деятельности, о закономерностях протекания психических процессов, не учитывая их зависимости от психических свойств личности. Всякое противопоставление общей психологии и какой-то от нее обособленной психологии личности, которое иногда у нас встречается, в корне ошибочно» (Там же, с. 125). Однако эта позиция в период 50–60-х гг. не была реализована операционально.

Метод «Креативное поле», разработанный мною лишь в 1969 г., на сегодняшний день является единственным методом, построенным не в рамках модели «стимул-реакция». Фактически в рамках лабораторного эксперимента он моделирует исследовательскую деятельность человека. В силу этого он позволяет в условиях

реального времени эксперимента выявить присущую личности способность к развитию деятельности по своей инициативе.

Метод «Креативное поле» реализует система однотипных задач. Это обеспечивает построение двухслойной модели деятельности. Первый, поверхностный слой — заданная деятельность по решению конкретных задач. Результаты, полученные на этом уровне, позволяют судить об уровне интеллекта по всем параметрам обучаемости. Второй — глубинный слой, замаскированный «внешним» слоем и неочевидный для испытуемого, — это деятельность по выявлению скрытых закономерностей, которые содержит вся система задач и открытие которых не требуется для их решения. Наличие этого слоя создает возможность фиксировать процесс развития деятельности по инициативе его субъекта (Богоявленская, 2009). На основе полученных результатов диагностики построена типология творческих способностей по уровням познания.

Таким образом, возможны различные варианты. В первом случае процесс мышления обрывается, как только решена задача. Это решение на единичном уровне. Мы его обозначаем как стимульно-продуктивный. Это продуктивная деятельность, поскольку испытуемый находит принцип решения предъявляемой ему новой задачи. Но эта деятельность стимулирована. Его просят решить эту задачу.

Во втором случае, напротив, деятельность им развивается по собственной инициативе. Здесь мы наблюдаем феномен самодвижения деятельности, то, что Рубинштейн называл «героизмом и мужеством познания», который приводит к выходу за пределы заданного и позволяет увидеть «непредвиденное». В этом выходе за пределы заданного, в способности к продолжению познания за рамками требований заданной (исходной) ситуации, т. е. в ситуативно нестимулированной продуктивной деятельности, и кроется тайна высших форм творчества, способность видеть в предмете нечто новое, такое, чего не видят другие. Это еще раз подтверждает представление С.Л. Рубинштейна о мышлении как познании, а не просто решении задач. Это уровень решения на уровне особенного. Мы его назвали эвристическим.

И наконец, открывший новую закономерность может на этом в своем познании не остановиться, а подвергнуть ее доказательству, что приводит к построению теории. Это уже уровень познания на уровне всеобщего.

Выход в новое пространство, на новую проблему и теорию, через принятие и решение исходных задач принятой деятельности

дает нам представление о подлинном развитии деятельности. Но это «самодвижение деятельности» не объяснимо только свойствами интеллекта. Лишь реализация в деятельности отношения человека к миру, о чем говорил С.Л. Рубинштейн, позволяет понять логику самого процесса (Рубинштейн, 1922).

Таким образом, в изучении феномена продолжения мышления за пределами принятой ситуации удалось, как нам кажется, осуществить переход от функционального плана изучения мышления к личностному плану в его целостности и реализовать принцип самодеятельности человека, ведущий к творчеству.

«Самочинное» развитие деятельности, совершаемое вне утилитарной потребности, по своей воле, собственной инициативе, — это и есть проявление подлинного субъекта деятельности, его творческой самодеятельности. «Субъектное начало человека связывается со способностью самому инициировать активность на основе внутренней мотивации» (Анцыферова Л.И).

Таким образом, разработанный нами метод «Креативное поле» обеспечивает фиксацию и развитие познавательной самодеятельности и выводит на выявление механизма творчества.

ЛИТЕРАТУРА

- Арнхейм Р. Новые очерки по психологии искусства. М.: Прометей, 1994.
- Богоявленская Д.Б. Принцип детерминизма в психологии // Проблема субъекта в психологической науке. М.: ИП РАН, 2000.
- Богоявленская Д.Б. Психология творческих способностей: Монография. Самара: Федоров, 2009.
- Богоявленская Д.Б. Стандартно о нестандартном // Проблемы современного образования. 2017. № 1. С. 24–36.
- Веккер Л.М. Психика и реальность. М.: Смысл, 1998.
- Гилфорд Д. Три стороны интеллекта // Психология мышления. М.: Прогресс, 1965. С. 433–437.
- Менчинская Н.А. Мышление в процессе обучения // Исследования мышления в советской психологии. М.: Наука, 1966.
- Пономарев Я.А. Психика и интуиция. М.: Политическая литература, 1967.
- Пономарев Я.А. Психология творчества. М.: Наука, 1976.
- Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности // Ученые записки высшей школы г. Одессы. Одесса, 1922. Т. 2. С. 148–154.
- Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М.: Учпедгиз, 1946.
- Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: АН СССР, 1957.
- Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1958.
- С.Л. Рубинштейн. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.
- Хайдеггер М. Принципы разума. М., 1991.
- Хант Г. О природе сознания. М.: АСТ, 2004.

С.Л. Рубинштейн: от самодетерминизма — к самодеятельности

Владимир Товиевич Кудрявцев

доктор психологических наук, профессор Московского государственного психолого-педагогического университета. *E-mail:* vt kud@mail.ru

Аннотация: За методологическими принципами, введенными в психологию С.Л. Рубинштейном, — принципами детерминизма и деятельности (единства сознания и деятельности) стоят идеи, сформулированные им ранее — идеи самодетерминизма и самодеятельности. По мнению автора, им необходимо вернуть статус методологических принципов современной психологии. Для этого творчество ученого-психолога Рубинштейна должно рассматривать в логике философских поисков, которые вел мыслитель Рубинштейн. С этих позиций, рассматриваются проблемы внешне-го и внутреннего в психологии, парадоксы человеческого мышления, соотношения объективности и конструктивности, деятельности и общения.

Ключевые слова: детерминизм, деятельность, внутреннее, самодетерминация, самодеятельность, объективность, конструктивность, мышление, общение.

S.L. Rubinstein: from self-determinism to self-activity

Kudryavtsev V.T., Doctor of Psychology, Professor, UNESCO Chair “Cultural-Historical Psychology of Childhood”, Moscow State University of Psychology and Education

Abstract: Behind the methodological principles introduced into psychology of S.L. Rubinstein — the principles of determinism and activity (the unity of consciousness and activity) are the ideas formulated by him earlier: the ideas of self-determinism and initiative. According to the author, they should restore the status of the methodological principles of modern psychology. In order to do it, the work of the scientist-psychologist Rubinstein should be considered in the logic of philosophical search conducted by the thinker Rubinstein. From these positions, the problems of external and internal in psychology, the paradoxes of human thinking, the relationship of objectivity and constructiveness, activity and communication are considered.

Key words: S.L. Rubinstein, determinism, activity, internal, self-determination, self-activity, initiative, objectivity, constructiveness, thinking, communication.

Ближе к концу XX в., после выхода книги Ролана Барта «Смерть автора» (Барт, 1967), в постмодернистский оборот вошел и тезис о «смерти субъекта». Констатируя «смерть субъекта», для объяснения того, что происходит с человеком на стыке двух столетий, опору ищут как в общекультурных и философских традициях

(буддизм, ницшеанство, бергсонизм), так и в современном гуманитарном знании (постструктурализм и др.), особенностях новейших социогуманитарных практик, технологий деятельности, в том числе виртуальных, и т.д. Культура продолжает оставаться в этой исторически «буферной» зоне, хотя со времен Барта и продвинулась в ней с нарастающим ускорением, а тема «состояния» субъекта остается открытой.

Главный вопрос можно сформулировать так: не скрывается ли под видом «смерти» классически понимаемого субъекта феномен разнообразия его новых форм деятельной «жизни», новых форм «авторизации деятельности» (Кудрявцев, Уразалиева, 2001) — разнообразия, которое возникло в мире на изломе двух столетий, двух тысячелетий и до сих пор не осмыслено в качестве такового? Прежде всего — самим субъектом деятельности, индивидуальным и коллективным, не идентифицирующим себя с ним в условиях одновременного размывания границ, а за счет этого — расширения человеческих общностей и отчуждения в глобализованном мире.

Основания для утвердительного ответа на этот вопрос мы находим в творчестве выдающегося отечественного мыслителя и психолога С.Л. Рубинштейна, 130-летие которого мы отмечаем в этом году.

Где психология «у себя дома»

Сергей Леонидович Рубинштейн, делит свой день рождения — 6 июня — с гением русской поэзии А.С. Пушкиным. Правда, 6 июня Рубинштейн родился по старому стилю, по новому — 18 июня. Да и пушкинский день мы отмечаем 6 июня по новому стилю. Но есть нечто, что сближает их куда теснее и без оговорок на различие календарей.

Белинский написал о Пушкине: «Как истинный художник, Пушкин не нуждался в выборе *поэтических предметов* для своих произведений, но для него все предметы были равно исполнены поэзии» (Белинский, 1985, с. 248; курсив мой. — В.К.). Так и Рубинштейн не утруждал себя выбором «объектов мысли». Как позднее заметил А.М. Пятигорский, философ — а Рубинштейн был, прежде всего, философом, оставаясь им и в качестве исследователя теоретических проблем психологии, — имеет право философствовать *о любом предмете*. Потому что ключевое слово тут — *философствовать, теоретизировать*. Видеть то, что даже не нами положено и лежит на поверхности, как если бы оно на-

ходило в основании. Для теоретика весь мир — субстанция, во всех ее атрибутах, модусах (по Спинозе) и значительно более восторженных явлениях. Но и в них она является *не зря*. И их делает «незряшным», что, просто «зря», порой невозможно разглядеть.

Даже размышляя об известных и вроде бы элементарных фактах, досконально и логично описанных в учебниках классической психологии, Рубинштейн сбрасывает с них униформу очевидности, создающую иллюзию понимания закономерности. Закономерности, которую ищет заново. Через проблематизацию самого источника происхождения факта. Через фиксацию парадоксальности того, что вызвало его к жизни («не зря!»). Рубинштейн — непростое, но благодарное чтение, поныне вызывающее затруднение у многих читателей-психологов. Особенно у тех, кто пытается подступиться к нему без знания теоретического «кода» немецкой философской классики (а за ней — еще и многовековая традиция с корнями в античности). А здесь обманывают слова, которые «те же»: «созерцание», «анализ», «обобщение», пусть даже «деятельность»... Но ни из учебников логики, ни из хрестоматийных пособий по эмпирической психологии, ни из книг и статей большинства советских психологов-современников значения не вычитаешь, не сверяясь с Кантом, Гегелем, Марксом... А соответствующий «подстрочник» есть у Рубинштейна далеко не везде. Поэтому попытки соотнесения идей Рубинштейна с представлениями других психологов о «том же самом» часто бессмысленны. Это — разные градации теоретического анализа.

Нынешняя психология порой напоминает восторженное обвешивание разноцветными гирляндами давно, чуть ли не вместе с колесом, изобретенных велосипедов, об устройстве которых толком уже мало кто помнит. Поэтому для нее таких «тонкостей» не существует. Рискну предположить, что и советская психология по-настоящему не смогла освоить, понять и оценить сделанное Рубинштейном, если не считать того, что сделали единицы, например, ученик Сергея Леонидовича Андрей Владимирович Брушлинский¹.

Зато цена чтения Рубинштейна поистине замечательна: отпадает нужда мысленно «собирать» главы и параграфы в систему — в одном абзаце, посвященном чему-то специальному, прочитывается характеристика всего мира человеческого сознания, всей

¹ Подробнее о развитии Брушлинским идей Рубинштейна в его самобытной концепции см.: Кудрявцев, 2003.

человеческой психики. Среди великих психологов так писать (и мыслить) умели немногие: К. Бюлер, К. Коффка, Л.С. Выготский... Рубинштейн — с особой философской глубиной и выразительностью. Глубины Рубинштейна — вершины, вершинные маяки мысли, которые по-прежнему обходит психология, нарываясь там и сям на рифы теоретического мелководья. «Навигаторы» Рубинштейна не просты, их нужно уметь читать, потому что это — навигаторы движения мысли по трудным местам. По контуру острейших противоречий человеческой природы.

И снова Белинский о Пушкине: «Этой поэтической натуре ничего не стоило быть гражданином всего мира и в каждой сфере жизни быть, как у себя дома; жизнь и природа, где бы ни встретил он их, свободно и охотно ложились на полотно под его кистью» (Белинский, 1985, с. 251).

И Рубинштейн в психологии — «везде у себя дома»: от психомоторики и психофизики до психологии разума, творчества, личности, где бы ни останавливался, чтобы ни удерживал в своем мышлении.

Как однажды заметил К. Маркс, политическая экономия начинается не там, где о ней как таковой идет речь. То же — и с психологией. И это прекрасно понимал Рубинштейн, что, кстати, не мешало ему последовательно бороться с *редукционизмом* в психологии во всех его проявлениях.

Обретя «право на самоопределение» в качестве науки, психология не расторгла свои глубинные исторические и логические узы с философией. О «самоопределившейся» психологии середины XIX столетия Рубинштейн писал следующее: «Не Г.Т. Фехнер и В. Вундт — эклектики и эпигоны в философии, а великие философы XVII–XVIII вв. определили ее методологические основы» (Рубинштейн, 1934, с. 5). Новообретенное психологией «право на самоопределение» тут же обернулось переживанием «комплекса неполноценности» и попытками его компенсации, вплоть до «гиперкомпенсации». Претендуя на статус «объективной» науки, она ориентировалась на идеалы естественнонаучного знания, причем классического, которое выражает свою «объективность» в эквивалентах повторяемости эксперимента и точности добытых в нем данных, приравниваемой к математизируемости. Повторяется и точно просчитывается — значит, объективно. А если недоступно для воспроизведения и просчитывания *субъекту* — уже не объективно? Или все-таки таковы условия принятой «научной конвенции»?

Это — очень «старая история», которая продолжается и поныне. Стремление психологов XX в. «прильнуть» к достижениям neuroscience и computer science — из сферы попыток той же «гиперкомпенсации». Без поправки на то, что в разных пространствах, задаваемых в объективном знании, параллельные линии, условно говоря, могут оставаться параллельными, а могут и пересечься, что формы репрезентации мира в этом знании исторически ограничены, а кантовская «гносеологическая революция» с ее главным результатом — включением в картину мира самого познающего субъекта — уже больше века как охватила территорию естественных наук (избитый пример — квантовая механика). Субъекта — с его крайней непредсказуемостью в ответ на любую неопределенность (А.Г. Асмолов), в форме которой является сущность современного мира. Которая сегодня — уже не «артефакт», а факт колоссального «эксперимента» под названием «история», поставленного без участия психологов (Ф.Т. Михайлов).

А психологию продолжают ловить на невоспроизводимости исследовательских результатов, отказывая в праве считаться даже не «объективной наукой» — просто наукой. Обостряя комплекс ее неполноценности и выдавливая в области, где о науке вспоминать не принято, вроде некоторых психотерапевтических практик. Кстати, по этой же причине термином «психология» пытается маркироваться любая паранаука или паранаучная практика, сводя с толку неискушенного.

Этим вызван и расцвет нейромифологии — одной из самых плодovitых мифологий. Прошли те времена, когда Декарт фантазировал про духов, населяющих таинственный ларчик, внутри которого они раскачивают шишковидную железу, эпифез (сам по себе — излюбленный объект мифотворчества), вызывая, так сказать, «психические волны». Ларчик открыли, вдоль и поперек «прозвонили» содержимое при помощи сверхтонких аппаратурных, в том числе компьютерных, методик и по итогам... насочиняли такого, что Декарту с его духами не снилось. Но в логике тех же духов-волнотворцев...

Сейчас очень модная (пусть и уходящая корнями в ветхозаветный психофизический параллелизм) тема «особых» взаимоотношений человека с собственным мозгом, который спит и видит, как бы перехитрить, обдурить хозяина. И в ней «утопили» старую добрую проблему *самосознания*. Один «публичный» нейрофизиолог так и заявил: в черепной коробке каждого сидит гомункул — то ли паразит, то ли вампир, дело которого — питаться, а усвоенную с

питанием энергию — ни в коем разе не тратить на «думанье». Все говорили: Ктулху (персонаж писателя Говарда Лавкрафта и популярный недавно интернет-мем) съест твой мозг. Да мозг сам и есть Ктулху! В общем, «дурят нашего брата» — прямо из ларца. Хотя чего дурить — раз хозяин, получается, без мозга (иначе с кем он вступает во взаимоотношения?)... Без мозга, но с мифом.

Как отмечает А.Б. Орлов, в мировой психологии только два направления — марксистски ориентированная и гуманистическая психология (при всех их порой радикальных различиях) — попытались теоретически (в первом случае еще и экспериментально) сконструировать психическую реальность и на практике работать с ней не по образу и подобию предмета классического естествознания с привлечением выдержанных в логике причинно-следственного детерминизма объяснительных схем и прогностических инструментов, а исходя из «телеологии» и «аксиологии» развития человека — возможности достижения им «гуманистического идеала». Это не отрицает «научности» обеих доктрин: «И психологи-марксисты, и психологи-гуманисты рассматривают развитие психики как закономерный процесс» (Орлов, 2002, с. 9). Однако перед нами — научность иного типа: «закономерный характер этого процесса определяется не столько его объективностью и детерминированностью, сколько его самодетерминированностью и телеологичностью (т.е. детерминированностью не по причине, а по цели, чем и определяется в итоге его *объективность*¹, добавили бы мы. — В.К.)» (Там же).

«Свет разума» в черном ящике?

У Маркса история — объективный процесс, в котором «субъективность» — не фактор, а «суть дела». Потому что «исто-

¹ Тем более что вполне определенные, работающие критерии объективности гуманитарно-антропологического знания — именно с учетом его «аксиологической» и «телеологической» специфики — на философско-методологическом уровне сформулированы С.Л. Рубинштейном. Распространенное сегодня (хотя и имеющее под собой давнюю историко-философскую подоплеку в трудах Г. Риккерта, В. Виндельбаума, К. Ясперса и др.) мнение о том, что гуманитарные науки должны всецело строиться на аксиологических основаниях, — лишь простая реакция на попытки возведения их фундамента исходя из идеалов и норм «естественнонаучной» объективности. А в науке любая замена «наличного наличным» (детерминизма — индетерминизмом, социологизма — натурализмом, коллективизма — индивидуализмом и т.д.) — крайне непродуктивна. Она снимает необходимость подлинного исследовательского поиска — поиска того, чего в наличии еще нет.

рия — не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека» (Маркс, Энгельс, 1955, с. 102). Деятельность — в зазоре между целью и результатом, с достижением которого вызревает, меняется, как минимум по-настоящему определяется, осознается сама цель.

В этом зазоре и складывается то, что Рубинштейн называет «внутренними условиями». Речь о хрестоматийном принципе детерминизма: *внешнее через внутреннее*. Его и воспринимают «по умолчанию» — как нечто само собой разумеющееся, самоочевидное. Хотя эта простая формула внутренне проблемна.

Внутреннее — «призма», преломляясь сквозь которую «луч» действительности вдруг вспыхивает «светом разума»? Вода камень точит не только в соответствии со своими физическими свойствами, но и особенностями окаменевшего вещества. Камень от этого не становится разумным. Но это — на поверхности.

Психология была для Рубинштейна не просто наукой — мировоззрением, миропониманием с мощной несущей философской конструкцией. Именно это позволило ему не просто вписать психику во «всеобщую взаимосвязь явлений материального мира», как он сам обозначил это в подзаголовке своей книги «Бытие и сознание». Психика, сознание, субъект были осмыслены им как творящая сила в бытии, мироздании, мирозидании.

Это же затрудняло и по сей день затрудняет понимание работ Рубинштейна психологами, значительная часть которых явно или неявно исповедуют сциентизм. Как будто бы термины, которыми пользуется автор (деятельность, субъект и др.), — те же, что и у других психологов, а стоящее за ними понятийное содержание — совсем иное! Совсем не сопоставимое с привычным. Раскрыть и оценить его могли только те психологи, которые мыслили в тех же исторически сформировавшихся понятиях, в тех же *философских* категориях, что и С.Л. Рубинштейн. Такие, как, например, мои учителя В.В. Давыдов, Ф.Т. Михайлов, А.В. Брушлинский.

Если из ученически заученной формулы «внешнее через внутреннее» вытекает лишь аналогия с призмой и лучом, то о специфике человека «принцип детерминизма» говорит не более, чем закон всемирного тяготения. И возникает вопрос: стоило ли ее закладывать в «Основы общей психологии»? Стоило ли учиться философии у Когена и Наторпа в Марбурге и Берлине?...

Известный американский специалист по организационному консультированию Стивен Кови ссылается на то, что однажды

вычитал в одной книге (он не назвал источника) фразу, которая, как он утверждает, изменила его жизнь: «Между раздражителем и нашей реакцией есть промежуток. В этом промежутке лежит наша свобода и наша способность выбирать свою реакцию. От нее зависит наше развитие и наше счастье» (Кови, 2009, с. 88). С подачи Кови фраза обрела крылья и разлетелась по Сети.

Психологу она напоминает о давней научной дискуссии и тех сомнениях, которые в ходе этой дискуссии высказывались.

Даже заполнив зазор между «раздражителем» и «реакцией», «свободой» и «способностью выбирать», мы не уйдем далеко от не-обихевиоризма. Эдвард Толмен просто назвал бы это «intervening variables» — «промежуточными переменными».

В том и дело, что как только заявляет о себе «свобода» (не сводимая, кстати, к осуществлению самых разнообразных выборов — Кудрявцев, 1997), «раздражитель» тут же перестает быть «раздражителем», а «реакция» — «реакцией». «Раздражитель» уже не «раздражает», а заставляет задуматься, так как превращается в проблему, а та — в задачу. «Реакция» теряет приставку и становится «акцией», в пределе — творчеством. «Акция» не выбирается, а сама создается, творится (об этом — у Н.А. Бернштейна, В.П. Зинченко и Б.Д. Эльконина). «Решение проблемы» — лишь один из результатов этого процесса, и часто не в нем «счастье», которое можно и «проспать» — вместе с «развитием» (Кудрявцев, Уразалиева, 2001).

В 70-х гг. подобные вопросы возникали в связи с позицией А.Н. Леонтьева, когда он предлагал ввести в бихевиористскую формулу $S \rightarrow R$ «деятельность» (Леонтьев, 1975). Формула приобрела вид: «Стимул \rightarrow Деятельность \rightarrow Реакция». Ф.Т. Михайлов, А.С. Арсеньев, А.В. Брушлинский справедливо возражали Алексею Николаевичу: *тут нет места стимулам и реакциям, импульсам и ответам на них* — сколь угодно избирательным.

Разумеется, надо понимать, что А.Н. Леонтьев сделал это (возможно, неудачно) в контексте спора с бихевиористами. Вне его контекста такая подстановка утрачивает смысл. Леонтьев мыслил человеческую деятельность только внутри мира культуры, который ею и творится, и, конечно же, не считал культуру совокупностью особых — «социальных» — стимулов. Отсюда — хотя бы его упрек в адрес Ж. Пиаже, который трактовал мышление как специфический механизм гомеостаза у человека: бессмысленно говорить об «уравновешивании с понятием», которым овладевает ребенок...

«Стимулам-раздражителям» и «реакциям» сегодня нет места даже в психофизике, которая ими занималась на протяжении всей своей исторической дороге от Фехнера к Стивенсу. Эксперименты показывают, что пороги элементарной чувствительности (скажем, болевой) могут сдвигаться у человека вверх или вниз в зависимости от того, какую задачу и как он решает, насколько для него значима ситуация, в которой возникает «стимул». К.В. Бардин создал для описания и объяснения таких феноменов целое направление — субъектную психофизику.

Да и любая мама подтвердит: детский ушиб бывает вдвойне болезненным от досады, от обиды. И мы, думая на ушибленное место, лупим «плохой стул», который не должен был здесь стоять и мешаться малышу под ногами. В этом чудесном безопасном мире под названием «детская».

А.Н. Леонтьев, конечно, был далек от поисков источника «развития и счастья» в темной шкатулке, стоящей между раздражителем и «свободно выбранной» реакцией. А мы склонны оценивать серьезное и глубокое по «формулам». Хотя порой — это лишь формулировки, необходимые для удержания контекста.

Но ведь точно таким же «черным ящиком» часто видится рублинштейновская «призма внутреннего».

«Просветлить» эту «призму» позволяет взгляд на творческую природу человеческого мышления, который сложился в работах С.Л. Рублинштейна и его школы (А.В. Брушлинский, К.А. Славская, Л.И. Анцыферова, Д.Б. Богоявленская и др.). В данном случае речь должна идти и о мышлении как способности человека, и о разуме как специфической форме человеческой жизни («разумной форме жизни»).

Бессмертие мысли

Как писал А.В. Брушлинский (2003), для психологии мышления считалось бесспорным то, что, приступая к решению задачи человек *уже сформулировал искомое, поставил перед собой цель, уже нашел смысл в ее решении*. Хотя за то и другое, по сути, принималось *требование* задачи. Конечно, предполагалось, что требование может и должно переформулироваться, переосмысливаться, а задача «доопределяться» — хотя бы для того, чтобы быть принятой. Но это обычно связывалось с начальными моментами мыслительного процесса, после чего, в представлениях психологов, человек, знающий, что искать, ясно видящий перед собой цель, движимый смыслом, шел к решению. Пусть — извилистыми

дорожками с многочисленными препятствиями, но с опорой на эти четкие и недвусмысленные ориентиры.

Первый повод усомниться в наличии такого изначального «ясновиденья» в мышлении дали эксперименты гештальтпсихологов — М. Вертгаймера, К. Дункера, Л. Секея, разработавших и впервые использовавших знаменитую «методику подсказок». Простенькая и порой явная для внешнего наблюдателя подсказка оказывалась для испытуемого бесполезной, практически «подпороговой величиной» на начальных этапах поиска и «срабатывала» ближе к моменту его завершения. Подсказка принимается тогда, когда задача во многом или почти решена. Когда уже... вроде бы не нужна. Как у Сергея Довлатова: «Когда мы что-то смутно ощущаем, писать, вроде бы, рановато. А когда нам все ясно, остается только молчать». А молчаливое и неуловимое «думаю» ни к литературе, ни к науке не приобщишь. Только — «подумалось». Но это — уже «подумалось», остается лишь написать, изобразить, сыграть... И характерная ретрорефлексия «заднего ума» не упустит своего случая для констатации: «Это же так просто... Как это я раньше не додумался!» А *раньше* — и не получилось бы! Со стороны, повторим, это бывает еще виднее. Плутарх точно заметил по поводу Архимеда: попытайся кто-то самостоятельно решить те задачи, которые тот решил, он ни к чему бы не пришел, но познакомься он с решением Архимеда, то ему тотчас же показалось бы, что он и сам с ними бы справился. Т.е. если исключить из картины поиска «думаю», то «подумалось» не окажется таким уж очевидным. Утверждают, что Дарвин был знаком с опытами своего современника Менделя, который тот ставил над горохом. Но в связи с этим ему ничего «не подумалось»: *думал о другом*. Как и сотни естествоиспытателей созерцали падение яблок в садах, но «легендарным» (и в том смысле, что это до конца не проверенная легенда) стало только «яблоко Ньютона», которое он буквально *притянул к себе силой мысли* в качестве «эйдоса» физической картины мира.

Кстати, как показывают специальные исследования (Г.А. Цукерман, Н.В. Елизарова), сходная картина наблюдается в ситуациях предоставления ребенку учебной помощи. До определенного момента он не принимает ее, не увязывая с содержанием задачи как предметом сотрудничества со взрослым. А навязанная взрослым помощь без сформировавшегося запроса на нее рано или поздно приводит к возникновению у ребенка «выученной беспомощности». «Дать можно только богатому и помочь можно только

сильному» (М. Цветаева). «Слабому» объективно помощь необходима, но это — не «осознанная необходимость», делающая его свободным, как минимум открытым к «источнику силы». В то время как умение учиться в своих исходных формах определяется именно развитием способности к принятию учебной помощи: от «беспомощной самодостаточности» — к состоянию «утопающего», который готов цепляться за любую соломинку с неопределенным «Помогите!» на устах, и далее — к более или менее осознанному запросу на предметную, *специфически учебную* помощь.

Подсказка в творчестве — та же «учебная помощь». Только не от взрослого, а — напрямую — от всего мыслящего рода человеческого, вчерашнего, сегодняшнего и завтрашнего, креативный потенциал которого уникальным образом концентрируется в индивидуальном мыслительном, творческом усилии. Поэтому психологические закономерности освоения ребенком «зоны ближайшего развития» и функциогенеза мысли, даже самой выдающейся по своим результатам, — идентичны. Об этом по-своему — в известном сюжете Макса Вертгеймера об ученике, секретарше и Гауссе.

Корни этой идентичности — в не менее известном античном парадоксе поиска: «Если мы не знаем, что искать, то что же мы ищем, а если знаем — зачем искать?» Недаром еще раньше, у древних китайцев, существовало проклятие: «Желаю тебе найти то, что ищешь». Исполниться в жизни ему едва ли было бы суждено. Мудрое проклятие лишь метафорически отсылало к тому же парадоксу поиска, который порой придает жизни острейший драматизм. Много позднее Гегель (в «Феноменологии духа») сформулировал его как *закон несовпадения цели и результата деятельности*.

Ищите и обряцете. Что *обряцете* — точно. Другой вопрос — *что* обряцете. Ибо, пока не обрели, нельзя точно сказать, что искали. Подтверждение (опровержение) гипотезы позволяет ее по-настоящему... сформулировать. Так же, как решение проблемы — увидеть то, в чем же она состояла. Нормальная логика, можно сказать, психо-логика творческого процесса. Именно поэтому по итогам, плодам творчества мы сразу узнаем, в чем состояла проблема, что озадачивало творца, что обреталось в решении. Тогда как он сам получает «максимум» этих «знаний» вместе с итоговым озарением. А поначалу — в лучшем случае может довольствоваться лишь минимумом. В виде общей познавательной, но далеко не всегда осознаваемой, установки на то, что искомое

совпадает с обретением, а не с исходным запросом. Тем не менее именно она задает ту *направленность* мышления, изучением которой А.В. Брушлинский занимался еще в 1960-е гг. Эта направленность может придавать поиску форму *интеллектуальной инициативы*, когда целеобразование может продолжаться далеко за горизонтом актуального целеполагания (Д.Б. Богоявленская).

Раз «запущенный» процесс мышления уже не остановить. В некотором смысле мышление обречено на «бессмертие». И механизм «бессмертия» мышления, открыт Рубинштейном и его школой. Он — в вечном несовпадении того, что от нас требуют искать (в том числе мы сами требуем), и того, что реально ищем и в итоге находим. И это — не частное решение, а подход к решению определенного круга задач, теоретическая схема, ***организующая прежде всего саму работу мышления***. Ее нельзя навязывать заранее, и даже если мы ее уже предварительно нащупали, часто не замечаем счастливой находки. И не только потому, что до этого нужно «дойти умом» — в ней должен быть еще и *найден смысл* (см. исследования О.К. Тихомирова и его сотрудников). А «Эврика!» означает не «Нашел!», а «Так вот что я искал!». «Частный случай» гегелевского закона. Но в ином «частном случае» было бы невозможным *развитие* мышления, было бы невозможным само мышление — как творчество (а иного мышления, по Брушлинскому, нет и не может быть). Значит, все-таки «случай» — всеобщий! Но разве здесь только механизм «бессмертия» мышления? Механизм возобновления жизни. Механизм и закон. И совсем неслучайно. В этом и состоит мысль С.Л. Рубинштейна (1958) о мышлении как ***живом процессе, которую развивал А.В. Брушлинский***.

В психологии нет ничего вторичного, доступного полному воспроизведению, доведению до абсолютного автоматизма. В психологии всегда первозданна не только мысль или возвышенная страсть, но и рисунок простейших рабочих движений, которые образуют сложнейшее «моторное поле» (Н.А. Бернштейн) без повторяющихся траекторий. Это единственное, что «повторяется» в феноменах человеческой психологии (и в целом, человеческой жизни). А вот «павловские» рефлексy с точностью можно воспроизводить только на фистульных собаках. И сам же Павлов неоднократно и блестяще демонстрировал, насколько они, надежно выработанные, легко подвергаются сшибке в новых обстоятельствах, а характер реакции *живого* на сшибку может быть неожиданным для исследователя. Кого тут винить — неподготовленную собаку, экспериментатора, который ее не подготовил?...

Для психолога «сшибка» — не «ошибка», а суть того, что он изучает и с чем работает в самой жизни.

«Сшибается» — значит, живет, и именно психической жизнью.

В самодетерминированном живом процессе мышления *предпосылки становятся его результатами*. Мышление опирается на силлогистику, которая существует до всякого мыслительного акта. Но, как показывают экспериментальные исследования школы Рубинштейна (А.В. Брушлинский, Б.О. Есенгазиева), уже на уровне интеллектуальных операций силлогизмы избирательно и совсем неединообразно востребуются мыслью в зависимости от ее продвижения в содержании и смысловом поле задачи. Невозможно заранее расписать «силлогистический сценарий» мыслительного акта, хотя, на первый взгляд, он очевиден. Уже не сами по себе правила «исчисления высказываний», а особенности живого движения мысли диктуют необходимость ее облечения в определенную логическую форму. К слову, невозможность абстрагироваться от этого даже на формально-логическом уровне продемонстрировал творец «интенциональной логики» Франц Brentano.

Объективность и конструктивность

«Внутреннее» у Рубинштейна — не данность. Не уже сложившиеся органические предпосылки психики, не прошлый опыт, не готовые установки и ожидания... «Внутреннее» — это субъект, конструирующий себя в деятельности. И деятельность — инструмент самостроительства, который не навязывается кем-то извне, а столь же самостоятельно (не значит — в одиночку) отстраивается по законам объективного мира. Так Рубинштейн мыслил еще в 1922 г., в статье «Принцип творческой самодеятельности» (Рубинштейн, 1997).

В качестве предмета анализа Рубинштейном избирается не деятельность как таковая, а ее *всеобщая, развитая форма — творческая самодеятельность субъекта*. Отсюда и центральная проблема статьи — преодоление *конфликта между объективностью и конструктивностью*. Но именно эта развитая форма становится для Рубинштейна ключом к пониманию деятельности «вообще», включая ее простейшие, «клеточные» формы. «...Лишь когда со стороны субъекта есть акт творческой самодеятельности, его объект — самостоятельный мир. Каждый “акт” рецептивности — восприятие “явлений”, не имеющих никакого в себе обоснованного существования; каждый акт, в котором выстраивается передо

мной мир, есть акт творческой самодеятельности: я непрерывно его воздвигаю, а он, законченный, передо мной» (Там же, с. 437).

Соответственно, вместо привычной схемы «*субъект — деятельность — результат*» автор выстраивает схему «*субъект — творческая самодеятельность — произведение — субъект* (')», которой он придает всеобщее значение. Значок (') применительно к субъекту указывает на «приращение», ибо Рубинштейн обосновывает закономерность самоизменения, точнее — *самопорождения* субъекта в акте создания произведения, его превращения в подлинную *causa sui* (Б. Спиноза) — «причину самого себя».

Самодеятельность — не надстройка над деятельностью, а ее исходная форма. Вспомним, как младенец управляет взрослыми (плачем, мимикой, моторикой...), чтобы они удовлетворяли его потребности, которые ему не по силам удовлетворить. Зато «по силам» (которые становятся все произвольнее, оставаясь пока неосознанными) сделать нечто большее — *организовать для этого куда более мощные силы взрослых!* И «произведением» ребенка становится «организация мощных сил», в чем он впервые находит *свою*, хотя и авансированную взрослыми. В феномене «авансированной субъектности» — основа, начало человеческого способа жизни (Кудрявцев, Уразалиева, 2001).

Тут, в целом, возникает коварный вопрос: где внешнее, а где внутреннее, во всяком случае, в «чистом виде»? Цвет глаз — *мой*, «внутренний», но какое он имеет отношение к процессам перцепции? А трагедии, написанные без моего участия Шекспиром, на языке того далекого времени, могут восприниматься мной как личные драмы. Выготский ставил «знак равенства» между внешним и социальным. Противоречия себе в том же месте: по его словам, на сцене развития высшая психическая функция первоначально разделена между двумя людьми (социальное) и только потом становится достоянием одного (индивидуальное). Значит, она уже — психическая, т.е. никак не внешняя? В своей экспрессии — да! — внешняя. Но эта экспрессия — как раз ее «внутренняя» суть на этапе «первоначального разделения», она переживается интимно. Или (отсылаясь к другим работам Выготского) «психическая общность» младенца и мамы — это для малыша (да и для мамы) внешнее или все-таки внутреннее? Есть глубочайшие из «внутренних» чувств, которые существуют только в «разделенной» форме: чувства любящих, к примеру. Где она, любовь? «Между», между людьми — так закреплено и в языке. Даже неразделенная.

Потому и «*принцип детерминизма*» в приложении к пониманию *творящегося и творимого* в человеческом мире — всегда «*принцип самодетерминизма*». Как и «*принцип деятельности*» — «*принцип самодеятельности*».

«Жертвоприношение» деятеля

У Вяч. Иванова есть стихотворение «Слоки». Позволю себе привести его целиком — надеюсь, ниже для читателя станет ясным мой мотив. В порядке пояснения. «Слоки» — форма индийского стиха, хотя само произведение отсылает нас к античности. А заклинание «Безмолвствуй!», которое венчает каждую часть, как раз и завершало обряд античного жертвоприношения.

I

Кто скажет: «Здесь огонь» — о пепле холодном
Иль о древах сырых, сложенных в кладу?
Горит огонь; и, движась, движет сила;
И волит воля; и где воля — действие.

Познай себя, кто говорит: «Я — сущий»;
Познай себя — и нарекись: «Деянье».
Нет Человека; бытие — в покое;
И кто сказал: «Я есмь», — покой отринул.

Познай себя. Свершается свершитель,
И делается делатель. Ты — будешь.
«Жрец» нарекись и знаменуйся: «Жертва».
Се, действие — жертва. Всё горит. Безмолвствуй.

II

Познай Рожденья таинство. Движенье
Родит движенье: что родить Покою?
Тому, что — круг, исхода нет из круга.
Алчба — зачатъе; и чревато — Действие.

Познай себя, от Действия рожденный!
Огнем огонь зачат. Умрет зачавший.
Жрец отчий — ты, о жертва жертвы отчей!
Се, жертва — Семя. Всё горит. Безмолвствуй.

III

И тайного познай из действий силу:
Меч жреческий — Любовь; Любовь — убийство.
«Отколе жертва?» — Ты и Я — отколе?
Всё — жрец, и жертва. Всё горит. Безмолвствуй.

Я, как, видимо, многие, воспринимаю поэзию целиком: порыв, сколь бы наполнен мыслью он ни был, не дробится на части. Это не значит, что в стихах нет ничего, достойного анализа. Тем более в таких стихах, какие писал философ Вячеслав Иванов. Просто тут работает иной способ анализа.

Целое, порожденное поэтической фантазией, рано или поздно выхватывает из опыта вдумчивого читателя некую логико-теоретическую конструкцию, которая уже может стать предметом аналитической рефлексии, повод для которой дает стихотворение. Для меня такой конструкцией однозначно является известное место из «Феноменологии духа» Гегеля, которое, на первый взгляд, выхвачено по «ближайшей аналогии»:

«Истинное бытие человека, напротив, есть его действие; в последнем индивидуальность действительна, и оно-то и снимает мнимое с обеих сторон. <...> Действие есть нечто просто определенное, всеобщее, постигаемое в абстракции; действие есть убийство, кража, благодеяние, подвиг и т.д., и о нем можно сказать, что оно есть. Оно есть “это”, и его бытие есть не только знак, но сама суть дела. Оно есть “это”, и индивидуальный человек есть то, что есть оно; в простоте “этого” бытия индивидуальный человек есть сущее для других, всеобщая сущность, и перестает быть только мнимой сущностью. ... Следует... в качестве его подлинного бытия утверждать только действие... <...>

Индивид... не может знать, что *есть он*, пока он действовани-ем не претворил себя в действительность. — Но тем самым он, по-видимому, не может определить *цель* своего действия, пока он не действовал; но в то же время, будучи сознанием, он должен наперед иметь перед собою поступок как *целиком свой поступок*, т.е. как *цель*. Индивид, следовательно, собирающийся совершить поступок, словно находится в каком-то кругу, в котором каждым моментом уже предполагается другой момент, и он не может, таким образом, найти начало, потому что свою первоначальную сущность, которая должна быть его целью, он узнает *лишь из действия*, а чтобы действовать, у него *наперед* должна быть цель» (Гегель, 1959, с. 212).

А это уже «Основы общей психологии» С.Л. Рубинштейна:

«Каждым действием, направленным на тот или иной предмет или вещественный результат, человек неизбежно соотносится с человеком, воздействует как-то на других людей, на свои взаимоотношения с ними. Когда действие осознается самим действующим субъектом в этом своем качестве, оно становится поступком. *Поступок* — это *действие*, которое воспринимается и

осознается действующим субъектом как *общественный акт*, как проявление субъекта, которое выражает *отношение* человека к другим людям.

Один прекрасный музыкант, слушая рассуждения о том, что исполнение музыкального произведения является результатом звукодвигательных координаций, переводом слуховых образов в движения, как-то воскликнул: «Да, да, это все так, но это совсем не то: настоящее музыкальное исполнение — это *музыкальный поступок*». Этот музыкант, очевидно, переживал свое исполнение не просто как производство более или менее музыкальных звучаний, но вместе с тем и как проявление своей человеческой личности, посредством которого он вступал в общение с другим людьми» (Рубинштейн, 2000, с. 478).

Но уже до своего осознания в качестве поступка действие «соотносит» человека с миром людей, меняет способ их взаимоотношений и позицию человека внутри них, способ взаимопонимания людей, опосредствующий способ понимания вещей. Помимо всего прочего, это говорит о надуманности традиционного противопоставления деятельности (действия) и общения. Но сейчас нас интересует другая сторона дела.

Насколько человек раскрывается в абстрактно-всеобщей — действительной — первооснове своего конкретно-всеобщего бытия, если говорить на языке диалектики Гегеля и Маркса? В каких границах оправдано его теоретическое сведение к ней, а где это перерастает в редукционизм?

И у Иванова, и у Гегеля, и у Рубинштейна речь идет о том, что подлинность, действительность человеческого бытия открывается нам только в действии. Равно как и всего остального бытия, которому это действие придает «беспокойство». А так — «нет человека, нет проблемы», или, по-ивановски, «нет Человека; бытие — в покое»... Это — очевидно.

Почему у Иванова звучит лейтмотив жертвоприношения при утверждении активного начала человека в мире? Да потому, что осуществление этого начала — действие, деятельность, свершение — есть не что иное, как жертвоприношение деятеля, свершителя. Это старый философский и, вообще, гуманитарный спор: что «больше», деятельность или деятель (не говоря уже о личности)? Исчерпывает ли себя деятель в деятельности? Вслед за С.Л. Рубинштейном нет оснований не произнести «нет». За скобками свершения остается многое из того, что есть, а тем более, может быть в свершителе. Включая, возможно что-то очень важное для него. И потому в свершении он приносит в жертву свою целост-

ность. Превращаясь из человека в человекодействие. А это нередко — острая драма. И плата — за явление себя другим и самому себе, за познание и самопознание, которые до совершения действия, поступка являются дремлющими способностями. И пока эти способности дремлют, человек — лишь человек «в себе». Будь он хоть — Вселенная. Первозданное газово-паровое облако которой может уйти и в «свисток», и в «Гамлета».

И только действуя *для нас*, порой вынужденно скрывая от нас всю «кухню» действия, он обретает подлинность в своих глазах. Ибо «быть для себя» в том числе означает сознательно не путать «стол» и «кухню», понимая лучше всех, в какое блюдо сколько и чего вложено, для кого и как это сделано.

Вместо заключения

Одним из горячих почитателей С.Л. Рубинштейна был замечательный советский философ Генрих Степанович Батищев. В середине 80-х мы общались достаточно часто. Я не знал человека, который так яростно и беспощадно отрицал «раннего» Батищева — «деятельностника-субстанциалиста-антропоцентриста», чем «поздний» — исследователь и аксиолог «глубинного общения в творческой полифонии с Универсумом». Своим предтечей в отставании ценностей такого общения он считал С.Л. Рубинштейна.

По-юношески наглым аспирантом я бился с «поздним» Батищевым за «раннего». А заодно и «за Рубинштейна».

Василий Васильевич Давыдов считал тоненькую книжечку своего друга молодости Генриха Батищева «Противоречие как категория диалектической логики» (1963) гениальной и был абсолютно прав. А тот о ней и о цикле своих статей по проблеме деятельности, написанных в 60-е, вспоминать не хотел. И давал отпор «субстанциалистам-антропоцентристам» Ильенкову и Давыдову. Горд, что в личных беседах перепало и мне, как их ученику. Дважды горд. Но главное, я не видел бездонной пропасти между «двумя» Батищевыми. Как, кстати, и философ-алмаатинец Александр Александрович Хамидов, аспирант Ильенкова и духовный наследник Батищева. Мне тогда были близки идеи Батищева о «надпороговых содержаниях Универсума», которые еще не вовлечены в сколь угодно масштабные орбиты человеческой деятельности, но могут стать внутри уже вовлеченного и освоенного поводом для общения.

Мы, вообще, начинаем общаться, искать общее, когда не можем что-то вместе сделать, рассматривая себя как уже состо-

явшихся «деятелей». Тогда наступают разрыв и разлад. Разрыв в бытии и разлад в со-бытии. Разрыв в деятельности (при безудержной порой активности) и разлад между людьми (при сохранной коммуникации) — два симптома одного и того же.

Общение и служило для С.Л. Рубинштейна тем, что оберегает автора от бартовской «смерти», которая действительно может наступить в саморепрезентации состоявшегося «деятеля».

«Смерти автора» может быть противопоставлено только одно — бессмертие авторской мысли.

ЛИТЕРАТУРА

Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М.: Прогресс; Универс. 1994.

Батищев Г.С. Противоречие как категория диалектической логики. М.: Высшая школа, 1963.

Белинский В.Г. Сочинения Александра Пушкина. М.: Художественная литература, 1985.

Брушлинский А.В. Психология субъекта. М.: Институт психологии РАН; СПб.: Алетейя, 2003.

Гегель Г.В.Ф. Система наук. Часть 1. Феноменология духа // Соч. М.: Соцэкгиз, 1959. Т. 4.

Кови С. Семь навыков высокоэффективных людей: Мощные инструменты развития личности. М.: Альпина Бизнес Букс, 2009.

Кудрявцев В.Т. Выбор и надситуативность в творческом процессе: опыт логико-психологического анализа проблемы // Психологический журнал. 1997. Т. 18, № 1. С. 16–29.

Кудрявцев В.Т. Aristos. Слово о Брушлинском // Психологический журнал. 2003. Т. 24, № 2. С. 41–48.

Кудрявцев В.Т., Уразалиева Г.К. Субъект деятельности в онтогенезе // Вопросы психологии. 2001. № 4. С. 14–30.

Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975.

Маркс К., Энгельс Ф. Святое семейство, или Критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. 2-е изд. М.: Изд-во Политической литературы, 1955. Т. 2. С. 7–544

Орлов А.Б. Психология личности и сущности человека: Парадигмы, проекции, практики. М.: Изд. центр «Академия», 2002.

Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах К. Маркса // Советская психотехника. Питер, 1934. Т. 7, № 1. С. 3–21.

Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Изд-во АН СССР, 1958.

Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности (к философским основам современной педагогики) // Избранные философско-психологические труды: Основы онтологии, логики и психологии. М.: Наука, 1997. С. 433–338.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.-»Питер». 2000.

Классик мировой философско-психологической мысли Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960)

Антонина Николаевна Ждан

доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент РАО,
профессор кафедры общей психологии факультета психологии
МГУ имени М.В.Ломоносова
E-mail: Zdan@list.ru

Аннотация: С.Л.Рубинштейн — выдающийся философ, психолог, педагог и организатор возглавляет плеяду классиков отечественной психологической науки. Создал систему научной психологии: разработал методологические принципы психологического исследования — единства сознания и деятельности. Создал крупную научную школу, развивающую его идеи в различных областях — в психологии творчества, в психологии личности и др. От других классиков нашей науки творчество С.Л.Рубинштейна отличают следующие особенности: включенность в психологическую мысль нравственно-этического начала, непревзойденный энциклопедизм, диалектический стиль мышления.

Ключевые слова: методологические принципы, субъектно-деятельностный подход, детерминизм, единство сознания и деятельности, мышление.

Classic of the world philosophical-psychological thought Serguei Leonidovich Rubinstein (1889–1960)

Zhdan Antonina Nicolaevna — PhD Professor Corresponding Member of Russian Academia of Education Departmet of General Psychology Lomonosov Moscov State University Faculty of Psychology

Abstract: S.L.Rubinstein is an outstanding philosopher, psychologist, pedagogue and organizer. He is in the head of the pleiad of classics of the Russian-Soviet psychological science. He created the system of scientific psychology and developed methodological principles of the psychological research: the unity of the consciousness and activity. He founded a large scientific school developing his ideas in various spheres: in the psychology of creativity, psychology of personality etc. His works are distinguished from the ones of other classics of our science by the following features: involvement of the moral-aesthetic principles into psychological thought, matchless encyclopaedic knowledge and dialectical style of thinking.

Key words: methodological principles, subject-activity approach, determinism, unity of the consciousness and activity, thinking.

19 июня 2019 г. исполнилось 130 лет со дня рождения С.Л. Рубинштейна — классика мировой философии и психологии, основателя кафедры психологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Сектора философских проблем психологии в Институте философии АН СССР.

Свой творческий путь Рубинштейн начал как философ, но в силу ряда обстоятельств в сложных социальных условиях после-революционной России официально стал советским психологом-теоретиком. В своих трудах разрабатывал проблемы наук о человеке как субъекте, преемственно связанные с традициями русской и мировой мысли. Рубинштейн сформулировал методологические принципы научного исследования, создал один из вариантов деятельностного подхода в психологических исследованиях. Однако в своем последнем труде «Человек и мир» он отказался от понимания роли деятельности как единственной силы, определяющей сущность человека, считал опасным утрировать роль деятельности, сводить жизнь к преобразованию природы и не научиться созерцать и благоговеть перед ней. «Смысл человеческой жизни — быть источником света и тепла для других людей. Быть сознанием Вселенной и совестью человечества. Быть центром превращения стихийных сил в силы сознательные. Быть преобразователем жизни, выкорчевывать из нее всякую скверну и непрерывно совершенствовать жизнь» — в этих словах, которыми завершается книга «Человек и мир», заключена его концепция содержания конкретной жизни каждого человека (Рубинштейн, 1997, с. 113).

Рубинштейн руководил теоретическими и экспериментальными исследованиями мышления.

Он создал крупную научную школу.

С.Л. Рубинштейн был инициатором создания журнала «Вопросы психологии» как органа коллективной разработки в СССР важнейших вопросов теории и практики психологической науки. В силу исторических обстоятельств и причин, к середине 1950-х гг. в нашей стране уже более 20 лет не издавалось ни одного психологического журнала. Статьи по психологии публиковались в журнале «Советская педагогика», в редких выпусках «Известий АПН РСФСР», изредка в «Вопросах философии» и еще в некоторых других специальных изданиях типа ученых записок различных институтов и университетов. Психологические монографии были

редкостью — претендовать на их издание могли только «звезды». В этой ситуации Рубинштейн как ведущий психолог в стране получил задание, вероятно от АПН РСФСР, о создании специального психологического журнала. Вместе с другими крупными психологами он вошел в состав редколлегии (главный редактор А.А. Смирнов). В 1955 г. вышел первый номер журнала «Вопросы психологии». В редакционной статье кратко были сформулированы основные неотложные вопросы, необходимые для разработки психологической теории и оказания помощи практике, намечена структура журнала. Первой авторской публикацией была статья С.Л. Рубинштейна «Вопросы психологической теории», которая задала высокий профессиональный уровень изданию. Большим вопросам психологической теории посвящены статьи ряда других крупных советских ученых: Г.С. Костюка, А.Н. Леонтьева, Б.М. Теплова, А.В. Запорожца, Е.Н. Соколова, Б.Г. Ананьева, А.Р. Лурии, Н.А. Менчинской, Л.И. Божович. Поистине парад умов! Номер содержал также обзор важнейших событий в мировой психологии и научных работ в психологических центрах нашей страны. Структура первого номера журнала составила своего рода схему для всех последующих номеров, которая сохранилась до настоящего времени. Заметим, что теперь, когда у нас издается много психологических журналов, «Вопросы психологии» сохраняют среди специалистов свой устойчивый авторитет как лучшее издание.

Освоение наследия Сергея Леонидовича Рубинштейна предполагает большую и трудную систематическую работу, которую не могут заменить самые замечательные реминисценции по этому поводу.

Я не ставлю перед собой задачу остановиться хотя бы обзорно на всех аспектах его творчества — на это будут направлены усилия всех авторов данного сборника. Мне хотелось бы привлечь внимание лишь к некоторым особенностям, которые, по моему убеждению, наиболее выражены именно в его наследии, в отличие от работ наших классиков — Л.С. Выготского, Б.Г. Ананьева, А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина и других замечательных ученых.

Внутренний стержень личности и творчества Сергея Леонидовича Рубинштейна составляет его практический и теоретический **интерес к этическим мировоззренческим проблемам**. При этом этическое органично сочеталось у него с обостренным эстетическим восприятием окружающего мира, мира природы. «Все, что я делал по характеру моей официальной деятельности, — пи-

сал Рубинштейн, — было в той или иной мере отчужденной от меня деятельностью, если я не находил в ней какого-то соприкосновения с этическими, и затем — шире — мировоззренческими проблемами» (Сергей Леонидович Рубинштейн, 1989, с. 414). Этические искания пронизывают все его труды, но особенно полно воплотились в книге его жизни **«Человек и мир»**, опубликованной посмертно. Она писалась всю жизнь и осталась незаконченной. Да она и не могла завершиться, потому что эти искания и составляли неотъемлемую от жизни автора ее часть.

Другой особенностью творчества Рубинштейна является его **энциклопедизм**. В своих трудах он объединил и творчески развил едва ли не весь опыт, накопленный философской и психологической мыслью, включая самые последние достижения отечественной и мировой науки. В.П. Зинченко в очерке «Слово о Сергее Леонидовиче Рубинштейне (к 110-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна)» писал о потрясении, которое испытал после посещения его домашней библиотеки: «Такого богатства я не видел ни у А.Р. Лурии, ни у А.Н. Леонтьева» (Зинченко, 2019, с. 752). Его работы характеризуются непревзойденной по охвату и глубине философской и методологической культурой, строгой логикой и интеллектуальной красотой. В конкретной ситуации, под прикрытием лозунгов борьбы с космополитизмом, в годы, когда в нашей стране господствовало утверждение, что наука есть только у нас и мы одни все открыли, он ратовал за широкое международное сотрудничество, за выход из национальной замкнутости — за освоение всей мировой культуры. Эта сторона деятельности Рубинштейна нашла свое воплощение в фундаментальных **«Основах общей психологии»**. Книга вышла в 1946 г. Она стала Учебником по психологии на все времена, является самой читаемой книгой по психологии, как об этом точно сказал ученик Рубинштейна А.В. Брушлинский. И это несмотря на то, что исследовательская работа не прекращается и растет число публикаций, в том числе и учебников, по психологии, но новый материал как-то органично вписывается в эту книгу, точнее, без книги Рубинштейна он остается недостаточно понятным и осмысленным. Ученица Рубинштейна, впоследствии ставшая известным ученым Елена Александровна Будилова вспоминала, что за два дня до кончины Сергей Леонидович вызвал ее для того, чтобы наметить план работы на ближайшее время. «Я занят своей новой работой и не могу отвлекаться, — сказал он. — Но нельзя откладывать и другое дело. Речь идет о моих 'Основах общей психологии'. Их надо дополнить

для переиздания новым материалом: собрать и обобщить то, что сделано в нашей психологии за последние годы. Я хотел бы поручить это своим ученикам, распределить между ними добавления к каждому разделу...” Я записывала план дополнения. <...> Он предполагал поговорить с каждым и рассказать о своем замысле» (Будилова, 1989, с. 306–307).

Однако судьба распорядилась иначе. Сергей Леонидович Рубинштейн скоропостижно скончался 11 января 1960 г.

М.Г. Ярошевский так вспоминал о своей встрече с Рубинштейном, оказавшейся последней. Сергей Леонидович предпринимал меры по возвращению Ярошевского из Таджикистана, куда тот вынужден был уехать по политическим причинам, на работу в Москву в возглавляемый им Сектор философских проблем психологии Института философии АН СССР. Попрощавшись с Сергеем Леонидовичем уже ночью, Ярошевский уехал. Сергей Леонидович чувствовал себя бодро, ничто не предвещало, что через несколько часов он скончается.

Творчество С.Л. Рубинштейна отличает **диалектический стиль** мышления и изложения. Именно такой стиль придает объемность текстам его трудов, в отличие от односторонности других философских и психологических концепций, таких, например, как экзистенциализм. В качестве иллюстрации можно взять трактовку Рубинштейном таких ключевых для научного исследования проблем и принципов, как детерминизм и развитие, хотя и известных еще со времен античности, но понимаемых у разных авторов различно. В механистических концепциях детерминизм рассматривается по типу внешнего толчка (например, в новоевропейском рационализме Декарта). Рубинштейн включил детерминацию психического в сферу бытия разных его уровней: физико-химических процессов, организмов, человеческой жизни. Со становлением человека возникает новый высший уровень бытия как осознанного и измененного действиями человека. Изменяются также форма и специфика детерминации применительно к разным уровням бытия. Чеканная формула рубинштейновского принципа детерминизма: *внешнее действует через внутреннее*. Чем сложнее внутреннее, тем большей становится его роль в детерминации поведения. Внутренние отношения являются основой внешних отношений. На самых высших уровнях поведение определяется практически целиком внутренней позицией — мировоззрением человека. Так качественно усложняется соотношение внешнего и внутреннего: внутренние условия выступают как

причины, а внешние причины как условия, как внешние обстоятельства.

В новом понимании принцип детерминизма, распространенный на уровень человека, наполняется у Рубинштейна огромным этическим смыслом. В поступках человека главными являются моменты внутреннего самоопределения, верности себе при любых условиях, недопустимости одностороннего подчинения внешнему. «Только внешняя детерминация влечет за собой внутреннюю пустоту, отсутствие сопротивляемости, избирательности по отношению к внешним воздействиям или простое приспособление к ним», — заключает Рубинштейн (1997, с. 110). Чем выше организм, тем больше роль внутреннего. Самый высокий план бытия — бытие человека. «...Утверждение бытия человека как бытия более высокого плана, все большего внутреннего богатства, возникающего из бесконечно многообразного и глубокого отношения человека к миру и другим людям — вот основа основ» (Там же, с.113).

Важную роль в отношении к внешним воздействиям приобретают у человека **ирония и юмор**. С помощью категорий юмора и иронии, как показывает Рубинштейн, устанавливается расхождение между объективной ситуацией и возможным отношением к ней. Юмор в отношении превратностей своей собственной судьбы позволяет увидеть что-то как не заслуживающее того, чтобы взять его всерьез, дает возможность отнестись к каким-то недостаткам с доброй улыбкой как, по выражению Рубинштейна, к проказам жизни. В своих воспоминаниях он писал, что с какого-то времени юмор распространяется на всю его судьбу. «По призванию, — говорил он, — по складу мысли, я философ, и притом философ, сердцу которого особенно близки не только теория познания, но особенно этика, а официально я — психолог. Отсюда юмористический аспект моего отношения к моей специальности («в психологии я случайный человек» (Сергей Леонидович Рубинштейн, 1989, с. 421).

Рубинштейн выработал юмористическое отношение к драматическим эпизодам, которыми, к сожалению, была богата его жизнь. Он писал об этом так: «Мое юмористическое отношение к проработкам, которым я подвергался, к непрерывным “претензиям” и “козням” моих “друзей”... они не могут простить мне того, что они меня прорабатывали. Когда-то это вызывало немало горя — не без того... Сейчас мое основное отношение ко всему этому юмористическое... Мое юмористическое отношение к пре-

вратностям моей научной судьбы — это отношение “с позиции силы”. Рост собственной творческой силы — вот основа, на которой изживалась горечь и крепло добродушие, снисходительность юмора...» (Там же). В книге «Человек и мир» он припомнил эпизод из своей биографии, который имел место в один из революционных дней его жизни в Одессе. В дом ворвалась вооруженная толпа. В доме перевернули все вверх дном, что-то искали и взяли из вещей. Трое молоденьких солдат пытались вынести из квартиры старинные напольные часы, которые стояли в вестибюле, что им никак не удавалось сделать. С улыбкой наблюдая за ситуацией, Сергей Леонидович призывает представить за комизмом происходящего всю сложность такого социального явления, как революция. Революцию нельзя рассматривать абстрактно, говорить о ней на языке громких лозунгов. Простой человек воспринял революцию как время, когда рухнули все барьеры, пришла вседозволенность, выступившая, в частности, как в данном случае, в своей комической форме.

Все, кому довелось общаться с Рубинштейном, отмечали, какое значение имели для них эти встречи. Так, философ В.С. Библер вспоминал о двух кратких беседах с ним. Важно отметить, что эти беседы состоялись по инициативе Сергея Леонидовича, хотя Библер и не был знаком с Рубинштейном. У Библера в Душанбе вышла небольшим тиражом книга «О системе категорий диалектической логики». Как он писал, для него это было время «дикого духовного одиночества». И вдруг — большое письмо от Сергея Леонидовича Рубинштейна. В этом письме Сергей Леонидович внимательно и серьезно выразил свое отношение к содержанию книги и пригласил автора зайти к нему домой и поговорить. Примерно через месяц Библер оказался в Москве, и беседа состоялась. Библера поразила внимательность Сергея Леонидовича. «За всю последующую жизнь, — писал он в своих воспоминаниях, — больше ни с кем у меня не было такого значительного, внимательного, необходимого разговора — без малейшей снисходительности или “заигрывания” с “учеником”... Это была последняя встреча с Сергеем Леонидовичем... Через несколько месяцев он скончался. Мы почти не знали друг друга. Но это была одна из самых тяжелых потерь в моей жизни. Но те беседы, которые успели сбыться, продолжают, разветвляются, работают где-то в глубине моего современного сознания и мысли» (Библер, 1989, с. 316).

Так вспоминали о значении своих встреч с Рубинштейном все, кому посчастливилось их иметь.

За всеми фактами из жизни С.Л. Рубинштейна выступает **маштабная личность** этого выдающегося ученого и человека. Через всю жизнь он пронес нежную любовь к матери и почтительное отношение к отцу. С ранних лет его душа была открыта всему светлому и прекрасному. Он называл самым основным в ситуации своего развития болезнь отца и сознание, что другие взрослые нуждаются в его помощи. «Жизнь семьи рано поставила передо мной нравственные проблемы — тонкие, сугубо личностные... Они сохранили для меня свою значимость и далее, в течение всей моей жизни» — делает такое важное замечание Сергей Леонидович в автобиографических записках. В своих воспоминаниях о годах учения в Марбургском университете он трогательно и с безграничным уважением отзывается о своих учителях — неокантианцах Поле Наторпе и Германе Когене. В его воспоминаниях о них отчетливо выступают различия в отношении к их учению и к ним лично. Он пишет об очаровании от лекций Когена и вместе с тем выражает неудовлетворенность и критическое отношение к философской системе этого мыслителя. Сергей Леонидович самостоятельно освоил философские воззрения Маркса и дал их блестящий анализ в статье 1934 г. «Проблемы психологии в трудах Карла Маркса» и позже в исследовании, посвященном анализу «Экономически-философских рукописей 1844 года» Маркса. В своих занятиях философией Рубинштейн размышляет над наследием выдающихся мыслителей прошлого — Платона, Аристотеля, Декарта, Спинозы, Канта. Он не фиксируется на том, чего они не дали, но выделяет поставленные ими проблемы, раскрывает их этический смысл.

В идеологических боях по поводу «Основ общей психологии», развязанных в конце 1940-х гг., проявилось его личное мужество. Его клеймили за «заблуждения», обвиняли в недооценке русской науки, отступлениях от марксизма и тому подобных грехах. Никогда он не уступал, не менял научной линии, иногда вынужденно отступал. Все эти обстоятельства не сломили его, но бесспорно сказались на здоровье, сократили его жизнь.

В общем только в контексте всех событий, которые случились в жизни Рубинштейна, понимаешь этическую глубину его философско-психологических трудов, величие его личности как классического университетского профессора старого закала.

Замечательный литературовед и писатель Игорь Волгин ведет еженедельную программу, посвященную анализу русской литературы, ее классических страниц. Каждую передачу он заканчивает

словами: «Читайте и перечитывайте классику». Этими же словами хочу и я завершить свое выступление, посвященное юбилею Сергея Леонидовича Рубинштейна: читайте и перечитывайте Рубинштейна. Это наша классика.

Не только научные труды, но сама жизнь С.Л. Рубинштейна — это прекрасный нравственный урок потомкам.

ЛИТЕРАТУРА

Библер В.С. Две встречи с Рубинштейном // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989.

Брушлинский А.В. Самая читаемая отечественная книга по психологии: триумфы, трагедии, парадоксы // Психологический журнал. 2001. Т. 22, № 6. С. 5–13.

Будилова Е.А. Годы учения у С.Л. Рубинштейна // Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989. С. 296–307.

Зинченко В.П. Слово о Сергее Леонидовиче Рубинштейне (к 110-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна) // Зинченко В.П. Психологическое наследие / ред.-сост. Р.Д. Гордеева, науч. ред. А.И. Назаров. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2019. С. 750–753.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. М.: Наука. 1997.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. 2-е изд. М.: Учпедгиз, 1946.
Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Воспоминания. Материалы. М.: Наука, 1989.

Экзистенциально-институциональных аспектов развития субъектности жизнетворчества С.Л. Рубинштейна и его научной школы

Игорь Никитович Семенов

лауреат Премии Президента РФ в области образования,
действительный член Академии психологических и социальных наук,
доктор психологических наук, профессор НИУ ВШЭ.
E-mail: i_samenov@mail.ru

Аннотация. В статье дифференцированы экзистенциально-социокультурные аспекты социального и карьерного поведения ученого и эксплицированы исследовательские программы его научно-познавательной деятельности. На материале рефлексивно-методологического и биографо-культурологического изучения жизнедеятельности С.Л. Рубинштейна характеризуется жизнедеятельность С.Л. Рубинштейна как субъекта научного творчества. Показано воздействие его трудов и научной школы на развитие психологии

Ключевые слова: жизнедеятельность, научное творчество, экзистенциальная стратегия, программа, научная школа, советская психология, философия человекознания.

Reflection of existential-institutional aspects of the personality development of the subjectiveness of the Rubinstein, s creativity and his sinetific school

Semenov I.N. — D. PS., Professor, Winner of the Russian President's award in the field of education academician of APSN , higher school of Economics National Research University “Higher School of Economics”;

Abstract. T Due to the 130th anniversary of the leader of Soviet psychology of the mid-twentieth century, S.L. Rubinstein, for the first time from the standpoint of the psychology-scientific approach it is differentiated existential socio-cultural aspects for social and career related behaviors of the outstanding scientist, and also explicated research project related aspects of his creative research and development activities. Variety of these programs comprised L.S. Rubenstein's works, as well as a broad variety of strategies developed during his creative life. Based on reflective methodological and biographical cultural contents of L.S. Rubenstein's creative life, we characterized the interaction of those complementary programs and strategies, outlined schematic typology and briefly depicted implementation ways in his professional activities, as well as activities of participants of the science school that he created. As a finally, the philosophical-methodological, research and organizational-pedagogical activities of S.L. Rubinstein, are characterized. It is shown the influence of his works and scientific school on the development of the Soviet / Post-Soviet

psychological science in the study of the cognitive processes of the individual, and also the history, theory, methodology of human knowledge.

Keywords: S.L. Rubinstein, livelihoods, scientific work, existential strategy, research program, scientific school, Soviet psychology, philosophy of human knowledge.

1. Актуальность и новизна изучения субъектности философско-психологического творчества С.Л. Рубинштейна

В историко-научной и теоретико-методологической традициях определения вклада выдающихся ученых в развитие психологии доминирует предметно-гносеологический подход (при абстрагировании от анализа субъектности жизнетворчества) — в виде характеристики концептуальных представлений о психических процессах и экспериментальных достижений в их изучении. В связи с указанным абстрагированием актуальным является изучение субъектности научного творчества, в том числе психологов. Одним из наиболее выдающихся среди советских философов-психологов является Сергей Леонидович Рубинштейн (1889–1960), 130-летие со дня рождения которого отмечается психологической общественностью на методологическом семинаре в ПИ РАО. Его труды конструктивно используются в современной психологической науке. Фундаментальный вклад С.Л. Рубинштейна как лидера советской психологии середины XX в. в развитие ее теоретических основ и марксистской методологии разносторонне характеризовался в трудах прежде всего его учеников и последователей (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, Д.Б. Богоявленская, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, Е.В. Шорохова, М.Г. Ярошевский), а также историков психологии (Б.Г. Ананьев, С.А. Богданчиков, А.Н. Ждан, В.А. Кольцова, Т.Д. Марцинковская, А.В. Петровский, И.Н. Семенов, А.А. Смирнов, Е.Е. Соколова и др.). Примером компактной предметно-гносеологической характеристики психологического учения С.Л. Рубинштейна служат, например, обобщающие статьи ряда историков психологии (Брушлинский, 1990; Будилова, 1979; Семенов, 2009б; Сироткина, 1996; и др.). На этом достаточно изученном фоне важную проблему составляет науковедческое исследование таких недостаточно изученных аспектов жизнедеятельности выдающегося ученого (в данном случае С.Л. Рубинштейна), которые выражают формирование и развитие субъектности его научного творчества.

Развивая в науковедческом контексте теоретическое наследие С.Л. Рубинштейна, его ученик и мой учитель в сфере истории психологии М.Г. Ярошевский создал на рубеже 1960–1970-х гг. такое направление современного человекознания, как психология научного творчества (Н.Г. Алексеев, Я.А. Пономарев, И.Н. Семенов, Э.Г. Юдин, А.В. Юревич и др.). При этом он акцентировал изучение логики развития науки (на материале науковедения), индивидуальной психологии ученых (жизнетворчество И.М. Сеченова) и социальной психологии научных школ (дифференциальная психофизиология Б.М. Теплова и др.). С учетом этого опыта нами разрабатывались историко-методологические предпосылки психолого-науковедческого изучения субъектности жизнетворчества ряда выдающихся ученых в сфере философии (В.А. Лефевр, Г.Г. Шпет, Э.Г. Юдин), методологии (Н.Г. Алексеев, А.А. Богданов, Г.П. Щедровицкий) — психологии (Л.С. Выготский, П.Я. Гальперин, А.Н. Леонтьев, Я.А. Пономарев), акмеологии (А.А. Бодалев, А.А. Деркач), психофизиологии (В.М. Бехтерев, Н.Я. Пэрна, Б.М. Теплов), педагогики (П.П. Блонский, Н.К. Вентцель, Н.Ф. Талызина) и др.

Согласно выдвигаемой нами гипотезе, такими сущностными компонентами или психологическими механизмами жизнедеятельности, определяющими субъектность научного творчества, являются — с учетом знаменитой формулы детерминизма (Рубинштейн, 1957, б) — его внешние социокультурные причины институциональной эволюции науки в гражданском обществе, которые действуют через внутренние экзистенциально-персонологические условия субъектно-профессионального развития личности ученого. Новизна предлагаемой статьи состоит в том, что в ней — на материале изучения жизнетворчества С.Л. Рубинштейна (1929, 1973, 1994, 2003 и др.) — впервые нами эксплицируются и рефлексированы в индивидуально-социокультурном единстве психолого-науковедческого анализа жизнедеятельности выдающегося ученого ее экзистенциально-институциональные аспекты. Ибо они выражают феноменологию формирования персонологии его творческой индивидуальности и определяют механизмы ее психологической субъектности и социально-культурной самореализации в процессе жизненного пути в обществе и карьерного роста в профессиональной деятельности.

Этим определяется структура статьи: вначале кратко обоснованы ее актуальность, проблема, гипотеза и новизна, затем на материале периодизации жизненного пути С.Л. Рубинштейна характеризуются социокультурные детерминанты субъектности его

жизнетворчества в экзистенциально-персонологическом и концептуально-методологическом единстве его предметно-познавательной мотивации как внутренних условий формирования субъектности ученого посредством профессионально-деятельностной самореализации в контексте институционально-карьерного роста в советском человекознании, а также дифференцируются основные этапы созданной им научной школы.

Автор с особой признательностью выражает глубокую благодарность участникам научной школы С.Л. Рубинштейна — академикам и почетным членам РАО К.А.Абульхановой-Славской, Л.И.Анцыферовой, Д.Б.Богоявленской, А.В. Брушлинскому, А.М. Матюшкину, М.Г. Ярошевскому, профессору В.Г. Асееву — за ценные сведения о житнетворчестве их выдающегося учителя, а также за ряд фактов о его профессиональной деятельности — сотрудников ВНИИТЭ, МГУ, НИИП к. филос.н. Г.П. Щедровицкого, профессоров П.Я. Гальперина, З.А. Решетову, Н.И. Непомнящую, О.К. Тихомирова и члена-корреспондента РАО Н.Г.Алексеева, академиков РАН Б.М. Кедрова и В.А. Лекторского, академиков АПН А.Н. Леонтьева, А.А. Смирнова и РАО В.П. Зинченко, В.М. Мунипова, Н.Ф. Талызину, почетного члена РАО Я.А. Пономарева,

2. Экзистенциально-субъектная периодизация житнетворчества С.Л. Рубинштейна

Если обратиться к учебникам по истории психологии и к большинству трудов о наследии С.Л. Рубинштейна, то он предстает, прежде всего, как теоретик разработки ее предметно-концептуальных основ и системно-методологических принципов, в меньшей степени — как руководитель экспериментальных исследований познавательных процессов и историко-научных изысканий, а также вскользь — как организатор научных и образовательных учреждений. Однако проектирование институций и руководство ими создает конструктивные возможности для самореализации ученого как субъекта познавательно-творческой и организационно-управленческой деятельности. Ибо это усиливает возможности профессионально-познавательных изысканий в различных сферах человекознания, в том числе в философии, психологии, педагогике, как это характерно для творчества С.Л. Рубинштейна. Отсюда следует необходимость специального историко-наукоеведческого изучения индивидуальной субъектности институционально-карьерного роста С.Л. Рубинштейна и эволюции созданной им научной школы как коллективного субъекта и

продолжателя развития его субъектно-деятельностного подхода в человекознании в социокультурном контексте становления философско-психологической науки советского времени.

Важно подчеркнуть, что институциональная эволюция науки служит лишь внешней детерминацией, создающей конкретные социокультурные возможности для формирования личности ученого в профессиональной деятельности и самореализации в ней субъектности его жизнетворчества. Отсюда следует необходимость специального экзистенциально-персонологического изучения перипетий жизненного пути ученого и его институционально-карьерного поведения в личностно значимых, проблемно-конфликтных и профессионально-научных ситуациях как интеллектуально-творческих поисков в информационно-мыслительном пространстве «ноосферы» (философско-психологической — как у С.Л. Рубинштейна), так и социально-ролевого функционирования в окружающем человека стартово-групповом и природно-экологическом мире. В этом пространстве происходит формирование и осуществление субъектности ученого в индивидуально значимых событиях, возникающих и происходящих в процессе его жизненного шествия: от рождения — через детство, юность, взросление, акме-самореализацию, геронтологическую адаптацию — вплоть до физической смерти. Становление индивидуальности юного С.Л. Рубинштейна реконструировано в книге (Абульханова-Славская 2009), научно-профессиональная эволюция — в ряде статей (Будилова 1979; Семенов 2009а; 2019б; и др.), а его саморефлексия представлена в дневниках (Рубинштейн, 2003). Первоначальный анализ жизненного пути и наследия С.Л. Рубинштейна в традиционном для истории психологии предметно-гносеологическом ракурсе реализовался нами в виде науковедческого выделения ряда основных этапов становления и развития его научной деятельности: от ее образовательных предпосылок через мировоззренческое самоопределение, профессиональную самореализацию, идеологический остракизм и творческую самореализацию в конце жизнедеятельности вплоть до создания им оригинальной философско-психологической системы и научной школы, одной из крупнейших в советской психологической науке. Однако дальнейшее рефлексивно-психологическое изучение жизненного пути С.Л. Рубинштейна и его учеников привело не только к экспликации предметно-гносеологических аспектов научного содержания этой выдающейся философско-психологической деятельности, но также и к выделению в экзистенциально-персонологическом

ракурсе личностных детерминант, определяющих индивидуальность и субъектность его жизнетворчества, а также продуктивность созданной им научной школы.

С учетом этой инновационной рефлексивно-персонологической методологии мыследеятельности, обратимся к феноменологии становления и развития субъектности творческой индивидуальности философа-психолога С.Л. Рубинштейна в процессе его жизненного шествия. Оно началось в детстве и юности в эпоху Серебряного века еще до революции (в Одессе), продолжилось в процессе вузовского образования (в Марбурге), взросления в период войн и революций, во фронтовых послереволюционных условиях (в Одессе) и далее в профессиональной самореализации в советское время (в Одессе, Ленинграде, Москве), во взлетах, падениях и в творчестве. Процесс 70-летнего жизнетворчества С.Л. Рубинштейна дифференцируется нами на следующие основные периоды.

1) Дошкольный период — приличное воспитание в большой семье (с матерью, четырьмя братьями и тетушками) известного одесского адвоката и проявление ряда задатков, о чем свидетельствуют факты раннего научения его чтению, письму, счету и навыкам иностранных языков.

2) Подростковый период — начальное обучение школьным предметам, развитие различных способностей и многосторонних интересов, а также формирование трудолюбия, усидчивости, силы воли и ответственности в занятиях.

3) Гимназический период характеризуется в средних классах познавательным интересом к разным областям знания и культуры, а также к динамике политической жизни страны в начале первой русской революции (1905–1907) вплоть до участия в антицаристских демонстрациях и в рабочих кружках по изучению азов марксизма.

4) Практико-юридический период (1907–1909) включает в старших классах педагогический опыт юного С.Л. Рубинштейна (в виде частного репетиторства им детей буржуазии) и его подготовку к сдаче экстерном выпускных экзаменов в знаменитой Ришельевской гимназии, а также в связи с затяжной болезнью отца — помощь ему в ведении адвокатских дел параллельно с самостоятельным изучением классиков философии права и прецедентов осуществления психолого-юридической практики.

5) Магистерский период (1909–1913) начался эффективным консультированием с отцом юридических тяжб купца-мецената

Саввы Морозова, что помогло оплатить и продолжить профессиональное образование в философской школе неокантианства в немецком университете г. Марбурга с успешной защитой — под руководством ее основателя Г. Когена — магистерской диссертации (Rubinstein, 1914). Приведенная в диссертации критика диалектического метода Г.В.Ф. Гегеля в сравнении с методологией И. Канта обеспечило Рубинштейну самостоятельное овладение им в дальнейшем учением К.Маркса.

Данный период также включает второй педагогический опыт в виде обучения сокурсников вопросам философии и естествознания и первый опыт индивидуально-психологического консультирования и нейтрализации проблемно-конфликтной ситуации, возникшей в общении юного философа-поэта Б.Л. Пастернака с университетским мэтром Г. Когеном. Через много лет поэт посвятил своему другу знаменитые экзистенциально-философские стихи: «Во всем мне хочется дойти / До самой сути.../ В работе, поисках пути / Свершать открытия». Не смотря на опасные перипетии жизнетворчества в сталинское правление, гениальные поэт и философ дорожили своей дружбой всю жизнь.

6) Прифронтовой период во время войн и революций (1914–1919) включает как познавательное самообразование и усвоение достижений современной науки, так и третий педагогический опыт в виде учительства в гимназиях Одессы. Это прерывалось фронтовыми перипетиями Гражданской войны, совладающее поведение с которыми потребовало от молодого Рубинштейна экзистенциально-субъектного постижения феноменологии практической психологии личности в виде понимания переживаний, мотивов, поступков и проявлений характера людей различных социальных слоев в экстремальных ситуациях, а также собственной прозорливой субъектно-жизненной ориентировки в проблемно-конфликтных ситуациях, смелости в принятии критических решений, адекватного самоопределения в быстро меняющейся кризисной обстановке, силы воли и личного мужества в их практической реализации в катастрофических обстоятельствах Гражданской войны. Несмотря на опасную прифронттовую обстановку (см.: Рубинштейн, 1929), он разрабатывает в своих рукописях философско-психологические проблемы процессов познания субъектом как активным деятелем в мире.

7) Преподавательский период педагогической самореализация (1919–1922) — после установления в Одессе советской власти — начался с избранием С.Л. Рубинштейна доцентом Новорос-

сийского университета (при поддержке патриарха российского человекознания, профессора кафедры философии и психологии Н.Н. Ланге) и продолжился преподаванием студентам ряда курсов (от методологии естествознания и философии науки через логику и психологию до этики и педагогики). Он организовал ремонт помещений кафедры (обветшавшей за время Гражданской войны) и оснащение ее новейшим оборудованием, выписанным им из Германии с помощью П. Наторпа. При этом он публикует эссе о тестологии одаренности (Рубинштейн, 1923) и программную статью по проблеме творческой самодеятельности (Рубинштейн, 1922) с критикой социальной педагогики П. Наторпа (2006). Однако, несмотря на избрание в 1922 г. (после Н.Н. Ланге) профессором кафедры философии и психологии, С.Л. Рубинштейну все же пришлось покинуть университет из-за интриг консервативной профессуры, завидовавшей его энциклопедическим познаниям и популярности блестящих лекций среди студентов.

8) Библиографический период (1923–1930) характеризовался изучением С.Л. Рубинштейном логики развития человекознания в виде гносеологической рефлексии им достижений философской и психологической мысли в процессе энциклопедической работы сначала сотрудником, а вскоре и директором Одесской научной библиотеки. Из редких зарубежных командировок он привозил необходимую научную литературу, дополнявшуюся посылками новинок от марбургских сокурсников. Все это помогло создать задел не только для построения методологических основ научной библиографии (Рубинштейн, 1930) в стране, но и для обобщения в будущем философских и естественнонаучных основ психологии. Часть положений о них он апробировал в 1928–1930 гг. в педагогической практике преподавания курсов психологии в качестве профессора в ряде вузов Одессы.

9) Психолого-педагогический период (1930–1941) начался с переезда в Ленинград для работы заместителем директора по науке в ведущей в стране Ленинградской публичной библиотеке им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Одновременно с этим С.Л. Рубинштейн преподает по приглашению М.Я. Басова (Рубинштейн, 1931) на кафедре психологии (с заведованием ею с 1931 г.) крупнейшего в стране Ленинградского педагогического института им. А.И. Герцена (ЛГПИ) и руководит им в качестве проректора, устанавливая научное сотрудничество с институтами языкознания и физиологии. При этом он организует экспериментальные психолого-педагогические исследования кафедры (Рубинштейн, 1939), постро-

ение учебных планов, дидактических программ, а также ведет теоретическую разработку с позиций ассимиляции марксизма капитальных вузовских учебников по основам: психологии и общей психологии (Рубинштейн, 1935).

Социокультурными предпосылками публикации последнего столь фундаментального учебника явились не только его инновационная статья о перспективах применения в психологии идей К. Маркса (Рубинштейн, 1934), но и вынужденная критика педологии (Против педологических извращений, 1937) в контексте идеологически необходимой реализации разгромного постановления (о ее запрете как «лженауки») руководства компартии. При этом, рискуя успешной карьерой, С.Л. Рубинштейн смело оказал помощь своему ассистенту сироте М.Г. Ярошевскому. Он был в заключении в 1938–1939 гг. по якобы политическому делу (вместе с его другом историком-этнографом Л.Н. Гумилевым, сыном поэтов А.А. Ахматовой и Н.С. Гумилева, расстрелянного еще в 1921 г. по антисоветской статье) и восстановлен проректором С.Л. Рубинштейном в аспирантуре ЛГПИ.

В 1937 г. С.Л. Рубинштейну по совокупности работ присуждается докторская степень и он назначается руководителем психологической секции Института педагогики. При его поддержке в Ленинграде защищается ряд докторских диссертаций (Б.Г. Афаньевым, Б.М. Тепловым и др.) и читаются спецкурсы московскими психологами (Л.С. Выготским, А.Н. Леонтьевым, Б.М. Тепловым). В дискуссиях с ними обсуждаются основы психологии, в том числе проблемы сознания и деятельности, которые стали интересовать российских ученых еще со второй половины XIX в. (К.Д. Ушинский, И.М. Сеченов) и особенно в эпоху Серебряного века русской культуры начала XX в. (М.Я. Басов, П.П. Блонский, А.А. Богданов, А.К. Гастев, П.А. Некрасов и др.). Это явилось одной из историко-научных предпосылок становления деятельностного подхода в советской психологии.

10) Военно-психологический (1941–1943) период начался летом 1941 г. с участия С.Л. Рубинштейна в психологическом обеспечении светомаскировки и радиолокации. В начале 1942 г. он назначается командиром эвакуационного состава выезда ученых и преподавателей из блокадного Ленинграда. Как проректор ЛГПИ, С.Л. Рубинштейном организуется не только учебно-воспитательную работу вуза в условиях войны, но и обеспечение эвакуации из блокады его преподавателей (в том числе М.Г. Ярошевского) в Пятигорск весной 1942 г. Как знаток современной научной ли-

тературы Германии, С.Л. Рубинштейн подготовил аналитический реферат книг по психологии боевого воспитания фашистских солдат, что использовалось советским командованием для эффективного планирования и управления военной кампанией. В октябре 1942 г. С.Л. Рубинштейн назначается директором Государственного научно-исследовательского института психологии (ГНИИП) при МГУ и одновременно — заведующим вновь созданной кафедрой психологии философского факультета. Оставшись в Москве, он перестраивает в контексте запросов военного времени научную деятельность ГНИИП и кафедры МГУ, организуя учебно-воспитательную работу их сотрудников, преподавателей, аспирантов, студентов, а также курирует научные исследования (А.Н. Леонтьева, А.В. Запорожца, П.Я. Гальперина и др.) в условиях эвакуации и координирует в Москве с руководителем ополчения А.А. Смирновым пожаротушение крыши здания ГНИИП его сотрудниками.

Во время войны в руководимом С.Л. Рубинштейном ГНИИП велось изучение следующих направлений: 1) разработка общих проблем военной психологии (Т.Г. Егоров, Н.И. Жинкин и др.), в том числе создание Б.М. Тепловым знаменитого труда «Ум и воля военачальника»; 2) изучение проблемы восприятия в особых условиях (К.Х. Кекчеев, Б.М. Теплов и др.), что позднее частично нашло свое отражение в сборнике под редакцией С.Л. Рубинштейна (1948); 3) изучение психологических основ формирования навыков военного дела (Л.М. Шварц, Т.Г. Егоров, Е.В. Гурьянов); 4) исследование (А.Н. Леонтьев, А.В. Запорожец, А.Р. Лурия, П.Я. Гальперин) психофизиологических условий восстановления функций после ранений, что было обобщено в их трудах (в сборниках МГУ под редакцией С.Л. Рубинштейна и в его послевоенных статьях (Рубинштейн, 1943); 5) исследование влияния мозговых травм на высшие психические процессы: результаты этой закрытой работы А.Р. Лурии и отчет с грифом «секретно» были заслушаны на специальной конференции ГНИИП и кафедры психологии МГУ; 6) просветительная и консультативная работа в виде лекций в воинских частях и на военных предприятиях, бесед с ранеными и т.п.: воспитание воли и характера у бойцов (Н.Д. Левитов), психология военного воспитания (Н.Ф. Добрынин), психология бойца (Н.И. Жинкин), психология командира (Т.Г. Егоров.). Этим и другим направлениям военно-психологических исследований института и кафедры психологии МГУ посвящена специальная статья С.Л. Рубинштейна (1943).

11) Организационно-педагогический период (1943–1945) начался с его избрания (как автора капитального учебника по основам общей психологии (Рубинштейн, 1940), удостоенного в 1942 г. Государственной Сталинской премии по науке и технике) членом-корреспондентом АН СССР и организации им в 1943 г. на базе кафедры психологии МГУ психологического отделения.. Это позволило расширить кадровый состав кафедры (в основном за счет преподавательской нагрузки сотрудников ГНИИП) и в перспективе близкой победы — усилить как фундаментальные исследования по общей психологии, так и прикладные психолого-педагогические разработки (Рубинштейн, 1973, с. 182–192). С учетом этого и в связи с созданием при участии С.Л. Рубинштейна АПН РСФСР, он в 1944 г. обеспечил интеграцию в нее ГНИИП путем его переподчинения из МГУ, руководя переструктурированием отделов института и перестройкой его научно-исследовательской деятельности в контексте психолого-педагогического обеспечения школьного образования. Параллельно на кафедру в МГУ им были приглашены Б.Г. Ананьев, Н.Н. Ладыгина-Котс, М.Г. Ярошевский и последователи Л.С. Выготского (А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.В. Запорожец, Б.В. Зейгарник, П.Я.Гальперин и др.). Завершился этот период избранием С.Л. Рубинштейна действительным членом АПН РСФСР.

12) Университетско-академический период (1945-1949) начался переходом члена-корреспондента АН СССР С.Л. Рубинштейна в систему АН СССР в качестве заместителя директора по науке Института философии (ИФАН). Его энциклопедическая компетентность в сфере философии определялась: 1) профессиональным философским образованием в 1909–1913 гг. в передовой по тем временам марбургской школе неокантианства (Rubinstein, 1914); 2) работой в Новороссийском университете на кафедре философии и психологии и преподаванием на рубеже 1910–1920-х гг. естественных и гуманитарных дисциплин; 3) заведованием по совместительству (с профессорством в ЛГПИ) в качестве заместителя директора по науке крупнейшей в стране Ленинградской библиотеки им. М.Е. Салтыкова-Щедрина; 4) энциклопедическим обобщением методологических основ научной библиографии в стране (Рубинштейн, 1930); 5) заведованием кафедрой (с 1942 г.) и отделением (с 1943 г.) психологии на философском факультете МГУ.

Перейдя в АН СССР, он реорганизовал работу ИФАН в связи с необходимостью перехода от военного к мирному времени, уси-

лив разработку проблемы сознания и деятельности с марксистских позиций диалектического материализма (Рубинштейн, 1947). При этом он создал первую ячейку психологической науки в системе АН СССР, организовав в ИФАН Сектор философских проблем психологии (С.В. Кравков, Н.Н. Ладыгина-Котс, А.Г. Комм, А.Г. Спиркин, Ф.Н. Шемякин, Е.В. Шорохова, М.Г. Ярошевский и др.), где стал реализовывать (с сотрудниками сектора и кафедры МГУ) стратегию теоретико-экспериментального исследования познавательных процессов. С этой целью в ИФАН по проекту С.Л. Рубинштейна были построены специальные изолированные помещения для проведения экспериментов с помощью новейшей экспериментальной аппаратуры, выписанной и полученной им по репарациям из Германии. Он надеялся на базе созданного им сектора организовать в будущем Институт психологии в системе АН СССР, который в итоге был создан во главе с Б.Ф. Ломовым в 1971 г. (ныне ИП РАН). Параллельно с экспериментальным изучением восприятия (Рубинштейн, 1948) в секторе велось историко-методологическое изучение им (Рубинштейн, 1973, с. 158–167, 168–181) с аспирантами (Е.А. Будилова, Л.И. Анцыферова, Н.С. Мансуров), студентами (В.П. Зинченко), сотрудниками (Е.В. Шорохова, М.Г. Ярошевский и др.) философско-психологических аспектов проблематики ощущения, восприятия, памяти, мышления в наследии психофизиологов И.М. Сеченова и И.П. Павлова (см.: Будилова, 1979; Семенов, 2019; Ярошевский, 1957; и др.). Параллельно С.Л. Рубинштейн завершил фундаментальный труд в виде существенно переработанного с позиций деятельностного подхода второго дополненного издания капитального учебника «Основы общей психологии» (Рубинштейн, 1946а-Его неоднозначное обсуждение (В.Н. Колбановский и др.) в ГНИИП стало одним из направлений разнузданной идеологической критики трудов С.Л. Рубинштейна (1945б; 1946а; 1946б; 1947; 1948), несмотря на поддержку П.Я. Гальпериным, А.Н. Леонтьевым, А.А. Смирновым, Б.М. Тепловым и некоторыми другими психологами.

13) Репрессивный период (1949–1954) начался с развернувшейся в стране идеологической кампании против «космополитизма» и вылился в обвинения С.Л. Рубинштейна в якобы его «преклонении перед буржуазной наукой». Он был снят со всех руководящих постов (оставлен в качестве профессора в МГУ и сотрудником ИФАН), причем с запретом публиковать авторские книги (из-за чего был рассыпан набор его фундаментальной работы «Философские корни психологии»). Одним из поводов травли

послужило то, что, заботясь о формировании исследовательской культуры у психологов, он поручил своему сотруднику М.Г. Ярошевскому (изучавшему в секторе ИФАН психологические аспекты наследия И.М. Сеченова, обеспечить перевод и издание в 1950 г. знаменитого руководства Р. Вудвортса по экспериментальной психологии. Поскольку за М.Г. Ярошевским тянулся след идеологической неблагонадежности из-за его ареста в 1938–1939 гг., С.Л. Рубинштейн посоветовал своему бывшему аспиранту быстро покинуть столицу, в результате чего тот срочно уехал (на 15 лет!) в Таджикистан. При поддержке — сменивших С.Л. Рубинштейна новых заведующих кафедрой МГУ (с 1949 г. Б.М. Теплова и с 1951 г. А.Н. Леонтьева) — его научной деятельности с сотрудниками и студентами он продолжил в МГУ экспериментальные исследования по психологии мышления, а также с аспирантами в ИФАН изучение философско-психологических аспектов наследия русских психофизиологов (И.М. Сеченов, И.П. Павлов и др.), что было им (Рубинштейн, 1946б; 1973с. 158-181) начато в 1946 г., т.е. еще до печально знаменитой Павловской сессии АН и АМН СССР 1950 г. Несмотря на опалу, С.Л. Рубинштейн продолжал мужественно участвовать в научной жизни философов и психологов (с риском усугубления идеологизированной критики его трудов), публикуя свои доклады как на этой сессии, так и на других научных конференциях и даже в официальной печати (Рубинштейн, 1950).

14) Концептуально-творческий (1954–1960) период (1954–1960) знаменует расцвет его научной деятельности. По времени этот период совпал с идеологической «оттепелью», когда после смерти вождя И.В. Сталина спала волна критики идей С.Л. Рубинштейна. В результате он стал вновь заведовать Сектором философских проблем психологии ИФАН, но в МГУ он оставался только как руководитель дипломной работы до 1958 г. когда диплом был защищен. При этом окончательно сформировалась созданная им московская научная школа (Брушлинский, 1999; Будилова, 1979; Семенов, 2009б; 2019б) субъектно-процессуальной психологии деятельностного бытия человека в мире. Эта школа включала его сотрудников и аспирантов из ГНИИП, МГУ, ИФАН (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, В.Г. Асеев, Д.Б. Богоявленская-Туровская, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, Е.П. Кринчик, Н.С. Мансуров, А.М. Матюшкин, В.Н. Пушкин, Ф.А. Сохин, Е.В. Шорохова, И.С. Якиманская, М.Г. Ярошевский и др.). В результате их исследований был издан ряд сборников под его редакцией (см.: Анцыферова, 1960; Ярошевский, 1957; и др.).

Как можно видеть, жизненный путь С.Л. Рубинштейна был извилист, неравномерен, чреват рисками и неожиданными поворотами судьбы, но во всех периодах полон постоянными мыслительными поисками и насыщен действенными проявлениями гениальной субъектности, которые привели к творческому раскрытию его целеустремленной креативной индивидуальности и к достижению выдающихся результатов в науке. Это осуществилось благодаря его целеустремленной выдающейся личности, недюжинным способностям, познавательным интересам, стойкому характеру и энциклопедической культуре. Развитию этой культуры и взаимодействию с зарубежной наукой способствовала мужественная общественная деятельность С.Л. Рубинштейна (1946б; 1957б) даже в период опалы в идеологически суровое послевоенное время.

15) Посмертный период развития наследия С.Л. Рубинштейна являет собой уникальную организованную им коллективно-распределенную субъектность совместной научной деятельности в психологии. Ибо включает в себя издание трудов, подготовленных к публикации либо самим С.Л. Рубинштейном, например, сборника по экспериментальному изучению мышления (см.: Анцыферова, 1960), статей по психологии способностей (Рубинштейн, 1960; 1973, с. 219–234) и кибернетике (Там же, с. 237–239), о философских основах психологии (Там же, с. 47–66), либо его учениками — как издание книги «Человек и мир» (Рубинштейн, 1973, 1976, 2003), подвижнически восстановленной из его рукописей К.А. Абульхановой-Славской.

По задуманному С.Л. Рубинштейном плану в 1961–1963 гг. вышел ряд книг: М.Г. Ярошевского по истории психофизиологии XIX в., сектором философских проблем психологии, руководимым Е.В. Шороховой, работы по изучению сознания в философии и естествознании, а также сборник по философским проблемам психологии и физиологии высшей нервной деятельности. В русле разработанных С.Л. Рубинштейном стратегий фундаментального изучения истории и теории психологии мышления в 1960-е гг. под его научным руководством защищен ряд кандидатских диссертаций (А.В. Брушлинским, А.М. Матюшкиным, К.А. Славской и др.) и в 1966 г. было издано два капитальных сборника: по отечественным и зарубежным исследованиям психологии мышления. Во второй половине XX — начале XXI в. заложенная С.Л. Рубинштейном традиция инновационной психологии философско-психологического изучения «процессуально-деятельностной субъектности

бытия человека в мире» творчески развивалась как в его научной школе, так и в новых школах учеников и последователей. Заложённые методологические традиции изучения психологической проблематики творчества в философско-педагогическом контексте (Рубинштейн, 1922, 1923) и построения «основ психологии» базируются на его фундаментальных книгах (Рубинштейн 1935; 1940; 1946а), интенсивно и оригинально развиваясь в современном человекознании в ряде теоретических трудов (Абульханова, Семенов, Старовойтенко, 2009; Зинченко, 2011; Богоявленская, Семенов, 1990 Брушлинский, 1999; Петровский, Ярошевский, 1999; Семенов, Степанов, 1988; Чуприкова, 2013 и др.). После С.Л. Рубинштейна эстафету по изучению основ психологической науки продолжили А.А. Смирнов (создав серию «Основы психологии» их четырех томов в 1974-1983 гг.) и член Рубинштейновской школы М.Г. Ярошевский, а также интегрируются в сериях «Научные школы ИП РАН» и «Теория методологии и история психологии», которые издаются в ИП РАН. В современной психологии ее теоретико-методологические основы изучают и разрабатывают ряд ученых в ИП РАН, ПИ РАО, МГУ, СПбГУ, ЯрГУ, НИУ ВШЭ, РАНХГС и других вузах, в том числе последователи Рубинштейновской школы.

3. Профессиональная деятельность С.Л. Рубинштейна и этапы развития его научной школы

В ходе своей полувековой научной деятельности философ-психолог С.Л. Рубинштейн, развивая ее философско-психологическую субъектность, разработал целую палитру исследовательских программ различных уровней (теоретического, экспериментального, прикладного, организационного) и приступил к их реализации. Их осуществление проектировалось и велось им в русле различных экзистенциально-социокультурных стратегий личностного саморазвития и самореализации субъектности творческой жизнедеятельности в современном ему социуме в разных темпах и институциональных условиях. По своему предметному содержанию его научная деятельность была весьма разнообразна, охватывая такие различные, но взаимосвязанные области гуманитарного знания, как: история науки и культуры, методология философии и человекознания, энциклопедизм и библиография знания, теория и экспериментатика психологии, педагогика и дидактика образования. Построение типологии разработанных С.Л. Рубинштейном

экзистенциальных стратегий социального поведения и исследовательских программ научной деятельности предполагает изучение их экзистенциально-индивидуального своеобразия и проблемно-предметного содержания в процессе планирования и реализации научных исследований им самим или с учениками и сотрудниками основанной им научной школы.

Предварительный период возникновения субъектных предпосылок ее создания (в качестве экзистенциально-предметного базиса или своеобразного «нулевого цикла») включает в себя четыре фазы.

Во-первых, это — фаза субъектного формирования творческой амбициозной личности юного С.Л. Рубинштейна в процессе его воспитания (в семье известного адвоката) и обучения в Ришельевской гимназии в г. Одессе и последующего профессионального образования в философской школе неокантианства (Rubinstein, 1914) в университете г. Марбурга.

Вторая фаза — субъектно-профессиональное самоопределение посредством перехода от абстрактного философствования в духе неокантианства (Рубинштейн, 1994) к намётке философско-методологической программы конкретного изучения фундаментальных проблем психологии и педагогики (Рубинштейн, 1922) в контексте преподавания в Новороссийском университете на кафедре философии и психологии и в лаборатории, руководимой патриархом российской психологической науки Н.Н. Ланге.

Третья фаза — историко-методологическое изучение и энциклопедическая систематизация достижений мировой философской и психологической мысли в контексте разработки программы построения научных основ организации библиографического дела в стране во время руководства им научными библиотеками Одессы и позднее Ленинграда в 1920–1930-е гг.

Четвертая фаза — это когда энциклопедическая деятельность С.Л. Рубинштейна послужила теоретическим заделом для проектирования им в Ленинграде в 1930-е гг. дидактической программы преподавания педологии (Рубинштейн, 1931) и психологии в ЛГПИ, а также ассимиляции методологии марксизма (Рубинштейн, 1976, с. 19–46) и с его позиций — теоретического построения «Основ психологии», реализованных в опубликованном С.Л. Рубинштейном в 1935 г. капитальном учебнике. В процессе подготовки этого пособия и на его теоретической базе он развернул на руководимой им кафедре психологии ЛГПИ экспериментальные исследования психолого-педагогического изучения онтогенеза

психических процессов в контексте образования. Это отражено под его редакцией в 18, 34 и 35-м томах «Ученых записок ЛГПИ» (Рубинштейн, 1976, с. 67–89) и стало началом ленинградского периода развития его научной школы (Рубинштейн, 1939) с аспирантами и сотрудниками (А.Г. Комм, А.М. Леушина, А.П. Семенова, М.Н. Шардаков, М.Г. Ярошевский и др.).

В 30-летнем становлении и эволюции этой созданной С.Л. Рубинштейном — долгое время ведущей в нашей стране — психологической школы человекознания нами в предметно-институциональном аспекте дифференцируется семь основных этапов ее поступательного развития.

1) Психолого-педагогический этап (1930–1941), когда С.Л. Рубинштейн (с М.Н. Шардаковым и М.Г. Ярошевским) изучал историю психологии, а на руководимой им кафедре психологии ЛГПИ велись с его сотрудниками и аспирантами (Д.И. Красильщикова, А.Г. Комм, Ф.С. Розенфельд, Е.Е. Сыркина, А.С. Звоницкая, А.Г. Зоргенфрей и др.) исследования онтогенеза психических процессов в контексте педагогики образования (Рубинштейн, 1976, с. 90–134).

2) Военно-психологический этап (1941–1945), когда в начале войны в качестве проректора ЛГПИ он организует научно-преподавательскую деятельность кафедры и участие сотрудников в помощи обороне блокадного Ленинграда и эвакуацию ученых на «большую землю». В тяжелейших условиях военного времени в Москве он создает возглавляемую им (в 1942–1949 гг.) кафедру психологии МГУ. Здесь он обеспечивает дидактическую разработку учебных планов и программ и исследовательскую деятельность ее профессоров и преподавателей (Б.Г. Ананьев, П.Я. Гальперин, Б.В. Зейгарник, А.Н. Леонтьев, А.Р. Лурия, А.А. Смирнов, Б.М. Теплов, М.Г. Ярошевский и др.). В качестве директора (в 1942–1945 гг.) Института психологии при МГУ (ГНИИП) он налаживает его научную деятельность в условиях военного времени (Рубинштейн, 1943) в контексте прикладного изучения военно-психологической проблематики. В 1943 г. С.Л. Рубинштейн участвует в создании АПН РСФСР и интеграции туда в 1944 г. возглавляемого им ГНИИП путем его переподчинения из МГУ и создания в реорганизованном институте психолого-педагогического отдела во главе с А.Н. Леонтьевым. При этом С.Л. Рубинштейн руководил исследованиями своих сотрудников, студентов и аспирантов, что продолжало развитие созданной им научной школы, которая

в 1945 г. расширилась в результате его назначения заместителем директора по науке Института философии АН СССР (ИФАН) и организации им здесь Сектора философских проблем психологии.

3) Психофизиологический этап (1945–1957), когда на кафедре психологии МГУ и в психологическом секторе ИФАН под руководством С.Л. Рубинштейна анализировались (с Л.И. Анцыферовой, Е.А. Будиловой, Н.С. Мансуровым, Е.В. Шороховой М.Г. Ярошевским,) историко-научные и психофизиологические аспекты учений И.М. Сеченова и И.П. Павлова, а также велись исследования когнитивных процессов, в особенности восприятия (Рубинштейн, 1946, 1948, 1957) и сознания с позиций философии диалектического материализма и психологии деятельности (Рубинштейн, 1945, 1945). При этом С.Л. Рубинштейн продолжал вести теоретические исследования, несмотря на кампанию его идеологической травли за «космополитизм».

4) Философско-психологический этап (1957–1960), когда после завершения опалы С.Л. Рубинштейн, вновь заведующий сектором в ИФАН (в МГУ он только числился до 1958 г.), стал публиковать свои фундаментальные онтологические, методологические, логические, психологические труды (Рубинштейн, 1957, 1958, 1958), а также вести теоретико-экспериментальные исследования (см.: Будилова, 1979) сознания и мышления (Рубинштейн, 1958, 1960) с сотрудниками своей научной школы (Л.И. Анцыферова, К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, Д.Б. Богоявленская, Н.С. Мансуров, А.М. Матюшкин, В.Н. Пушкин, Ф.А. Сохин, Е.В. Шорохова, И.С. Якиманская и др.).

5) Общепсихологический этап (1960–1989), когда после кончины С.Л. Рубинштейна в продолжение намеченных им в секторе путей психологического познания в ИФАН (с 1960 г. руководитель Е.В.Шорохова) и ИПАН (с 1972 г.) продолжалось историко-теоретическое изучение мышления, сознания, способностей, личности с позиций деятельностного и личностного подходов (К.А. Абульханова, Л.И. Анцыферова, Т.И. Артемьева, В.Г. Асеев, А.В. Брушлинский Е.А. Будилова, И.И. Чеснокова и др.). При этом интенсифицировались экспериментальные исследования в ИПАН личности и мышления (К.А. Абульханова-Славская, А.В. Брушлинский, Л.И. Анцыферова, Е.А. Будилова, М.И. Воловикова, В.В. Знаков) и в НИИ ОПП творческой самодеятельности (Д.Б. Богоявленская,) и эвристического мышления (В.Н. Пушкин, Д.Н. Завалишина, А.М. Матюшкин). Параллельно, ученик С.Л. Рубинштейна историк

и теоретик психологии М.Г. Ярошевский в созданном им в ИИЕ-иТ АН СССР Секторе проблем научного творчества организовал изучение историко-научных аспектов наследия И.М. Сеченова и науковедческих проблем психологии, а также теоретико-экспериментальное моделирование творческого мышления на материале исследования процессов продуктивного мышления.

6) Субъектно-процессуальный этап (1989–2002), когда в ИП РАН при ближайших учениках С.Л. Рубинштейна — директоре А.В. Брушлинском под его руководством и К.А. Абульхановой с Л.И. Анцыферовой — велось историко-теоретическое и системно-методологическое изучение человекознания, а также психологические исследования способностей, когнитивной организации мышления и развития индивидуальности человека (Т.И. Артемьева, В.Г. Асеев, В.В. Знаков, М.И. Воловикова и др.) с позиций субъектно-деятельностного и экзистенциально-личностного подходов.

7) Комплексный этап (2002–2019), когда в начале XXI в. традиции С.Л. Рубинштейна развиваются в ИП РАН в научных школах его учеников (К.А. Абульхановой, Л.И. Анцыферовой, А.В. Брушлинского, Е.В. Шороховой) и последователей (Т.И. Артемьева, А.В. Барабанщиков, М.И. Воловикова, Д.Н. Завалишина, В.В. Знаков, Е.А. и др.), а в ПИ РАО его ученицей (зав. лабораторией, а затем группой диагностики творчества Д.Б.Богоявленской) во взаимодействии с другими направлениями современной российской психологии. Таким образом, основанная С.Л. Рубинштейном научная школа субъектно-деятельностной психологии (с производными от нее школами, созданными его учениками) является не только одной из самых крупных, но также и наиболее долговременных в психологической науке, как и школа мотивационно-операциональной деятельности А.Н. Леонтьева в МГУ. Соревновательное взаимодействие этих двух — ведущих в XX в. — научных школ советской психологии существенно обогатило психологическое познание восприятия, мышления, рефлексии, сознания, личности с позиций субъектно-деятельностного подхода. Значение идей и трудов С.Л. Рубинштейна состоит в продолжающемся воздействии на развитие современной психологии как в России (Зинченко, 2011; Петровский, Ярошевский, 1999; Семенов, 2018б; 2019а.), так и за рубежом (Носуленко, 2008; Форверг, 1989; Rubinstein, 1963; Mutthaus, 1988; Payne, 1981; Rubinstein, 2007; и др.), став непреходящим достоянием профессиональной культуры психологического сообщества.

4. Значение философско-психологического наследия С.Л. Рубинштейна

Как можно видеть, каждый этап жизненного пути требовал от С.Л. Рубинштейна активного формирования и волевого осуществления скоординированных компонентов психологической системы субъектности его жизнедеятельности в виде: ориентировки в окружающей социокультурной действительности, самоопределения в возникающих конкретных обстоятельствах, культивирования смыслов и ценностей существования, определения и выбора интересов, целеполагания для их осуществления посредством планируемых занятий, разработки критериев для достижения удовлетворяющих результатов самореализации, адаптации жизнедеятельности к запросам социума, переориентировки поведения в изменяющихся условиях, необходимой коррекции выполняемых действий, реализации творческих замыслов посредством профессиональной деятельности, интеграции полученных результатов творческой деятельности в коммуникацию с профессиональным сообществом, стратификации достигнутых научных результатов посредством их реализации исследованиями (собственными и возвращенных им научных школ), информационной презентации, печатной публикации и внедрения в социальную практику.

Теоретико-экспериментальными предпосылками этому послужили результаты фундаментальных и прикладных исследований, проведенных под его непосредственным руководством (Рубинштейн, 1939, 1943; 1945а; 1945б; 1948, 1957а, 1957б; 1958, 1960, 1973/1976) участниками и последователями (Абульханова, Семенов, Старовойтенко, 2009; Анцыферова, 1960; Будилова, 1979; Брушлинский 1999; Семенов, 2019б; Ярошевский, 1957) трех созданных им научных школ: 1) психолого-педагогической (1931–1941) в ЛГПИ (А.Г. Комм, Д. А. Красильщикова, А.М. Леушина, А.П. Семенова, В.Е. Сыркина, М.Н. Шардаков, М.Г. Ярошевский); 2) общепсихологической (1943–1953) в ГНИИП и МГУ (Д.Б. Богоявленская-Туровская, Е.П. Кринчик, А.М. Матюшкин, В.Н. Пушкин, Ф.А. Сохин, И.С. Якиманская, М.Г. Ярошевский); 3) философско-психологической (1947–1960) в ИФ АН СССР (К.А. Абульханова-Славская, Л.И. Анцыферова, В.Г. Асеев, А.В. Брушлинский, Е.А. Будилова, Д.Б. Богоявленская, Н.С. Мансуров, Е.В. Шорохова, М.Г. Ярошевский и др.).

В качестве четвертой, опосредованно созданной С.Л. Рубинштейном, научной школы следует по праву считать возникший на

рубеже XX–XXI вв. благодаря энтузиазму его учеников «невидимый колледж» (по словам науковеда-психолога М.Г. Ярошевского). Он состоит из исследовательских коллективов последователей С.Л. Рубинштейна, творчески развивающих в советской/постсоветской психологии (Семенов, 2018б, 2019б) его идеи о «процессуально-деятельностной субъектности восприятия, мышления, рефлексии сознания, личности, групп, творчества» в различных научных институтах и вузах: 1) в ГНИИП/ПИ РАО (Д.Б. Богоявленская, А.М. Матюшкин, В.Н. Пушкин, И.Н. Семенов, Ф.А. Сохин, И.С. Якиманская и др.), 2) в ИИЕиТ АН СССР (1965–1991) в секторе М.Г. Ярошевского (И.Н. Семенов, А.В. Юревич); 3) в ИФАН (1960–1971) зав.сектором Е.В. Шороховой; 4) в ИПАН (1972–1991) зав.лабораторией Л.И. Анцыферовой, а с 1989 г. во главе с А.В. Брушлинским; 5) в РАГС (1992–2002) под руководством К.А. Абульхановой (В.С. Агапов, В.Г. Асеев, И.Н. Семенов); 6) в НИУ ВШЭ (2002–2012) во главе с К.А. Абульхановой (В.С. Агапов, И.Н. Семенов, Е.Б. Старовойтенко); 7) в ИП РАН (1992–2019) под руководством А.В. Брушлинского до 2002 г., а с 2002 г. — А.Л. Журавлева и К.А. Абульхановой (Л.И. Анцыферова, Т.И. Артемьева, А.В. Барабанщиков, М.И. Воловикова, Д.Н. Завалишина, В.В. Знаков, В.А. Кольцова, В.Н. Носуленко, И.И. Чеснокова и др.).

Итак, заложенные С.Л. Рубинштейном в этих школах философско-психологические традиции развиваются ныне в таких передовых институциях современной психологии, как: ИП РАН, ПИ РАО, РАГС, НИУ ВШЭ, ЯрГУ, а также в других российских (см.: Абульханова, Семенов, Старовойтенко, 2009; Богоявленская, Семенов, 1990; Дюков, Семенов, Шайхутдинова, 2010; Семенов, 2009б, 2019а; 2019б и др.) и в зарубежных (Брушлинский, 1999; Носуленко, 2008; Сироткина, 1996; Пауне, 1968; Rubinstein aujourd'hui, 2007; Semenov, 1989) лабораториях и вузах.

Важно подчеркнуть, что собственно научное познание С.Л. Рубинштейном человекознания началось с его интереса к проблемам психологии творчества и одаренности в контексте критического анализа подхода П.Наторпа (Наторп 2006) философских основ педагогики (Рубинштейн, 1922, 1923, 1960). Эта донныне актуальная проблематика постоянно обсуждается (Д.Б. Богоявленская, Л.И. Ларионова, А.М. Матюшкин, А.В. Савенков, Д.В. Ушаков, В.Д. Шадриков и др.) и изучается в современной гуманитарной науке (Абульханова, Семенов, Старовойтенко, 2009; Арсеньев, 1993; Богоявленская 2018., Семенов, 1990; Семенов, 2014б, 2019а и др.). В экзистенциально-персоналогическом плане глубоко символич-

но, что первые и последние психологические публикации С.Л. Рубинштейна (Рубинштейн, 1922; 1923; 1960; 1973/1976) были посвящены им субъектной проблематике способностей и одаренности человека, его творчеству и свободе бытия в мире. Директором ИП РАН начала XXI в. А.В. Брушлинским установлено, что фундаментальный труд С.Л. Рубинштейна «Основы общей психологии» (1946а, 1989) является самой читаемой в XX в. психологической книгой, а его творческие идеи живут и развиваются в современном человекознании.

ЛИТЕРАТУРА

Абульханова К.А., Семенов И.Н., Старовойтенко Е.Б. Психология индивидуальности: новые модели и концепции / под ред. Е.Б. Старовойтенко, В.Д. Шадрикова. М.: МПСУ. 2009

Богоявленская Д.Б., Богоявленская М.Е. Одаренность: природа и диагностика. М.: Образование личности. 2018.240с.

Богоявленская Д.Б., Пономарев Я.А., Семенов И.Н. Психология творчества: общая, дифференциальная, прикладная / отв. ред. Я.А. Пономарев. М.: Наука, 1990.

Наторп П. Философия как основа педагогики / предисл. Г. Шпета // Наторп П. Избранные работы / [сост. В.А. Куренной]. М.: Территория будущего, 2006.

Некрасов П.А. Философия и логика науки о массовых проявлениях человеческой деятельности. М.: Мат. о-во, состоящее при Имп. Моск. ун-те, 1902.

Петровский А.В., Ярошевский М.Г. Основы теоретической психологии. М.: Флинта-М. 1999.

Психолого-педагогические аспекты развития творчества и рефлексии / отв. ред. Я.А. Пономарев, И.Н. Семенов, С.Ю. Степанов. М. Философское общество, 1988.

Рубинштейн С.Л. Принцип творческой самодеятельности (К философским основам современной педагогики) // Ученые записки высшей школы Одессы. 1922. Т.2. С. 148–154.

Рубинштейн С.Л. Современное состояние и очередные задачи научной библиографии в СССР. М.: Гос. центр. книжная палата РСФСР, 1930.

Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии в трудах Карла Маркса // Советская психотехника. 1934. Т. УП. №1. С.3-21.

Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. М. Гос. учебно-пед. изд-во Наркомпроса РСФСР, 1940.

Рубинштейн С. Л. Проблема деятельности и сознания в системе советской психологии // Ученые записки МГУ. Вып. 90: Движение и деятельность / отв. ред. С.Л. Рубинштейн. М.: МГУ, 1945-а. С. 6-23

Рубинштейн С.Л. Проблемы психологии восприятия () // Исследования по психологии восприятия / отв. ред. С.Л. Рубинштейн. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948 С. 3–22.

Рубинштейн С.Л. Принцип детерминизма и психологическая теория мышления. Тезисы доклада к 15-му Международному конгрессу по психологии (Брюссель, 1957). М., 1957б. (на фр. яз.)

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. М.: Изд-во АН СССР, 1957.

Рубинштейн С.Л. О мышлении и путях его исследования. М.: Наука, 1958.

Рубинштейн С.Л. Принципы и пути развития психологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

Рубинштейн С.Л. Проблема способностей и вопросы психологической теории. // Вопросы психологии. 1960. № 3. С. 3—15.

Рубинштейн С.Л. Дневники. О философии и философе: Автобиографический портрет ученого // С.Л. Рубинштейн. Бытие и сознание. Человек и мир. Дневники. М.; СПб.: Питер, 2003. С. 482–488.

Семенов И.Н. Опыт деятельностного подхода к экспериментально-психологическому исследованию мышления на материале решения творческих задач // Методологические проблемы исследования деятельности. Эргономика. Вып. 10 / под ред. А.Н. Леонтьева, В.М. Мунипова, Э.Г. Юдина. М.: ВНИИТЭ, 1976. С. 148–188.

Семенов И.Н. С.Л. Рубинштейн известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия житнетворчества // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2009а. Т. 6, № 3. С. 63–89.

Семенов И.Н. Этапы, методология и направления исследований рефлексии в Психологическом институте на Моховой // Мир психологии. 2012. № 4. С. 261–275

Семенов И.Н. Системодетельностная методология и рефлексивная психология мышления. Монография. М.: Аналитика Родис, 2014в. 55

Семенов И.Н. Социокультурная рефлексия столетнего развития российской психологической науки: К 100-летию советской психологии (1918–2018) // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2018б. № 4. С. 4–31.

Семенов И.Н. Первопроходческая роль Е.А. Будиловой в реализации исследовательских программ С.Л. Рубинштейна и методологические проблемы периодизации российской (дореволюционной/советской/постсоветской) психологии // Историческая преемственность и перспективы психологии. М.: ИП РАН, 2019б. С. 47–67.

Сироткина И.Е. Наука о человеке в исторической перспективе: диалог между Россией и Западом вокруг работ М.М. Бахтина, Л.С. Выготского и С.Л. Рубинштейна // Психологический журнал. 1996. № 2.

Форверг М. Индивидуализация личности // Применение концепции С.Л. Рубинштейна в разработке вопросов общей психологии. М.: Наука, 1989. С. 176–191.

Rayne T.R.S. S.L. Rubinshtein and philosophical foundation of Soviet Psychology. Dordrecht-Holland: D. Reidel publishing company; N.Y.: Humanities Press, 1968.

Rubinstein S. Eine Studie zum Problem der Methode. Marburg, 1914.

Сноска: Под этапами автор не всегда подразумевает сменяющие друг друга периоды деятельности, но ее направленность и протяженность по всей жизни (педагогическую и исследовательскую разделить невозможно). Примечание редактора.

Проблема данности субъекта психического отражения самому себе и концепция С.Л. Рубинштейна

Алексей Юрьевич Шеманов

ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, доктор философских наук, профессор
кафедры специальной психологии и реабилитологии факультета
клинической и специальной психологии.
E-mail: ajshem@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема данности субъекта психического отражения самому себе на материале двух работ С.Л. Рубинштейна разного времени написания: «О философской системе Германа Когена» и «Бытие и сознание». В качестве контекста рассмотрения берется введенное Д. Чалмерсом различие феноменального и функционального психического. Обсуждается предположение, что субъект психического отражения дан самому себе не только в рефлексивной деятельности мышления, но и непосредственно в созерцании как переживание переживания, что отсылает также к концепциям «зрения зрения» у Аристотеля и к различию имманентно и трансцендентно направленных интенциональных актов у Э. Гуссерля. Последняя концепция обсуждается в связи с ее критикой Л.С. Черняком и его понятием «созерцание созерцания». Рассматривается данность человеку своей свободы как ее конституирующий принцип и делается вывод о возможной продуктивности такого рассмотрения для понимания феноменов культуры в контексте психологии.

Ключевые слова: феноменальное, функциональное, психическое, отражение, созерцание, переживание, субъект.

The problem of givenness of the subject of mental reflection to himself and the concept of S.L. Rubinstein

*Shemanov A. Yu., Moscow State University of Psychology and Education, Moscow
Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Special Psychology and
Rehabilitation of the Faculty of Clinical and Special Psychology*

Abstract. The article considers the problem of the givenness of the subject of mental reflection to himself on the material of two works written by S.L. Rubinstein at different time: "On the philosophical system of Herman Cohen" and "Being and Consciousness". As a context of consideration, we take the distinction introduced by D. Chalmers between the phenomenal and functional mental. The assumption is discussed that the subject of mental reflection is given to himself not only in the reflective activity of thinking, but also directly in contemplation as an experience of experiencing, which also refers to the concepts of "vision of vision" by Aristotle and to the difference inherently and transcendently directed intentional acts by E. Husserl. The latter concept is discussed in connection with its criticism of L.S. Chernyak and his concept

of “contemplation of contemplation. “The givenness to human of his freedom is considered as its constitutive principle and the conclusion is drawn about the possible productivity of such a consideration for understanding cultural phenomena in the context of psychology,

Keywords: phenomenal and functional mental, mental reflection, contemplation, experience, subject, givenness subject.

Введение

Интересующую меня здесь проблемную зону темы субъектности в связи с пониманием субъекта С.Л. Рубинштейном представляется возможным охарактеризовать с двух сторон, позволяющих осветить одну из существенных развилки в современных психологических исследованиях.

Первый аспект можно проиллюстрировать следующей цитатой, взятой из статьи Н.А. Польской, посвященной самоповреждающему поведению у молодежи: «Современные зарубежные исследования направлены на *определение причин и описание механизмов* формирования подобного поведения» (Польская, 2010, с. 92; выделено нами. — А.Ш.). Данное утверждение согласуется со вторым значением психического (ментального), предложенным философом Д. Чалмерсом, который ввел различие психического как феноменального, т.е. как способности человека чувствовать, или переживать себя и свое иное, и психического как функционального, или психологического, раскрываемого как объясняющий поведение психический механизм. Это различие и станет для меня отправным пунктом в рамках настоящего размышления. В случае психологического (функционального) понимания психического нас интересует не самый *факт чувствования, переживания* (себя или чего-то другого), а *каузальная основа* поведения индивида, т.е. психологическое психическое играет роль в каузальном порождении поведения и, соответственно, в его объяснении (Чалмерс, 2015, с. 28–29).

Исходя из такого двухаспектного понимания психического, предлагаемого Чалмерсом, по-видимому, можно попытаться предположить, что оно отражает имплицитруемые этим пониманием два проявления субъектности, т.е. способности быть субъектом.

Вторая сторона интересующей меня проблемной зоны субъектности выявляется в одной недавней работе, посвященной анализу практик самоповреждения, показывает такую форму модификации собственного тела, которая использует как материал для этого собственный глаз. Один из тезисов авторов статьи за-

ключается в том, что к этому феномену недостаточно подойти с обозначенной выше функциональной точки зрения, ставя вопросы о психологических *механизмах и детерминантах* подобного поведения. Чтобы его адекватно понять, необходимо осознать, что перед нами артефакт определенной эстетики — *эстетики откровенного* и у него есть вполне ясная и *сознательно принимаемая и реализуемая эстетическая задача* (Литинская, Романова, 2017). И эта задача, насколько она является эстетической, не может быть проявлением расстройства личности или невроза, хотя само их наличие у конкретного индивида, конечно, не исключено; она есть свободный ответ на ситуацию современной культуры и общества. Эстетическим ответом личности, реализующей выбор из возможностей, предоставляемых и закрываемых этой культурой для конкретной личности в ее ситуации. И в консультативной практике психологу, видимо, надо это учитывать наряду с детерминирующими факторами, а не игнорировать. В этом контексте возникает следующий вопрос: а как человек встречается со своей свободой, как он ее способен переживать в качестве наличной для него и достоверной? И второй вопрос: в каких наблюдаемых феноменах эта встреча может быть представлена?

Выше я сослался на различие феноменального и функционального (психологического) аспектов психического (ментального) в философии сознания Д. Чалмерса. Но вообще-то, по видимому, этот феноменальный аспект психического был замечен еще Аристотелем, когда он говорит о том, что зрением мы должны воспринимать само зрение («О душе», книга 3, глава 2). Т.е. о том, что переживаемое нами восприятие имеет внутренне рефлексивный аспект: в переживании нам дан и переживаемый предмет, и само переживание этого предмета.

«Так как мы воспринимаем, что мы видим и слышим, то необходимо воспринимать либо зрением, что оно видит, либо другим чувством. Если зрением, то оно должно воспринимать и зрение, и его предмет — цвет. Так что или будут два чувства для восприятия одного и того же, или зрение будет воспринимать само себя. Далее, если чувство, воспринимающее зрение, было бы другим, а не самим зрением, то или [этот ряд восприятий] уходил бы в бесконечность, или какое-нибудь чувство воспринимало бы само себя, так что следовало бы признать это за первым чувством» (Аристотель, 1976, с. 425).

По Аристотелю, даже когда душа ничего не видит во тьме, она видит это *самим же своим зрением*: «...восприятие зрением не

однозначно: ведь когда мы и ничего не видим перед собой, мы все же различаем зрением тьму и свет, но только другим способом...» (Там же).

В трансцендентальной феноменологии Э. Гуссерля предмет чувств понимается как интенциональный коррелят акта восприятия. Причем Гуссерль говорит также об имманентно и трансцендентно направленных актах восприятия, которые оба при этом, согласно Гуссерлю, принадлежат тому же самому потоку переживаний (Гуссерль, 1999, с. 84); последний же, по его мысли, имеет не эмпирическую, а трансцендентальную природу, т.е. остается нетронутым после процедуры феноменологической *эпохэ*. Гуссерль таким способом реализовывал задачу трансцендентализма понять переживаемую данность предмета как такую, ответственность за которую берет на себя сам мыслящий субъект.

Подобную задачу в рамках трансцендентального подхода решали в то же самое время и неокантианцы марбургской школы, главой которой был во времена учебы в Марбурге С.Л. Рубинштейн Герман Коген. С.Л. Рубинштейн писал сразу после этой своей учебы в работе о философии Г. Когена: «...в трансцендентальном методе положения мысли обосновываются как предположения бытия; они обосновываются тем, что они суть необходимые его предпосылки» (Рубинштейн [Эл. ресурс]).

Как бы ни трактовать эти слова, из них следует взаимообусловленность мысли и бытия, т.е. бытие дается мысли не безотносительно определяемых мыслью *условий* данности. Более подробно о том, как Коген (в изложении С.Л. Рубинштейна) решал эту проблему обусловленности данности мыслящим субъектом, речь будет ниже.

В своих имманентно направленных актах воспринимающее сознание выступает, по Гуссерлю, внутренне рефлексивным. Т.е. речь идет не о *внешней* рефлексии мысленного акта мыслящим после совершения им этого акта, а о внутренней рефлексивности самого чувства, самого восприятия. Эта внутренняя рефлексивность, по Гуссерлю, непосредственна, т.е. принадлежит тому же потоку переживания, что и трансцендентно направленный акт. Таким образом, имманентно направленный акт является непосредственным созерцанием трансцендентно направленного акта, а не его мысленной рефлексией, не его мысленным опосредствованием с помощью понятий. Иначе говоря, он является *созерцанием* этого акта, его сопровождающим, а поскольку он имманентно направлен, то он является *созерцанием созерцания, видением*

видения, как обозначает это Л.С. Черняк. В этом отношении самого субъекта в качестве носителя психической деятельности можно определить не только как самонаправленное, но как самоданное бытие. Если восприятие является открытостью субъекта на иное, на чистое воспринимаемое, то имманентно направленный акт воспринимает самый воспринимающий акт субъекта, т.е. открывает такому субъекту его собственную открытость (Черняк, 2014, с. 169–183).

Итак, возникает следующий вопрос: как возможно некое видение видения или созерцание созерцания, т.е. чистый, не требующий обусловленности случайными эмпирическими условиями своей возможности и потому необходимый акт самоданности созерцания его субъекту?

Может выглядеть парадоксом эта не зависящая от эмпирических условий данность субъекту иного. Если это *чистая* данность, то она принадлежит лишь *субъекту*, но тогда что такое чистая данность *иного*? По-видимому, то в любой данности, что составляет субъектную сторону в самой *встрече* с внешним ему иным, в *созерцании* любого иного. Говоря о субъектной стороне самой встречи с иным, я подчеркиваю не то, что она нацело определяется субъектом, а то, что она присутствует лишь в самой этой встрече как ее чистая, или априорная, сторона. О чистом созерцании построил свое учение в трансцендентальной эстетике И. Кант. Формами такого чистого созерцания у него выступили пространство и время соответственно для внешнего и внутреннего чувства, а само наличие чистого созерцания является, по Канту, основанием возможности математики как науки, т.е. возможности в ее рамках выносить аподиктические синтетические суждения о своих предметах на основе чистого, априорного синтеза (Кант, 1965, с. 95–111).

Л.С. Черняк в своей книге «Вечность и время. Возвращение забытой темы» (2014) показывает, что Гуссерлю на протяжении всей его работы не удастся последовательно различить имманентно и трансцендентно направленные акты субъекта и потому полностью преодолеть преследовавший его психологизм и заключенный в нем натурализм данности, хотя пафос уже его «Логических исследований» состоял в анти-психологизме (Черняк, 2014, с. 169–183). Но так или иначе, вслед за Аристотелем, о феномене, аналогичном внутренней, имманентной данности переживания самому переживающему субъекту, уже в XX в. говорил также и Гуссерль.

Итак, вернемся к проблеме, которая была поднята в самом начале статьи, а именно — к ответу на вопрос о том, в каких феноменах может быть представлена встреча человека со своей свободой, т.е. тогда, когда он выступает как целостный, осознанно действующий человек, а не как совокупность управляющих им механизмов.

Целью данной работы и является попытка наметить некоторые методологические подходы к постановке этой проблемы. При этом, говоря о данности человеку самого себя как субъекта, представляется важным обсудить саму проблему данности, как она ставилась в нашей психологии, и выяснить в том числе, насколько упомянутое выше введенное Чалмерсом различие феноменального и функционального психического и соответствующих им аспектов субъектности человека способно помочь хотя бы в постановке данного вопроса. Причем выше я уже переформулировал смысл этого различия, который был представлен через различие в самой данности, т.е. в самой феноменальности, — как различие переживания *чего-то* и самого *переживания*, данности *иного* и *себя* как *внутреннего условия* и *адресата* этой данности.

При продумывании этих вопросов, мне кажется, нельзя обойти то понимание субъекта, которое было сформировано С.Л. Рубинштейном.

Сознание как результат деятельности опосредствования данности

У С.Л. Рубинштейна *сознание* понимается в рамках концепции деятельности. И непосредственное переживание для субъекта всего лишь начальный этап становления сознания как знания субъекта о том, что *вне* него. В работе «Бытие и сознание», поставив задачу определения места «психического во всеобщей взаимосвязи явлений материального мира» (Рубинштейн, 2017, с. 198), он тут же замечает:

«Основным способом существования психического является его существование в качестве процесса, в качестве деятельности. Это положение непосредственно связано с рефлекторным пониманием психической деятельности, с утверждением, что психические явления возникают и существуют лишь в процессе непрерывного взаимодействия индивида с окружающим его миром, прекращающегося потока воздействий внешнего мира на индивида и его ответных действий, причем каждое действие обусловлено внутренними условиями, сложившимися у данного индивида в зависимости от внешних воздействий, определивших его историю.

В соответствии с этим исходная задача психологического исследования — изучение психических процессов, психической деятельности» (Там же).

Сознание есть результат становления у человека процесса *познания и осознания мира*. «Само сознание существует лишь как процесс и результат осознания мира человеком. За проблемой бытия и сознания раскрывается проблема бытия, сущего и человека, его познающего и осознающего» (из раздела «От автора» в книге С.Л. Рубинштейна «Человек и мир» (1997)). И все же, принимая такое понимание сознания как отношения к миру *со знанием*, важно отметить, что в нем остается неустранимым момент *непосредственной* рефлексивности, ибо это *отношение* к тому, что *вне* субъекта, а иметь отношение к тому, что *вне*, можно лишь тогда, когда внешнее осознается как *внешнее*, т.е. когда вместе с ним субъект воспринимает также и само свое *отношение* с тем, что *вне* него, а не только сам внешний *предмет* (Черняк, 2014, с. 170). Отношение начинается со встречи с тем, что *вне* субъекта, а потому и *со встречи субъекта с самим собой* как с *границей* этого внешнего. Встреча поэтому всегда несет момент этой *непосредственной рефлексивности* (Там же, с. 169–183).

И вот здесь, мне кажется, возникает вопрос о понимании субъекта С.Л. Рубинштейном. Есть ли в его концепции место для такой внутренне рефлексивной субъектности самопереживания? Причем не на уровне понятийного *опосредствования* переживания субъектом, не на уровне опосредствующей деятельности как принадлежащей *только субъекту*, а на уровне самого же *переживания*, т.е. непосредственно в самой созерцании, в самой *встрече* и с иным, и с собой как *со стороны самой этой встречи*, присутствующей именно в *неразложимый момент встречи*, в *единице переживания*, как сказал бы Л.С. Выготский.

В цитированном отрывке С.Л. Рубинштейн говорит о рефлексорном понимании психического — следовательно, речь идет об отражении, но не о чисто физическом (как лучи от поверхности) и не о чисто физиологическом (как коленный рефлекс), а о психическом, т.е. переживаемом самим субъектом. Далее возникает вопрос: в чем специфика психического отражения? Не в том ли, что субъект переживает и то, что он отражает в психическом отражении, и само отражение как акт субъекта, обеспечивающий внутренние условия отражения? В приведенном отрывке С.Л. Рубинштейн не говорит прямо о самоданности субъекта в психическом отражении, он здесь говорит только о непрерывности от-

ражаемого субъектом потока его взаимодействий с внешним миром и об опосредованности, обусловленности ответных действий субъекта на воздействия внешнего мира внутренними условиями субъекта. Но что значит «внутренние условия»? Каковы они? В чем их специфика в случае психического отражения? Отличие бесцветного стекла от полоски металлического серебра по способности пропускать и отражать видимый свет тоже обусловлено различием внутренних свойств («внутренних условий») этих материалов как «субъектов» отражения. В чем тут отличие? Не в том ли, что для этих «субъектов» отражения не дан *внутренний* характер условий отражения, т.е. в том, что они *не переживают* себя как его условия?

Далее С.Л. Рубинштейн различает процесс и деятельность, причем деятельность органа и деятельность индивида как субъекта. Он пишет:

«При восприятии результат его — образ предмета — выступает в сознании человека при определенных условиях видимым образом как бы вне процесса, поскольку последний не осознается. В этом случае психологическое исследование должно, меняя условия протекания процесса (создавая затрудненные условия познания предмета, обращаясь к начальным этапам формирования восприятия), все же выявить процесс восприятия — чувственный (например, зрительный) анализ, синтез выделенных анализом сторон, обобщение, интерпретацию, — словом, весь психический состав процесса восприятия» (Рубинштейн, 2017, с. 198).

В качестве психолога С.Л. Рубинштейна здесь интересует образ предмета как результат сложного психологического процесса восприятия, которое в условиях затруднения его осуществления может приводить к искажению или распаду образа и т.п. Но вместе с тем, как было сказано выше, психический характер этих процессов отражения означает, что каждый из них в любое мгновение протекания неким образом переживается, и для факта самого переживания неважно, переживается ли конечный результат процесса или, при некоторых затрудненных условиях, отдельные его этапы. Однако самого С.Л. Рубинштейна, по-видимому, не интересует этот простой факт переживания, он не останавливается на факте психической данности, она интересна для него лишь, когда ее можно понять как результат процесса.

Вновь возникает вопрос: что может означать, переживание субъектом в каждое мгновение результата своего восприятия как *свое* восприятие, в смысле — как им *переживаемое*? Т.е. опять тот

же вопрос о самоданности субъекта самому себе. Можно ли сказать, что психический процесс восприятия, хотя и является процессом, в котором его результат — образ предмета — опосредствован целым рядом составляющих его процессов, вместе с тем остается также и в каждом своем моменте внутренне рефлексивным, т.е. рефлексивным имманентно, *непосредственно самоданным*?

Чтобы подойти к тому, какой ответ С.Л. Рубинштейна на вопрос о данности как таковой естественно ожидать, исходя из истории его формирования как мыслителя, представляется полезным обратиться к его ранней философской работе, опубликованной по находящейся в его архиве рукописи (хранится в Отделе рукописей РГБ: Ф. 642. 18.12), посвященной изложению концепции лидера марбургской школы неокантианства Германа Когена (Рубинштейн [Эл. ресурс]). Здесь мы можем найти систему взаимосвязанных положений, которые способны прояснить не только взгляд Когена на этот вопрос, но и философский бэкграунд самого С.Л. Рубинштейна, который нельзя не учитывать при интерпретации его последующих исследований.

Проблема данности в работе С.Л. Рубинштейна о философии Г. Когена

Почти в самом начале работы мы обнаруживаем своего рода философское кредо, заявленное в такой форме, что ясно — С.Л. Рубинштейн его разделял:

«В основе философии критицизма лежит мотив, обнаружившийся в самой постановке проблемы познания: критическое требование проверить право и компетенцию мысли. Это требование критичности, которое, будучи обязательно для всякой философской концепции и в этой общей своей формулировке для всякой философской концепции приемлемо, всегда с особой силой подымается как требование критичности, обоснованности — словом, научности философии в решающие поворотные эпохи философской мысли, когда закладываются новые ее основы и определяется направление ее дальнейшего развития, — в такие эпохи, как сократо-платоновская эпоха в греческой философии, декарто-кантовская — в философии новой. Это тот постулат критичности, который Платон формулирует как требование λόγονδιδόναι — отдать отчет: отчет нужно отдать в каждом положении мысли, в каждом определении бытия. На заре новой философии Декарт, открывая тем новую эру в истории мысли, с новой силой провозглашает этот постулат как принцип, который по аналогии с принци-

пом автономии практического разума, провозглашенным Кантом, можно назвать принципом автономности разума теоретического» (Рубинштейн [Эл. ресурс]).

И далее: «Мысль не приемлет ничего гетерономного. Все должно подвергаться предварительной *inspection de l'esprit*, и право на бытие сохраняет лишь то, что, подвергнувшись этому испытанию, может устоять перед ее *dubitatio*» (Там же).

Отсюда как вывод следует отношение так понятого критицизма к данности, по всей вероятности, разделяемое и Рубинштейном:

«И потому с непреодолимой силой и естественной необходимостью возникает из самого критицизма потребность **освободиться от данности** — от данности чувственности, от данности в ее основном *residuum*е – вещи в себе и, наконец, или, вернее, прежде всего, от данности в недрах самой мысли — от данности категорий. **Борьба против этой данности — общий лозунг и общая задача главного русла посткантовской критической философии**» (Там же; выделено нами. — А.Ш.).

В философии Г. Когена это требование освобождения от данности реализуется таким образом, что мысль предстает не субъективным состоянием мыслящего индивида, а принципом, т.е. порождающим началом самого бытия. Тогда отдание мыслью своего собственного отчета в самой себе становится *познанием* как *созданием* бытия. Это понимание разворачивается в ряде построений.

«Познание имеется тогда, когда бытие постигается мыслью, т.е. когда некоторое содержание бытия становится содержанием мысли. Значит, мысль есть познание, когда ее содержание есть вместе с тем содержание бытия. Исходя из этого определения познания, можно установить необходимые и достаточные предпосылки, для того чтобы мысль была познанием. Для того чтобы содержание мысли было познанием, необходимо и достаточно, чтобы оно собственным своим содержанием **включало себя** в содержание того предмета, определением которого оно служит... Но мысль, включая себя в предмет, входит в состав, в построение его содержания, и оно, значит, **мысли не только дается, но и мыслью создается**» (Там же; выделено нами. — А.Ш.).

В этом рассуждении видно, что борьба с данностью в понимании Когена и С.Л. Рубинштейна не означает ее полное устранение, о чем у него еще будет речь ниже. Какого рода понимание данности вступает в противоречие с заявленным выше принципом

критицизма как необходимым для всякой философии, ясно из нижеследующего.

«Материализм совершил уже свое опустошительное шествие, и на смену ему приходит другая, более утонченная **форма натурализма — так называемый психологизм**» (Там же; выделено нами. — А.Ш.).

Итак, речь идет о данности, понимаемой натуралистически, и именно ее разновидностью выступает для философа психологизм. Это, по-видимому, означает, что любая психологическая данность не может браться в ее *непосредственности* как сама о себе свидетельствующая самодостаточная данность, действительность. Далее Рубинштейн вообще считает нужным оговорить, что мысль — не внешнее для предмета состояние субъекта мысли.

«...Опасность заключается в том, что этим термином (порождение. — А.Ш.) возбуждается представление о каком-то акте, которым **содержание мысли порождается вне его стоящей мыслью**. Эта **опасность** должна быть устранена. <...> “Порождение само есть порождаемое, действительность сама есть содержанием”. <...> Порождение должно означать не конструирование содержания мысли каким-либо внешним ему актом мысли, а лишь конструктивность самого содержания мысли» (Там же; кавычки внутри обозначают здесь в тексте Рубинштейна цитату из Г. Когена; выделено нами. — А.Ш.).

Итак, мысль о сущем и само сущее едины, а именно таким образом, что мысль выступает порождающим началом бытия, его принципом. Что же происходит с данностью? Можно ли сказать, что она полностью изгоняется из системы Когена, которую излагает С.Л. Рубинштейн? Уже из цитированного выше рассуждения видно, что данность некоторым образом все же удерживается, хотя отрицается такое ее понимание, которое называется натуралистическим, в том числе и такая его разновидность, как психологизм.

О том, что данность снимается не вообще, а как внешняя мысль, т.е. независимая от нее, мы находим далее, где Рубинштейн, продолжая излагать Когена, обращается к трансцендентальному методу.

«...В трансцендентальном методе положения мысли обосновываются как предположения бытия; они обосновываются тем, что они суть необходимые его предпосылки. Но тем самым между мыслью и бытием устанавливается отношение, которое выходит за пределы до сих пор установленного, отношения между мыслью

и бытием, в котором **бытие было** только зависимым членом и **производной функцией мысли**. Это первое отношение дополняется теперь другим, **отношение между бытием и мыслью становится двусторонним** (...). <...> ...Трансцендентальный метод **по самой своей конструкции, исходящей из некоторой данности**, чтобы определить условия ее возможности, **предполагает тем самым таковую**. Таким образом, для того чтобы этот метод был возможен и правомерен и, значит, для того чтобы идея могла конципироваться как гипотезис, **данность**, казалось совсем уничтоженная, **должна быть** в каком-нибудь смысле **легитимирована** и в какой-либо форме **сохранена**» (Там же; выделено нами. — А.Ш.).

В этом фрагменте стоит подчеркнуть, в чем усматривает излагающий Когена Рубинштейн **суть трансцендентального метода**. В его основе два момента: первый — важность того, что бытие предположено мысли, второй состоит в том, что эта предположенность бытия обосновывается самой же мыслью, т.е. ее собственные положения обосновываются как предположения бытия. В итоге мы видим, что данность, т.е. бытие как данное, или предположенное, сохраняется лишь как **определяемое** мыслью, как **полагаемое** ею, как тот *x*. который будет определяться в процессе познания, т.е. построения бытия мыслью, то бытие, которое является бесконечной проблемой познающей его мысли.

«...Если мы обозначим элемент мысли буквой *A*, то предвидится уже возможность открыть его *Ursprung* и, значит, обосновать или оправдать его. Адекватным для него обозначением может быть лишь *x* — обозначение, которым математик пользуется для искомого и, как известно, Кант пользовался для обозначения предмета как единства, построенного мыслью. “Этот знак обозначает не **неопределенность**, а **определяемость** (*Bestimmbarkeit*). И он поэтому равнозначен с истинным значением данности”. <...> Можно считать, что отрицанием данности бытия **отрицается лишь данность понятия** как некоторого законченного преднаходимого определения бытия. **Отрицание данности отвергается отождествлением бытия с каким-нибудь конечным комплексом понятий, определений, содержаний, в которых бытие в том или другом частном случае дано**. Бытие не может быть в них замкнуто и заключено. Никакой конечный комплекс не может исчерпать **бытие**; бытие остается **бесконечной проблемой**» (Там же; выделено Рубинштейном, кавычки внутри означают цитату из Когена. — А.Ш.).

Как представляется, в цитированном выше анализе восприятия С.Л. Рубинштейн в его уже поздней работе «Бытие и сознание» демонстрирует, как, казалось бы, непосредственная психологическая данность — образ как результат восприятия — возникает в процессе деятельности, т.е. обусловленного внутренними условиями процесса. Этот процесс, по-видимому, можно соотнести с той принадлежащей бытию мыслью как осмысленным *принципом* созидания бытия, о котором говорит С.Л. Рубинштейн, излагая Г. Когена.

«**Порождение** должно означать не конструирование содержания мысли каким-либо внешним ему актом мысли, а лишь **конструктивность** самого **содержания мысли**» (Там же; выделено нами. — А.Ш.).

Следует здесь заметить, что позиция С.Л. Рубинштейна относительно единства мысли и бытия как ее содержания в его поздних работах формулируется в достаточно близких выражениях. Вот как Рубинштейн выражает идею единства мысли и ее содержания на позднем этапе своего творчества:

«В мышлении ничего нельзя понять, если рассматривать его сначала как чисто субъективную деятельность и затем вторично соотносить с бытием; в мышлении ничего нельзя понять, если не рассматривать его изначально как **познание бытия**. ...Мышление есть **деятельность субъекта** и вместе с тем **отражение бытия**» (Рубинштейн, 2017, с. 103; выделено нами. — А.Ш.).

Для того чтобы понять смысл этой идеи единства бытия и мышления, как мне представляется, необходимо учесть, что, формулируя свободу и осознание человеком себя в качестве субъекта как результат опосредствующей этот процесс его деятельности, в которой он становится субъектом, Рубинштейн полагает саму свободу и так понимаемую субъектность как этический идеал этой деятельности, т.е. как должное, каждый раз реализуемое в поступках, но никогда не как *налично данное*. Это видно, как мне представляется, из следующего фрагмента:

«Становление сознания связано со становлением новой формы бытия — бытия человеческого — новой формы жизни, *субъект которой способен, выходя за пределы своего собственного одиночного существования, отдавать себе отчет в своем отношении к миру, к другим людям, подчинять свою жизнь обязанностям, нести ответственность за все содеянное и все упущенное, ставить перед собою задачи и, не ограничиваясь приспособлением к наличным ус-*

ловиям жизни, изменять мир — словом, жить так, как живет человек и никто другой» (Там же, с. 210; выделено нами. — А.Ш.).

Здесь обращает на себя внимание несовершенный вид употребленных в отрывке глаголов, рисующих особенность человеческого бытия, что подчеркивает процессуальный, незавершенный характер действия. Этот пассаж можно сопоставить с фрагментами текста его ранней работы о Г. Когене, где он анализирует этическую концепцию этого философа.

«Центральная проблема этой (когеновской. — А.Ш.) Этики — человек. Всем своим идейным содержанием, всей системой понятий и принципов, которые этика разворачивает, она отвечает на один вопрос, на сократовский вопрос: что такое человек? И она вскрывает тот мир идей, то идейное содержание, которое конституирует человека... Я как этический субъект определяюсь в своих действиях законом, и, определяясь законом, я свободен, потому что закон этот выражает то, что во мне я сам... Нравственное законодательство не есть продукт или проявление “самости” (das Selbst); оно впервые определяет содержание этого последнего. Они тождественны. Этическое содержание закона — оно и есть этическое содержание субъекта; им и в нем субъект (Selbst) определяется и конституируется. <...> Этический **субъект может мыслиться только как задача**, ни в коем случае как психический источник или очаг или какая-либо сила психического субъекта. Итак, этический **субъект не есть данность**, наличная до своих этических деяний, и, значит, в этических деяниях он не просто проявляется и манифестируется — он вообще не имеется, пока он не проявляется: и поэтому в деянии он не проявляется и вырождается, но в них возникает и порождается» (Рубинштейн [Эл. ресурс]; выделено нами. — А.Ш.).

Как можно видеть из этих фрагментов, для Когена именно этика говорит о том, *что есть человек как человек* и говорит она об этом языке нравственного законодательства, т.е. определения тех обязанностей, нравственных *задач*, которые человек *должен* решать в своих деяниях-поступках, ориентированных на *другого* человека, на то, чтобы этот другой человек, т.е. *человечество в лице каждого*, был для меня, т.е. для человечества в моем лице — самоцелью.

Итак, человек как субъект есть для Когена и, как видно по предыдущему тексту из книги «Бытие и сознание», для С.Л. Рубинштейна только в качестве этического субъекта, реализующего себя в своих деяниях стремясь к утверждению самоцельности челове-

ка, к утверждению в нем личности, т.е. этической субъектности как бесконечной задачи.

Из всего выше представленного разбора, на мой взгляд, достаточно видно, что данное, данность С.Л. Рубинштейн везде, вслед за Г. Когеном, понимает как остановку мысли в ее нескончаемом движении определения и преобразования бытия, его конституирования как осмысленного, определенного для мысли. А потому, говоря о данности и отвергая ее как наличную, он везде отвергает не сам факт переживания, не феноменальность сознания как таковую, а остановку в понятийном определении бытия мыслью, конечный и потому ограниченный и неистинный результат которого (определения бытия) выдается за непосредственную данность самого бытия.

Мысль находится с бытием как бы в потенциальной (а не актуальной, как у Лейбница) предустановленной гармонии, но «естественный свет» разума дает мысли возможность познания природы, по Когену (в изложении Рубинштейна), не путем рецепции, как это считалось в Средние века, а путем научного, логического конструирования-порождения знаний о природе. Это хорошо видно из следующих пассажей:

«Истинность категорий и их обоснование — в отношении их к тому, что ими обосновывается. Но они не только гипотезисы, гипотезисы становятся принципами. Помимо отношения, идущего от данного к его предпосылкам, есть еще другое отношение, идущее от идей как принципов к данному бытию. <...> В этом обратном отношении понятия, установленные как предпосылки, должны оправдать себя как принципы и стать идеями, т. е. познаниями. Идеи как принципы включают себя в содержание данного бытия и становятся принципами того бытия, в качестве предпосылок которого они были установлены. Входя в состав и в построение содержания данного бытия, предпосылками которого они являлись в первом отношении, понятия, логическое содержание мысли оказываются содержанием бытия и, значит, познанием» (Там же).

Собственно, научные гипотезы, сама их возможность свидетельствует о наличии естественного разума, т.е. разума, если использовать выражение Л.С. Черняка, обладающего естественной аффинностью к познаваемой им природе. Неслучайно для Когена именно факт естественных наук является исходным началом его философии как наукоучения (Там же). И это единство бытия и мышления Коген, как мы видели, не скрывает. А С.Л. Рубинштейн последовательно идет здесь по его стопам.

Заключение

Конечно, можно понять мысль как конструктивную часть самого бытия, его *принцип*, как делал Коген, тогда не возникнет вопрос о самоданности себе субъекта на уровне созерцания. Это вариант объективного идеализма, как отмечал Рубинштейн в своей ранней работе о Когене (Рубинштейн [Эл. ресурс]). Однако С.Л. Рубинштейн, как будто бы принимает *конечность* человеческого разума. В его основных работах сознание — это знание о мире *вне* субъекта, причем познание — это *отражение*, а не порождение, как у Когена. В таком процессе познание всегда начинается с *созерцания*, т.е. со встречи с бытием в качестве внешнего, но не остается ли за данностью, как у Когена, только функция служить определяемым, т.е. постоянным напоминанием о бесконечности процесса мысленного, субъектного определения? Но тогда причем здесь отражение?

С.Л. Рубинштейн понимает отражение как деятельное включение сознающего субъекта в объективные процессы мира, частью которого он является своей деятельностью познающего и его преобразующего. Вот эту преобразующую мир и себя деятельность в процессе познания С.Л. Рубинштейн и называет отражением. Но тогда возникает второй вопрос — о созерцании самого акта созерцания, подобном аристотелевскому «зрению зрения». Без него, без такого созерцания акта созерцания, субъект не будет *осознавать* себя ни отражающим, ни порождающим бытие, ведь отражение предполагает *отражаемое* в качестве *внемысленного* бытия, а значит, как уже говорилось, восприятие самой его внешности, т.е. своего отношения к нему как к внешнему, *отношения внешности* как акта субъекта. Причем это отношение является непосредственным для субъекта, не опосредствованным понятиями, деятельностью рефлексии, которая, разумеется, тоже способна рефлексировать (но не *осознавать!*) деятельность субъекта как опосредствующую его отношения с бытием. А только лишь осознаваемая деятельность есть свободная деятельность субъекта, т.е. такая, которой дана его собственная свобода. Можно представить себе рефлексирующий собственную деятельность автомат, который направляет свою деятельность на свои действия. Его воплощением является любая компьютерная система, способная к самообучению, т.е. так называемый искусственный интеллект. Но будучи автоматическим интеллектом, она не является субъектом в собственном смысле и ей недоступно психическое отражение,

поскольку, занимаясь своей деятельностью, такая система себе не дана в качестве ответственной за нее, ей не дана ее субъектность, а потому у нее в собственном смысле слова и нет *своей, т.е. переживаемой ею*, деятельности.

В этом смысле позицию Когена и, по-видимому, С.Л. Рубинштейна можно возвести к декартовской. В Новое время Декарт понял встречу субъекта с собой чисто *интеллектуально*, как акт чистой мысли, *cogito*, но уже Кант вернул ее в поле созерцания как чувственности, т.е. *встречи* с тем, что *внешне* субъекту. Правда, и у Канта субъект встречается со своей свободой, встречаясь не с внешним сущим, а с моральным законом, не в мире феноменов, а в мире ноуменов. Продолжая именно этот посыл Канта, последующий критицизм, к которому принадлежал и Коген и тогда его ученик С.Л. Рубинштейн пошел *по этому же* пути. Лишь Гуссерль и последующая традиция экзистенциальной философии, а затем и экзистенциальной психологии попытались вернуть права непосредственному созерцанию. Конечно, мы знаем критику Рубинштейном этого направления. Но не выбрасываем ли мы с водой и ребенка, если не вернем созерцанию положительный смысл встречи субъекта также и со своей свободой в его встрече с иным?

Разумеется, утверждение о наличии феноменальной субъектности — это суждение не эмпирического ряда. Оно касается скорее трансцендентальной или чистой структуры субъектности, чем его эмпирически верифицируемой, но оно определяет возможность теоретически ожидаемых и возможных аспектов эмпирических исследований. Признание феноменального аспекта субъектности открывает просвет в область культурной психологии. Это та область в которой изучается поле культурных выборов субъектов, мотивированных тем, что они, совершая такие выборы, например, в сфере эстетики отвратительного, воспринимают эту эстетику как непосредственное подтверждение их субъектности, их свободы. А культура при этом выступает сферой *образцов субъектности*. Как представляется, на таком пути для психологии, принимающей во внимание культуру как сферу образцов субъектности, может открыться новый горизонт понимания и выражения человеком самого себя и своей свободы.

Финансирование. Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 19-013-00780_a «Субъектность как детерминанта самоповреждающего поведения в современной культуре: междисциплинарный подход».

ЛИТЕРАТУРА

Аристотель. О душе // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1976. Т. 1. с.369-448.

Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии / пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Дом интеллектуальной книги, 1999. Т. 1: Общее введение в чистую феноменологию.

Кант И. Прологомены ко всякой будущей метафизике, могущей появиться как наука // Соч.: в 6 т. М.: Мысль, 1965. Т. 4 (1). с.67-218.

Литинская Д.Г., Романова А.Р. Эстетика отвратительного: самоповреждение. Глаз // Безумие: опыт иного (феноменологический подход). Материалы Второй всероссийской междисциплинарной конференции. Москва, 21–22 апреля 2017 г. / ред. Д.Г. Литинская, А.Ю. Шеманов. М.: Левъ, 2017. С. 187–197.

Польская Н.А. Особенности самоповреждающего поведения в подростковом и юношеском возрасте // Известия Саратовского университета. 2010. Т. 10. Сер. Философия. Психология. Педагогика. Вып. 1. С. 92–97.

Рубинштейн С.Л. О философской системе Г. Когена//мсторикофилософский ежегодник-82. М: Наука, 1994.С.230-259.

Рубинштейн С.Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2017.

Рубинштейн С.Л. Человек и мир. 3-е изд. М.: Наука, 1997.

Чалмерс Д. Сознający ум: В поисках фундаментальной теории. 2-е изд. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015.

Черняк Л.С. Вечность и время: возвращение забытой темы / под ред. А.А. Григорьева, О.Е. Лебедевой. М.: Нестор-История, 2014.

Послесловие

Жизнь *полна* драмами и трагедиями. И этим ей достаточно себя чувствовать. Только потом она может наполниться рефлексией и пониманием действительных противоречий. Только потом вместе с рефлексией и пониманием, жизнь наполняет самочувствие поэта, философа, методолога и ставит их перед реальным вызовом. Я думаю, это справедливо для хода всякой истории — индивидуальной или иной.

И *тем* больше драма, чем сильнее выразительность боли. Но чем честнее человек, тем *яснее* звучат голоса драмы для зрителя, заставляя сдвинуть цель: не переживать, но понимать; не быть захваченным, но быть свободным. В этом реальный вызов: не быть резонатором, но быть посредником.

В этом послесловии я хочу предупредить читателя, что если он еще не погрузился в драму и перипетии становления психологии, то ему придется это сделать. Ему придется встретиться с переживанием, а затем понять свою точку зрения. И важно упредить себя от скоропелости выводов: только беспристрастное исследование сможет превращать драму в дискуссию.

Но и собственная драма дискуссии не производится ни беспристрастностью, ни исследованием. Я думаю, что она производится признанием непонимания. Такого же ясного, как мнение обывателя обо всем. Обретая его, исследователь в состоянии действовать честно и выразительно. Действовать ему или нет — он принимает решение сам.

Человек живет не наукой, конечно. Человек живет историями. Это все, что от него остается в обществе. И настоящим исследованием человека всегда будет исследование его истории. Его маленьких трагедий, их фабул, сюжетов и композиций.

Так вышло, что послесловие к материалам данного семинара я пишу в «самоизоляции» от вируса. Эти странные слова (вирус и самоизоляция) намекают мне на то, *чего* я совсем не хочу, но, возможно, «придется». И полнота моей жизни обеспечена такой драмой, она ей направляется здесь и сейчас. Происходит нечто реально драматичное и пугающее: пандемия нового коронавируса парализует признание непонимания и рефлексии. Но хочу ли я этого? *Этого ли* я хочу?

Нет. Я хочу выразиться, стать выражением, открывающим мою идентичность в непредсказуемых кругах общения.

«Смерть» автора определит читатель.

Директор Психологического института РАО
П.А. Сергоманов

Научное издание

К 130-лeтнему юбилею
С.Л. Рубинштейна

Материалы общемосковского
методологического семинара

Технический редактор *Д.Б. Богоявленская*
Корректор *Н.С. Самбу*
Верстка *В.Н. Кокорев*

ООО «Акрополь»
г. Москва, ул. Краснобогатырская, 42, стр. 2

Подписано в печать 23.03.2020.
Формат 60×84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 7,9. Тираж 500. Заказ № 189